

Елена Габова

Дождь из прошлого века

*Современная
проза*

Елена Габова

Дождь
из прошлого
века

Повести

Москва

 ЛЕКСИПЕДИЯ-М

ББК 84Р7-4

УДК 82-31

Г 12

Габова Е.В.

Г 12 Дождь из прошлого века: Молодёжные романтические повести/Художник К.Прокофьев. — М.: Аквилегия-М; 2013. — 288 с. — Б.ц.

В книгу замечательной российской писательницы Елены Габовой вошли три повести: «Москва слезам верит», «В ожидании алых парусов» и «Дождь из прошлого века». Все они объединены вечной темой любви, поиска своего личного счастья. Порой герои Габовой оказываются в ситуациях, когда не получается договориться со своей совестью, когда правила игры диктует сама жизнь.

Елена Габова — лауреат Международной литературной премии им. В.П.Крапивина, финалист национальной литературной премии «Заветная мечта», лауреат Конкурса детской и юношеской художественной литературы им. А.Н.Толстого, Всероссийской литературной премии им. П.Бажова и других. Книги Габовой переводились на немецкий, японский и другие языки.

Для читателей старше 14 лет.

Серия «Современная проза»

ББК 84Р7-4

УДК 82-31

© Габова Е.В., 2013

© Издательство «Аквилегия-М»,
оформление, 2013

ISBN 978-5-905730-26-9

Москва слезам верит

Ура! На осенних каникулах мы едем в Москву! Не весь класс, но многие. Ну, если честно, не очень многие, — всего восемь человек. Самое главное — я еду. Что за дела — все были в Москве, а я нет! В первый раз там отмечусь. Нинка и Лидка едут за компанию. Алёна — потому что Никифор едет. Ники — потому что Алёна. Им хоть на Луну, лишь бы вместе.

Наболтаемся! Здесь-то мы только в школе, уроки-переменки — какое общение.

Мне дали денег на Москву, господи!

Мама сказала: раз ты работала на летних каникулах, давай, имеешь право. Да,

я работала! Целый месяц дворником в сквере рядом с магазином «Совушка». Никто не знает, почему он так называется. Обычный продуктовый. Самое противное в моей работе было подбирать окурки. И главное — рядом с урной. Ух, меня это просто бесило. Почему-то не попадают люди в урну бычком, не баскетболисты! Ну видишь ты, не попал твой бычок туда, куда положено, подойти, подбери и кинь внутрь!!! Нет же, лень! Вот один дворник рассказывал (он вообще-то студент, подрабатывал дворником). Стоит он на вокзале и наблюдает. Курит в центре зала группа немцев. И курят русские товарищи. Немцы в центре зала, от урны за сто километров. А наши парни и девушки — с урной рядышком. И вот каждый немец через весь зал идёт стряхивать пепел в урну. А наши пепел прямо на пол стряхивают. Ужас просто!

Я раньше на это внимания не обращала, а после своей летней работы — стала. И теперь я даже замечания делаю тем, кто помладше. Ровесникам и старшим — бесполезно, они всё мимо ушей пропускают. Мимо своих, конечно. А по моим

могут и заехать: вот ещё, нашлась умная — учить.

В день нашего отъезда была свадьба моего двоюродного брата Василия. Ему двадцать три. Играли свадьбу у них дома. У них а-агромадный частный дом с огородом. Гости чуть ли не на грядках сидели. И сидели бы — на грядке с горохом на грядке с клубникой, но конец октября — не сезон, огород ждал других гостей — снегопадов.

Веселенький был вечерок! Выкуп невесты, забавные, даже не забавные, а, скорее, глупые шутки. Васёк из туфли невесты шампанское пил — кошмар, ни за что бы не стала. А он пил и при этом не кривился, а улыбался! Можно было подумать, что ему дали выпить шампанское из золотого кубка царя Давида. Вот до чего доводит любовь. Просто до сумасшествия, точно-точно. Я же знаю, что Васька брезгливый. Он кока-колы не выпьет из одной кружки со мной, а тут из какой-то потной туфли невесты... Б-р-р! Родители мои потерялись в толпе гостей, позабыли, что их дочь тоже здесь присутствует. Папа мой всё

косился — не на невесту, а на её сестру, и, я слышала, сказал маме: «Вот кто невеста. Её надо было Василию дожидаться». Да, Нонна, сестра невесты, очень красивая. Папа мой внешность имел в виду. У неё глаза жуть какие зеленущие — как у русалки. Она старше меня, но ненамного, ей всего шестнадцать, Васька бы состарился, если б ждал. А сестра её, то есть невеста, Таисия, — тоже красивая, только у неё глаза не зелёные, а голубые и слегка водянистые.

Шампанского было море, и, когда мне пришло время ехать на вокзал, выяснилось: все были подшофе и меня не мог отвезти ни один гость. Кому охота лишаться прав? Для моей персоны вызвали такси.

— Может, тебя проводить? — спросила мама чисто формально: ей не хотелось прерывать буйный вечер с потрясающими фокусами, наподобие вышеописанной туфли.

— Ни в коем случае, веселитесь! — отказалась я и села в машину в обнимку с рюкзаком. Я ни за что не согласилась брать чемодан на колёсиках: да ну, всего на пять дней едем, какой чемодан, за границу, что ли, собираюсь?

На вокзале уже были все наши, кроме Серёжки Скайпинского. Скайп опаздывал всегда и всюду и, зная это, вполне можно было предположить, что мы уедем без него. Уже объявили посадку на Москву. Но мы договорились, что соберёмся на перроне и в вагон пойдём все вместе. Было уже без двадцати одиннадцать, а поезд отправлялся в двадцать три ровно.

Ники и Алена стояли поодаль и о чём-то загадочно разговаривали. Судя по всему, они никого не ждали. Может быть, они даже забыли, куда и зачем мы едем, потому что влюблённые страшно забывчивы.

Ольга Александровна, наша сопровождающая, очень переживала. Она у нас историю преподаёт. Классная не смогла поехать, потому что у неё заболел младший ребенок, а у исторички дети уже взрослые, и если даже заболеют, то ничего, смогут почихать и покашлять самостоятельно.

У Ольги Александровны выдержки не хватило, и она завела унылую песню про несознательных десятиклассников, на которых никогда нельзя положиться. Мы её успокаивали, типа того, что Серёга вот-вот подойдёт. Но она ничего не хотела

слушать. Схватила свой красный чемодан и решительно покатила его к десятому вагону. Сказала, чтобы мы следовали за ней. И вот тут-то из-за угла вокзала вдруг выскочил взмыленный Скайп. Оправдываясь, он долго объяснял, что его подвёл младший брат, что Генка спрятал какой-то там ключ, что его закрыли в квартире, — словом, Скайп нёс полный, никому не понятный сумбур.

Мы так обрадовались, что даже не стали Серёгу ругать, и быстренько погрузились в вагон. Поезд, оказывается, ждал только нас: гудок отчаянно взвыл, и состав потихоньку пополз вдоль города.

Проснувшись утром и приоткрыв один глаз, я увидела такую картину: Алёна сидела у окна на полке напротив меня, а Никифор дёргал её за волосы. Он лежал на верхней полке, свесив вниз голову и руку. Волосы у Алёны волнистые, до плеч, она блондинка. Алёна терпела. Скорее всего, ей это нравилось. Не просто нравилось — она умирала от счастья и была на седьмом небе. Потому что она в Никифора влюблена. Скоро Ники перестал дёргать

и стал играть её светлыми прядями. Просто потрясно!

Я закрыла открытый глаз и тут же открыла оба. Картина не изменилась.

— Доброе утро!

— Проснулась, — Алёна улыбнулась лучезарно, как летнее солнце. — Доброе утро. Как там свадьба твоя?

— Не моя пока что, к сожалению. А вообще, народ, свадебная программа была ого-го! Как свадьба Уильяма и Кэтрин, нет, классно!

Нас в купе был полный комплект: Алёна плюс Ники, Нинка плюс я, а на боковых местах Лида Симакова и Серёга Скайпинский.

— А чего там было необычного? — поинтересовался Серёга с боковой верхней. У него широкое плоское лицо в веснушках и оттопыренные розовые уши в форме вопросительных знаков.

— Ну, например, жених из туфли невесты шампанское пил.

— Ужас! — Алёна поморщилась.

— Не думаю, чтобы Уильяма заставляли пить из туфли Кэтрин, — засмеялся Ники.

— Это, наверное, национальная русская проверка женихов на прочность, — предположила я.

— Алён, ты меня тоже будешь заставлять — из туфли? — пропел Никифор нежным голосом, оставив в покое её светлые пряди.

Я думала, она скажет: «Дурак» или что-то в этом роде, что все девчонки обычно говорят в таких случаях, а она тихо и очень серьёзно ответила:

— Нет.

— Спасибо. За это я куплю тебе лучшие туфли в мире.

— Ники, купи ей хрустальные башмачки, — предложила я.

— Ники, принесёшь стаканчик чая? — спросили сверху. Нина Зашихина прервала тему Золушки. — Зелёного, ладно?

Оказывается, Нина на верхней полке уже давно не спала, а читала книгу.

— У меня есть зелёный, — сказала Алёна. — Ники, не надо у проводника покупать.

— Тебе прямо наверх чай закинуть? — спросил Нинку Ники.

— Да ладно уж, спущусь.

Ох, чего мне только в сумку не положили со свадебного стола! Помидоры, огурцы, яблоки, колбаса, сыр, а ещё похоронно-свадебный оливье в пол-литровой банке (его слопал Ники), и селёдка под шубой, и ещё какой-то экзотический салат из киви и апельсинов — ужас. Мы устроили настоящий пир, пригласили Ольгу Александровну из соседнего купе, но она прийти отказалась, объяснив, что уже позавтракала.

— Отщепенок позови, — тихонько предложила Алёна.

Я посмотрела на неё свысока:

— Вот ещё! Очень надо!

Я терпеть не могла двух наших новеньких, которых, благодаря классной, прозвали отщепенками. Как-то мы хотели вечером собраться в школе послушать музыку, и Кира Константиновна сказала:

— Новеньких девочек тоже пригласите. Что они у вас как отщепенки?

Так и повелось: Тоня Филатова и Римма Рыбакова — отщепенки. Ну не вписывались они в наш спаянный коллектив! Что-то в них было чуждое нашему десятому «Б». И чего они к нам привязались? Пришли из другой школы первого сентября.

Не из другого города — из нашего! Что-то у них в классе, видать, не заладилось.

Обе маленького роста. Смазливые. Одна так прямо красавица — Тоня. Римма называла её Антошкой. Глаза у Антошки синие, в пол-лица, ресницы — крылья чёрной бабочки. Волосы — кудрявая копна. Я ни у кого не видела таких чёрных блестящих волос. Брюнетка с синими глазами — редкость, Вивьен Ли, например, но Антошка лучше. Римма — низенькая и плотная, черты лица у неё правильные и мордашка тоже ничего, симпатичная. «Фасад» новеньких нас вполне устраивал, хотя одевались они чудно. Вроде бы модно, но не как все. Джинсов вообще не носили. Такое впечатление, что они шили себе сами. Вельветовые костюмчики, жакетики с миллионом карманов и юбочки — такие короткие, что иногда приходилось сомневаться, есть ли они вообще, да ещё длинные жакеты их прикрывали. На мой взгляд, короткие юбки этим девчонкам совсем не шли: в них новенькие казались ниже ростом. Интересно, в поезд они тоже в юбках приползли? Надо проверить. Я заглянула в соседнее купе. Ольга Александровна

читала, Антошка полулежала на нижней полке, опершись на подушку, подогнув колени и уставившись в компьютер. Ноги её были прикрыты простыней. Наверное, смотрела какой-то фильм. А Римма на боковой полке ещё дрыхла. Из-под подушки почти до полу свешивался на проводке чёрный наушник-капелька. Меня разобрала досада — с этой Васькиной свадьбой я плеер забыла! А там у меня все альбомы Цоя записаны.

...Первого сентября «отщепенки» сели за нашу с Алёной любимую парту — вторую у окна.

Я усекла это сразу, как вошла в класс.

— Приветик! — поздоровалась я, подходя к ним. — Девушки, вы новенькие, да?

— Предположим, — Римма посмотрела на меня снизу вверх, но так, будто с десятого этажа смотрит: снисходительно, как на ребёнка.

— Это наши места.

— Тут не написано, — сказали с десятого этажа.

— Не написано, так я вам говорю. Мы тут сто лет сидим.

— Сто лет! Так вы второгодники? — гля-
застая Антошка схватила свой рюкзак. —
Рим, второгодников надо уважать, давай
переседем. Уступим старшим.

Они пересели на парту за нами. Ан-
тошка сделала это быстро, а Римма выта-
скивала свою почтальонскую сумку долго,
нехотя, всем своим видом демонстрируя,
что делает нам великое одолжение.

— Сами вы второгодники, — буркнула
я. И села на своё привычное место. Очень
мне эти новенькие не понравились. Я по-
том с ними всю четверть не разговаривала.

И вот они едут с нами на экскурсию
в Москву. Хотя наверняка были там уже сто
раз. Наверное, они решили подружиться
с нами в неформальной обстановке.

И самое-то ужасное, что по путёвке моё
место в гостинице оказалось в в одном но-
мере с «отщепенками». В турбюро ведь не
знают, кто с кем дружит. И вот меня, ста-
ло быть, сунули в трёхместный номер с То-
ней и Риммой, что здорово портило мне
настроение, и я старалась об этом не вспо-
минать. Пять дней жить с чужими людь-
ми! Я-то, понятное дело, хотела с Алёной,
но она будет с Ниной и Лидой Симаковой.

Обедали мы в вагоне-ресторане. Сидели как белые люди — за столами, покрытыми белыми скатертями. Тоня и Римма поздоровались, улыбнулись, даже ручкой нам помахали, сидя за соседним столиком, — как будто боялись теперь занимать чужие места. Алёна с Ники за руки держались, когда ложки откладывали. И, когда по вагонам шли, он её за ручку вёл, как маленькую сестрёнку. В переходах из тамбура в тамбур открывал двери и ждал, пока Алёна, а за ней и я в качестве лучшей подруги, пройдем через лязгающее тупыми зубами сцепок межвагонное пространство. А потом закрывал за нами обеими тяжёлые двери.

Отпад! Гордый Ники за мной дверь закрывает!

Поезд полз себе потихонечку. А куда ему торопиться? Во всех местах он должен быть, как миленький, по расписанию. В депо, наверное, и тепловозам не хочется, когда кругом такие просторы. «Застоялся мой поезд в депо, — вспомнила я Цоя и пропела про себя: — Снова я уезжаю, пора. На пороге ветер заждался меня. На

пороге осень — моя сестра. После красно-жёлтых дней начнётся и кончится зима»... Да, она вот-вот начнётся. Осень за окном вагона уже не красно-жёлтая, а иссиня-чёрная. Поезд полз длинной гусеницей по этой унылой ноябрьской земле. Они, поезда, наверное, тоже любят леса, реки, луга с перелесками... мосты.... Гулкий шум колёс говорил о том, что мы проезжаем очередной мост. Два раза переехали Вычегду, потом Двину, потом Волгу...

Не сказать, что в вагоне мы широко веселились. Алёна с Ники пастораль разыгрывали, да нет, не разыгрывали — они на самом деле влюблённые. В прошлом году только Алёна была влюблена, а теперь, значит, и Ники в неё тоже втюрился, понятно. Пошептаться с Алёной у меня не было возможности, потому что парочка не разлучалась.

Ольга Александровна активно общалась с «отщепенками». Голосов девчонок почти не было слышно, а у Ольги Александровны такой звонкий голосок, прямо колокольчик, кажется, что он слышен всему вагону. А лет ей, примерно, пятьдесят или чуть больше. Сама она кругленькая, и гла-

за разные — один зелёный, другой желтоватый. Губы наша историчка красит ярко-красной помадой. Прямо кумачовой. Даже здесь, в поезде. Розан, а не женщина.

Сутки прошли незаметно. Алена тусовалась с Ники. Они то и дело уходили в тамбур. Целоваться — зачем же ещё? Они ведь не курят. Нина читала. Лида что-то вязала. Скайп играл в игру. На его дисплее два человека дрались. То один побеждал, то другой, в зависимости от того, правую или левую кнопку Сайп нажимал проворнее. То один валился на каменный пол и первый колошматил его, то наоборот. Захватывающее зрелище! Просто отпад.

— Как ты можешь в это играть? — спросила я Серёгу.

— А что делать? — в свою очередь поинтересовался Скайп.

— Выкинь её.

— Не могу, это я у брата взял.

— У старшего?

— У младшего, Генки.

— Ужас. Вот на этом твой Генка учится жизни?

— А на чём ещё?

— В самом деле, не на чем...

Скайп становился мне совершенно неинтересен. Из одноклассников мне немножко нравится Ники, но он воображала и слишком уж красивенький. Не красивый, а именно красивенький, сладкий. Про таких говорят: как с картинки. В него многие девчонки влюбляются, у нас полшколы в Ники влюблены.

Римма и Антошка по-прежнему были сами по себе. Да все мы были в поезде сами по себе, словно и не учились в одном классе.

Скайп попробовал было вечером рассказать нам пару-тройку анекдотов, но они оказались какие-то несмешные... Только Лида Симакова хихикала.

На Ярославском вокзале мы с девчонками первым делом отправились в туалет. Там зеркала во всю стену, можно взглянуть на себя во всей красе. Можно нормально умыться и даже подкрасить ресницы, а то в поезде трясёт — то и дело щёткой в глаз попадаешь.

Понятно, туалеты сейчас все платные. Но мы с поезда, а пассажирам на вокзалах бесплатно.

— Показывайте билеты, — дежурная у входа в туалет глядела на нас с непонятной ненавистью. За что она нас ненавидит?

— Какие билеты, разве вы чемоданы-рюкзаки не видите?

— Ничего не знаю. Билеты!

Я просто взбесилась.

— Наверное, вас часто надувают. Приходят в ваш туалет прямо из центра Москвы, с чемоданами!

— Ничего не знаю, давайте билеты.

А я уже билет свой куда-то подевала, в книжку сунула или в паспорт — не помнила куда. Пришлось рыться в рюкзаке, а противная тётка с важным видом листала яркий глянцевый журнал.

— Вот вам билет, пожалуйста, — я наконец-то его нашла.

Ох и разозлилась я на эту туалетную работницу! Ну вот зачем себя так вести? Зачем вредничать? Ведь понятно же, что мы с поезда!

При выходе я не сдержалась. Женщина как раз доставала из шкафа связку туалетной бумаги. Тётка была сильно накрашена, словно перепутала туалет с театром, и держала рулоны на уровне груди, как

ожерелье. Надо сказать, оно было ей очень к лицу! Я бы на её месте так бы и сидела за столиком со связкой рулонов на шее. И смотрела бы модные гламурные журналы. Я злорадно сказала:

— Знаете, мадам, вы созданы для того, чтобы всю жизнь работать в туалете, — и вышла, гордая, как верблюд.

Она поначалу опешила. А потом закричала мне вслед:

— А ты даже этого не достойна!

Я повернулась и продекламировала:

— Меня ждёт на улице дождь,

Тебя ждёт дома обед...

— Что? — закричала тётка. — Сумасшедшая какая-то!

— Закрой за мной дверь, я ухожу!* — на ходу я оглянулась.

Я была горда своим отпором этой вредине. Она сама нарвалась на грубость. Сама виновата!

И тут... Они как будто с неба свалились!

Двое полицейских остановили меня.

Один из них взял меня под руку:

— Девушка, минутку. Что случилось?

— Ничего.

* слова из песни Виктора Цоя

Туалетная тётка подбежала и стала тыкать в меня пальцем:

— Она сумасшедшая! Я ей ничего не сделала, а она — оскорблять.

— Девушка, ваши документы, — потребовал страж порядка.

А его напарник добавил:

— Дохните.

Нас окружили наши девчонки.

— Товарищи милиционеры, она с нами! Мы на экскурсию в Москву приехали. Очень издалека!

— Господа полицейские, — добавила рассудительная Нинка, — на перроне нас ждёт учитель. Будет беспокоиться, если вы нас задержите.

— Так-так, поглядим. Тётя Таня, что, вы говорите, она сделала? — спросил молодой милиционер-полицейский, изучая мой паспорт.

— «Закрой за мной дверь, я ухожу!» — кричала.

— Закрой за мной дверь... — молодой рассмеялся и сказал напарнику: — Слушай, это же Цой.

Они вернули мне паспорт, отдали честь и удалились.

Спасибо Виктору Цою, а то бы задержали.

— Ты, Славка, на милицию-то не нарывайся, — упрекнула меня Алёна. Вид у неё был испуганный. — Зачем тебе в Москве приключения?

— Историчке ничего не говорите, — попросила я.

— Конечно! Только ты уж того... в истории больше не влипай, ладно?

— Постараюсь, Алён, — я, как могла беспечней, подмигнула подруге.

В Москве нам перво-наперво показали самое главное — Красную площадь. Оказывается, она такая маленькая! В фильмах, в телепередачах, на открытках она, как поле, громадная, а на самом деле — уютная, тёплая, какая-то сказочная. Её можно просто взять в ладони. Мне понравилось. Потом нас повезли на Кутузовский проспект, к району «Москва-Сити». Теперь мне в Нью-Йорк не обязательно ехать: небоскрёбы я видела. Москва-Сити впечатляет!

А потом мы, уставшие от многолюдного города, очутились в шикарной трёхзвёздочной гостинице. И вот, здрасьте пожалуйста,

мне надо идти в номер с Антошкой и Риммой. А я туда не хочу. Не хочу. Не хочу и все! Эти девицы мне просто чужие!

С унылым видом я сидела в холле на мягком кожаном диване. Даже чуть-чуть хотелось плакать. Девчонки уже уехали на лифте на десятый этаж, заселяться.

— Сердитова, ты почему в свой номер не поднимаешься? — спросила Ольга Александровна.

— Потому что я с новенькими не хочу.

— Мало ли что — не хочешь. Не капризничай, ты не дома.

— Вот именно. Я не дома. А хочу быть как дома. Хочу со своими девчонками.

— А разве Тоня Филатова и Римма Рыбакова не свои? Вы учитесь в одном классе.

— Прилетели откуда-то... Конечно, не мои.

— Давай-давай, поднимайся, устраивайся. Как раз и познакомишься поближе, отношения наладишь. Надо жить в мире со всеми.

— Не хочу налаживать... Не хочу с ними в мире...

— В твоём распоряжении всего полчаса. Потом пойдём ужинать. Поторопись.

И Розанчик вошла в лифт со своим пламенным революционным чемоданом.

Я вздохнула и тоже побрела к лифту. Что делать? Придётся подниматься на десятый. Стою жду. Двери лифта бесшумно открылись, и вышли оттуда, как из волшебной пещеры, два ослепительно чёрных человека. Может, нельзя так сказать: ослепительно чёрных, но они меня действительно ослепили. Негры. В нашем городе их нет, ни одного. Только в какой-то конторе, кажется, в жилищной компании (мы с мамой ходили выяснять что-то насчет счётчиков для воды), я видела одну негритянку, которую все называли Марией Ивановной. То есть Мария Ивановна была наша российская мулатка и говорила на чистейшем русском. Мама тогда предположила, что она, наверное, дитя фестиваля пятьдесят седьмого года. От нашего города ведь тоже на том молодёжном фестивале были делегаты. Лет этой Марии Ивановне было уже за пятьдесят. Мама говорила, что таких «детей фестиваля» было по стране немало. И, скорее всего, Мария Ивановна на самом деле Мария Джоновна

или Мария Джековна, но ведь так зваться смешно.

Ну вот, а это были совершенно не наши негры, в чёрных, с иголочки, костюмах и в ослепительно белых рубашках с галстуками. У одного галстук был красный, у другого — чёрный в мелкую белую крапинку. Оба молодые, на «детей фестиваля» они явно не тянули, уж, скорей, внуки... Почему я о них так подробно? А потому, что выйдя из лифта и увидев мою удивлённую физиономию, негры ослепительно мне улыбнулись и вежливым жестом пригласили пройти в кабину. Я вошла — а что я должна была сделать? И тут они вошли следом, всё так же лучезарно улыбаясь. Я просто обмерла от страха. Зачем они со мной-то? Ведь только что спустились!

— What floor do you need?* — спросил тот, что с красным галстуком.

— Десятый, — ответила я по-русски и добавила: — Tenth.

Они молчали, только улыбались загадочно (так мне казалось) и глядели на меня во все свои огромные чёрные глаза, похожие на сливы.

* Вам какой этаж? (англ.)

Я была в полной растерянности. И мне даже было немножечко страшно. И любопытно. Такие чёрные люди! А ладони у них розовые. Прямо как инопланетяне, точно. Конечно, я миллион раз видела чернокожих в кино и по телику, и розовые ладони видела, и белейшие белки глаз, но чтобы так близко, рядом со мной, — нет, к этому я была явно не готова.

А они довезли меня до десятого этажа, лифт открылся, они вежливо кивнули, ещё раз ослепительно улыбнулись «девочке из деревни», подождали, пока я выйду, и умчались вниз.

Таким образом, они меня услужливо проводили! Вот здорово, и какая честь Славе Сердитовой!

В номер к «отщепенкам» я не пошла.

Ворвалась в 1017-й, где поселились Алёна, Нинка и Лида, и заорала:

— Девчонки! Я негров видела!

— Вот невидаль, — усмехнулась Нинка. — Кстати, называй их афро-американцами.

— Откуда ты знаешь, что они из Америки? — удивилась я. — Может, они из Занзибара?

— Ну и какого они цвета?

— Зелёного! Я с ними в лифте ехала и при желании, Нина, могла бы с ними поцеловаться! — сказала я Зашихиной.

— Что же не целовалась? — спросила Алёна.

— Да не целуюсь я с незнакомцами!

Я не расистка. Цвет кожи меня только удивляет, но, если бы я полюбила негра (возможно, афро-американца), меня бы ничто не остановило. Это так, между прочим.

— Нет, вы понимаете, они вышли из лифта, а когда я зашла, они — за мной, представляете?! Я чуть со страху не умерла.

— Может, познакомиться с тобой хотели?

— Не знаю. Может быть. Но они молчали всё время! Это было что-то!

— Девчонки, — добавила я, вдруг вспомнив, что я в этой комнате непрошенный гость. — Я не хочу идти к новеньким. Лучше посплю у вас на коврике. Такой пушистый...

Алёна ничего не ответила, только улыбнулась. Когда она против, то молчит, только улыбается — дипломат.

— Лидка, иди ты туда, а? — обратилась я к Лиде Симаковой. Ей не всё ли равно —

она ни с Алёной, ни со мной не дружит, и с Нинкой — так себе, вот и пусть валит к новеньким.

А Лида мне вдруг отвечает:

— А давай мы с тобой на одной кровати ляжем.

— Да? Ты не против?

— Нет.

— Давай! Все ведь знают, что у нас правильная ориентация.

Симакова захихикала.

Так мы обосновались в трёхместном номере вчетвером, а Антошка и Римма — в таком же вдвоём. Так что «отщепенкам» жаловаться не на что.

В этой гостинице собрались школьники со всех концов страны. Мы с севера, группа ребят с Чукотки. Прямо международный симпозиум. Я ничего не имею против чукчей. И не понравились они мне не потому, что у них узкие глаза, а просто потому, что девчонки с Чукотки оказались вредными. Придя на завтрак, я села за столик у окна и заняла место Алёне с Ники и Нине с Лидой. Они на десятом задержались. Алёна с Ники пешком спускались. И целовались,

наверное, на каждой лестничной площадке, иначе почему их так долго не было? А Лида и Нинка делали мейкап.

Заняла я место, и вдруг эти, с Чукотки, садятся за мой стол.

— Эй, девушки! Здесь занято!

— А тут не написано! — точно как наши новенькие первого сентября, отвечают они.

— Я вам говорю — занято!

— А мы хотим здесь, у окна.

— Мало ли что — хотите. Валите отсюда.

— А ты кто такая — командовать? — спрашивает одна, самая крупная. На ней джинсы и вязаный кардиган. Она смотрит на меня так, как будто хочет дать мне в лоб.

— Я такая же, как ты, — по путёвке.

— А в путёвке не написано, что ты больная?

— Что? Кто больной?

— Ты, конечно.

— Сама больная, узкоглазая! Чучело! Вас там Абрамович почему так плохо воспитывает?

Ох, как я на себя разозлилась! Именно — на себя! Я ведь совсем не хотела её

обзывать. Одно дело обзывать по поведению, другое — по внешности. «Узкоглазая» — это обидно. Но чукотская девчонка меня достала. Я грохнула стулом и пересела за другой столик — у двери. На нас уже удивлённо оглядывались посетители. Появилась наша влюблённая парочка. Как ни странно, они сели не ко мне, а к тем чукчам, за столик у окна. Там два места оставались свободными. А я, можно сказать, за них же копыя ломала. Вот всегда так: стараешься, стараешься для других, а тебя раз — и предадут.

Москва мне понравилась, очень-очень. Нарядная, словно скоро Новый год, а ведь до него ещё два месяца. А здесь уже продавали ёлочные игрушки. Перемигивались новогодние гирлянды. Смотреть на это было весело и в то же время странно: ведь не было снега, наоборот, на улице стояла теплынь. Мостовые и тротуары ровные, чистенькие, словно танцпол. У нас неплохой город, тоже симпатичный. Но вот тротуары просто никакие — то ямка, то ухаб. Москва похожа на ухоженную красивую женщину. Так следит за собой — за ногтями, за причёской, тени накладывает,

ресницы красит, губы... А наш городок — девчонка-сорванец, без всякого макияжа и с поцарапанными коленками.

Но особенно мне понравилось метро. Там людей миллионы, а ты как будто совсем один. Никому до тебя дела нет! Если бы я жила в Москве, то каталась бы на метро, когда нужно было бы о чём-нибудь серьёзном подумать. Или сочинение написать, я всегда их на ходу придумываю, а потом записываю. Мотайся в метро туда-сюда и думай, пока голова не лопнет.

Ещё мне понравилась Третьяковка. Нас водили по всей галерее, из зала в зал. Скайп быстро с экскурсии слинял, Алёна с Ники держались за руки и внимательно слушали экскурсовода, как образцовые отличники. Нинка что-то записывала в маленький блокнотик, у Лиды Симакowej был скучающий вид. Я ходила с нашими, а потом отстала.

Моё внимание привлекла другая группа. Перед картиной «Явление Христа народу» сидели школьники, явно помладше нас. Скорее всего, это были москвичи, потому что присутствовал весь класс, человек тридцать. Они сидели прямо на полу,

полукругом. Это было круто! Я тоже села на пол, с краю. Хоть отдохну. Тут этих залов миллион! Слушаю рассказ о картине. Оказывается, Христос и Иоанн Креститель — близкие родственники, двоюродные братья, Иоанн Креститель всего на полгода старше. И он тоже заповеданный ребёнок, как и Христос. Когда его мать, Анна, пришла в церковь маленькой девочкой, немой Захарий заговорил и сказал, что теперь может умереть спокойно, так как увидел ту, которая родит Предтечу. Всё это я узнала от женщины-экскурсовода. У неё были тёмные волосы, собранные сзади в пучок и украшенные бантом в виде чёрной розы. Этот бант почти сливался с волосами брюнетки, и вся она была такая стильная, что я рассматривала её тоже как экспонат.

Вечером я объявила девчонкам:

— Знаете что, девушки? Пойду-ка я на своё место.

— И это правильно, — поддержала Нинка. — Создаёшь комфортные условия своим недоброжелателям. А в нашей комнате воздуха меньше.

— Ой, воздуха ей не хватает...

В номере было прохладно: видимо, окна на зиму ещё не заклеили, дуло из всех щелей. Так что воздуха — хоть отбавляй.

Я взяла свою пижаму, зубы почистила здесь, у девчонок, и пошлёпала в соседний номер. Дверь открыла без стука: я тут прописана по путёвке, имею право!

— Приветик! Я пришла на своё место, — объяснила я удивлённо уставившимся на меня Антошке и Римме.

— Пожалуйста! — сказала Римма. — Давно ждём.

Сказано с ехидцей. Ничего, переживу. Я только на ночь, подумаешь.

Тоня молча улыбнулась. Улыбка у Антошки мягкая, личико от неё ещё круглее делается, словно улыбка, как штрих на рисунке, его округляет.

Я юркнула под одеяло, включила ночник и открыла книгу.

А девчонки продолжали начатый до моего прихода разговор:

— Ладно, — сказала Тоня, — я ему позволю. — И что я ему скажу?

Я прислушалась. Делаю вид, что читаю, а сама слушаю. А разве кто-нибудь на моём месте смог бы спокойно читать?

— Ты скажешь, что он подонок.

— А что, он этого не знает?

— Конечно, не знает! Каждый человек думает, что он идеальный.

— А может, это ему по телефону сказать? А, Рим?

— Антошка, ты же по телефону не сможешь в глаза ему посмотреть! — сказано с возмущением.

— Ладно, звоню, да? А вдруг он не захочет встречаться?

— Не захочет — другое дело. Вот тогда и скажешь: «Подонок, ты знаешь, что я в больнице из-за тебя два месяца провалялась?»

— И про больницу сказать?

— Обязательно! Да я уверена, он знает.

— Откуда? Он же сразу смылся к бабке.

— А что, бабка на другой планете? Господи, какой же он трус!

— Он подонок.

Этот разговор заинтересовал меня чрезвычайно. Ушки мои были на макушке. Что же такое шибко нехорошее натворил неизвестный мне парень? Я отложила книгу, повернулась к стене и выключила лампу. Притворилась, что сплю. А самой

просто ужасно хотелось послушать дальше. Но девочки сразу перешли на шёпот, чтобы не мешать мне спать. Тактичные!

— Ладно, давай укладываться, — предложила Римма.

Комната погрузилась в темноту.

— Завтра утром позвонишь.

— Ой, Рим, не знаю. Подумаю.

— Спим. Утро вечера мудренее, — повторила Римма. В отношениях с Антошкой Филатовой она вела себя как старшая сестра, причём сильно старшая.

— Рим!

— Что?

— А ты бы позвонила?

— Спрашиваешь! Конечно! Я бы ему ещё и пощёчину залепила!

— Я, может, тоже залеплю!

— Ладно, Тошка. Спим...

— Ага. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

— Рим!

— Ну что, что?

— Мне очень нравится твоё имя.

— Спасибо. Мне твоё тоже нравится.

— Грацци*...

* Спасибо (итал.)

Утром мне уже совсем не хотелось в комнату к Алёне.

Когда я открыла глаза, Римма подтачивала ногти хрустальной пилкой и, увидев, что я проснулась, ужасно вежливо сказала:

— Доброе утро!

— Ага, доброе, — буркнула я.

В ванной я сполоснула лицо. Мои полотенца висели тут, вон они, нетронутые, — большое и маленькое. Тут же и брикетик мыла, и шампунь подушечкой, и гель для душа... Зачем я у Алёнки в номере торчала? Там ничего этого для меня нет, мы с ней одним полотенцем пользовались.

Глянула в окно — оно выходило на другую сторону. По железной дороге бежала зелёная электричка.

— Как спалось на новом месте? — спросила Римма.

— Нормально.

— Ну так тащи сюда свои вещи!

И я вдруг обрадовалась.

— Ага! Конечно!

Я сбегала к соседям. Они уже не спали. Собираю свои шмотки в рюкзак.

— Ну что, не съели тебя? — язвительно спросила Нинка.

— Ладно, девчонки, не буду вам мешать дышать. Пойду к себе.

— На завтраке встретимся, — приветливо ответила Алёна. И сделала мне ручкой.

Да! Встретишься с ней, как же! Она же все время со своим Ники. Скорее с ним одним встретишься, чем с ней хоть словом перекинешься.

Сегодня у нас по программе днём — свободное время, а вечером — спектакль «Юнона и Авось». Жалко, что Николай Караченцов всё ещё болеет, но Дмитрий Певцов мне тоже нравится. Я давно мечтала посмотреть этот спектакль. А какая там музыка! «Аллилуйя» и «Белый шиповник» я миллион раз слушала на своем плеере, они сводят меня с ума.

Когда я вернулась, Антошка разговаривала по мобильному:

— ...Я тоже в Москве. Да, приехали на несколько дней с новыми одноклассниками. Класс? Нормальный класс. Да, хотелось бы тобой увидеться... Где? Воробьёвы горы? Знаю, конечно, там университет, да? А что, ты уже в универе? А, живёшь рядом. Хорошо. В двенадцать смогу.

Антошка бросила телефон на кровать и прижала ладони к пылающим щекам. Потом закрыла лицо руками, что-то бормоча... Любопытство моё всё более разгоралось.

— Да ладно тебе, успокойся, — сказала Римма. — Можно подумать, что ты его любишь.

— Люблю?! Что ты говоришь? Разве его можно любить?

— Вот я и говорю — успокойся. — Римма посмотрела на меня. — Ярослава, ты не в курсе, как к университету проехать?

— Нет, не знаю. — Ой, я тоже хочу Воробьёвы горы посмотреть! Можно я с вами?

— Поехали.

— У нас спектакль в семь, — рассуждаю я, — до этого десять раз обернёмся. Точно?

— Конечно, в театр успеем! — Антошка посмотрела на меня, потом — растерянно — на подругу: — Римма, я не хочу с ним встречаться!

— Ну вот. Опять двадцать пять... Надо, — решила Римма. — Он должен знать, кто он есть на самом деле.

— Давай я ему это по телефону скажу.

— А по телефону ты сможешь в глаза ему посмотреть? — повторила Римма вчерашнюю фразу.

Разбежался наш класс по Москве. А что, нужно за ручки ходить? Достаточно того, что Ники с Алёной так бродят. Нина с Лидой отправились на шопинг, Скайп — по компьютерным салонам: он искал последнюю модель нетбука для старшего брата. Ольга Александровна, по старой советской памяти, в ГУМ поехала, Ники с Алёной ... а они остались в гостинице. Вот так. Они остались. Что они будут делать? Задачки по геометрии разбирать? Ага, конечно!

На улице я показала девчонкам моно-рельс — белый поезд ходит по нему поверх всех дорог. Здорово бы было в этом белоснежном поезде покататься. Но до университета на нём не доедешь. Рисковать девчонки не захотели, им надо было обязательно испортить настроение мистеру Иксу ровно в полдень.

В турбюро нашего города нам выдали миниатюрную схему московского метрополитена. Станция «Университет» расположена на красной линии. Народу

в метро негусто. Час пик кончился. В поезде в основном молодежь. Студенты! Молодые, красивые и... счастливые. А как же — учатся в самой Москве! Мало того, что в Москве. В МГУ они учатся! Я смотрела на них во все глаза. Я им завидовала! И хотела бы через два года быть на их месте. Если, конечно, мне не посчастливится поступить на актёрское. Я понимала, конечно, что актрисами мечтают стать девяносто процентов девчонок, Алёна, кстати, тоже. Для меня профессия артистки — журавль в небе. Я мечтала о ней как-то помимо всех остальных своих мечтаний, так, на всякий случай — на всякий счастливый случай. А реально хотела поступить в МГУ. Правда, факультет я ещё не выбрала. В вагоне я всё поглядывала на девушку с косой. Она мне особенно понравилась. Ага, с настоящей длинной косой, перекинутой через плечо. Она читала какую-то книжку маленького формата, потом поговорила по телефону и снова уткнулась в книжечку. Может, она и не студентка была вовсе, а просто жила в этом районе, но мне хотелось, чтобы она была именно студенткой.

Мы вышли из метро. Взяли с лотка по пирожку с яблоками. Вкуснющие пирожки! Всё мне в Москве нравилось, даже пирожки тут замечательные!

— И где этот самый знаменитый университет? — спросила Римма. Я кивнула в сторону высотного здания — сразу увидела за голыми ветками деревьев эту ступенчатую махину со шпилем. И мы пошли туда. Кстати, догнали девушку с косой.

Мы пришли на полчаса раньше. Постояли у памятника Ломоносову. Он ведь почти наш земляк, тоже с севера приехал в Москву учиться. Я терпела-терпела и наконец решилась спросить:

— Девчонки, а кому вы хотите правдую матку в лоб врезать?

— Ты про наш с Антошкой разговор? — поняла Римма. — Антошка, расскажем Славе?

Тоня пожала плечами:

— Не знаю. Мне не до этого, извини, решай сама.

Она всё поглядывала на часы мобильного. Без пятнадцати двенадцать. Без пяти. Полдень.

— Идёт, — прошептала Антошка, сжала ладонь Римме, потом почему-то — мне (волновалась она ужасно), и направилась навстречу высокому парню в джинсовой куртке с белым овчинным воротничком. Чёрные вихры развевались на ветру. Парень был симпатичный, стройный, мне понравился, и даже стало жалко, что он сейчас получит... А может, не получит? Может, Антошка увидит его и передумает обзывать подонком, а наоборот, скажет: какой ты стильный, пошли в кафе?... И тут же забудет про нас с Риммой — точно так же, как забывает про всех Алёна, когда она с Ники.

Парочка побрела в сквер с чёрноствольными деревьями. Кажется, это были липы. Мы поплелись следом на некотором расстоянии.

— Давай не будем приближаться, — предложила Римма. — Макс меня знает, и я не хочу показываться ему на глаза.

— А что за история... с этим Максом? — я кивнула в сторону удалявшейся парочки.

— Тебе правда интересно? — Римма посмотрела на меня, как в первый раз увидела. — Ну ладно, расскажу. Ты знаешь, что мы в вашу школу перешли из сто пятой, да?

— Знаю. А почему вы перешли?

— А потому, что мы в том классе больше не хотели учиться.

— Почему, почему?

— Потому что потому кончается на «у»... Ладно, слушай. Вот этот парень, Макс, видишь, да? Он тоже в нашем классе учился. И ему нравилась Антошка.

— Она симпатичная.

— Да она просто красавица, Слава! Ну вот, Липайкин стал к Тоньке приставать, чтобы она согласилась с ним ходить. Ну так ведь выражаются: ходить — в смысле, дружить. Везде — на дискотеки, на вечера, понимаешь, да? — Римма подняла с земли прелый осенний лист. Лист клёна — пятипалый, непривычный: у нас в городе клёны не растут. Вдохнула прелый аромат и бросила лист на асфальт.

Ну, конечно, я понимала. Дружить-ходить, любовь-морковь. Чего тут непонятного?

— Но Антошке он был совершенно по барабану, — продолжала Римма. — И она сказала ему открытым текстом: не приставай, я не буду с тобой... И тогда этот подонок подговорил наших девчонок — есть

у нас такие дуры, чтобы они Антошку проучили.

— Как это — проучили?

— Ну не знаю, сказал он как или они сами догадались, что Тоню надо избить. Но именно это они и сделали, пять наших идиоток. После новогодней дискотеки. Этому подонку здорово не понравилось, что Тонька с ним танцевать не пошла. Но эти дуры переусердствовали. Не думаю, что Липайкин им приказал избить её так, чтобы Антошка потеряла сознание. Вот. Она в больнице лежала, на лицо страшно глянуть было — сплошной синяк.

— Ужас!

— Да. Двух девчонок в спецшколу отправили, а Макс этот ничего не получил: он быстро смылся в Москву, к своей бабке. И теперь тут живёт.

— Заказчик умыл руки.

— Получается, так. Он, видите ли, не думал, что эти идиотки его неправильно поймут!

— Он хотел, чтобы девчонки её за ушко потрепали?

— Он сказал, да, что-то вроде этого.

— А зачем Антошка сейчас с ним встречается?

— Чтобы сказать ему прямо в лицо, какой он подонок.

— Да-а, что-то она долго это говорит... длинное получается слово.

— Да эта свинья ей лапшу на уши вешает!

У меня в голове никак не укладывалось то, что влюблённый в девчонку человек может сделать ей плохо.

— Рим... А он правда её любил? Макс этот?

— Спрашиваешь! Ещё с пятого класса. А может, и раньше. Когда нас в пятом классная пересаживала, мальчик с девочкой, Антошку посадили с Черновым. Так эта свинья Липайкин при всех выбежал из класса. Прямо на уроке! Демонстративно!

— Поня-ятно. А почему Тошка с ним так сурово себя вела? Ведь он ничего... симпатичный.

— Это он сейчас, в Москве похорошел! Не знаю, чем ему бабка рыльце смазывает. А так он был прыщавый: и нос, и лоб в красных прыщиках. И вообще...

Римма рассказала, что отец Макса какой-то большой начальник и учителя Липайкина всегда выделяли. Ребятам это, конечно, не нравилось. А когда Липайкин маленький был, если что не по нём, он всегда грозился пожаловаться папе. Вот все и привыкли: ябеда, хлюпик, за отцовской спиной прячется. Римма думает, что он и отделался так легко тоже с помощью родителя.

— У них квартира в Москве, представляешь? Представляешь, что такое купить сейчас квартиру в Москве? — она поглядела на меня большими тёмными глазами. — Вот, а они купили. И перевезли сюда бабку. А потом Макса к ней спланировали. Так что у них тут запасной аэродром. А надо будет — бабку обратно турнут, в наш город, а сами сюда переедут. У них здесь четыре комнаты, Липайкин хвастал парням!

Мы хотели обойти университет кругом, но это оказалось не так-то просто. Он такой огромный, начались какие-то заграждения. Словом, мы вернулись в сквер и пошли по следам парочки, только самой парочки уже и след простыл.

Римма вытащила из кармана телефон:

— Антошка, ты даёшь! Ты где вообще?

Тоня что-то ответила, и Римма зашипела:

— Мы так не договаривались! — и отключила вызов.

Я глядела на неё и ждала, что она скажет.

— Говорит, потом объяснит, говорит, идите в гостиницу или погуляйте, а меня потом Максик проводит. Максик! — Римма скривилась. — Как москвичом стал, так сразу Максимом заделался! Ладно, Ярослава, пошли и мы гулять сами по себе. Куда?

И тут мы услышали:

— Римма! Слава! — к нам бежала Антошка. Вынырнула из-за какого-то угла — разгорячённая, с сияющими глазами.

— Всё! — воскликнула она.

— Что — всё?

— Я ему всё сказала!

— Что он подонок?

Антошка смутилась:

— Нет, Рим, у меня так не получилось. Я так не могу. Я ему рассказала всё, со своей стороны, понимаешь? Объяснила, что он поступил бесчестно.

— Ага, ага, бесчестно. И он, конечно, понял? Конечно, раскаялся?

— Конечно! Он дико извинялся, и он сказал... — она искоса глянула на меня, — ну... что он меня всё ещё... любит...

— И ты растаяла? Эх ты!

— Да нет же! Нет! Я же здесь! Я же пришла, видишь!

— Минуту назад ты сказала, чтобы мы с Ярославой шли себе своим путём.

— А потом я передумала!

И она что-то зашептала на ухо подруге. Я поняла, что мешаю.

— Ладно, девчонки, мне в магазин надо зайти, вечером я подойду прямо к театру.

— Ты знаешь, где он находится?

— Девушки, в путёвке есть адрес! Язык до Киева доведёт. Знаете такую пословицу?

— Нет, не слышали, — Антошка рассмеялась. Она была явно довольна моим решением оставить их вдвоём. — Чао, Слав! До встречи в театре!

И девчонки ушли. Даже не оглянулись.

Что было делать? Времени — полвторого. Спектакль в семь. Может, разведать, где находится ВГИК?

Про ВГИК девчонки мне в школе все уши прожужжали. Как же! Только там учат на киноактёров! А я мечтала если уж быть артисткой, то кино. Я даже сценарии себе выдумывала и, естественно, исполняла в них все главные роли. С шестого класса! Я уже сценариев десять придумала, точно-точно. Некоторые пересказала Алёне. Ей понравилось. Она даже упрекнула меня в том, что я не звала её на эти фильмы. А когда я призналась, что сама их придумала, она не поверила. Надо поглядеть, что это за институт такой. Наверное, о нём тут каждый знает!

Навстречу шёл человек в старомодной шляпе, из-под которой виднелись рыжеватые волосы. Лет ему было около сорока. Серьёзный такой, в очках, под мышкой тонкая чёрная папочка.

— Скажите, пожалуйста, — обратилась я к нему, и человек остановился, — вы не знаете, как доехать до ВГИКа?

— А зачем тебе ВГИК? — спросил он, склонив голову набок.

— Нужно.

— А всё-таки?..

— Условия приёма узнать, на актёрское отделение.

— Актрисой кино хочешь стать?

Какой любопытный! А по виду не скажешь.

— Может быть.

— Слушай! — незнакомец легонько коснулся моего плеча и рассмеялся. — Ты знаешь, тебе крупно повезло! — он весело глядел на меня. — Ведь я — режиссёр!

— Режиссёр? — я удивилась. Действительно повезло! Неужели так бывает?

— Да-да, именно. Кинорежиссёр. И знаешь что? Давай я тебе всё расскажу про ВГИК.

Я пожала плечами. Пусть рассказывает... Я послушаю.

— Только давай с тобой встретимся в шесть часов... — человек огляделся. — Вот тут, — он показал на здание с куполом, через дорогу, — у входа в цирк! И всё обсудим. Я тебе всё расскажу. — Он придирчиво оглядел меня с головы до ног. — А вообще, поступать во ВГИК на актёрское лучше тогда, когда сыграешь в кино хотя бы маленькую роль. Тогда это беспроблемно — обязательно поступишь!

И ты можешь сыграть такую роль в моём фильме!

— Сыграть роль? — я чуть не захлебнулась от восторга. — Я что, подхожу?

— Вот это мы с тобой и обсудим. Я думаю, — он ещё раз осмотрел меня с головы до ног и с ног до головы, — подходишь вполне. Но давай об этом после, я сейчас спешу. В шесть вечера я тебя жду у цирка.

— Ой, — я чуть не расплакалась, — в семь я должна быть в театре.

— В театр ты, девочка, сходишь в другой раз. Если, конечно, хочешь обо всём подробно разузнать и сыграть в моём фильме. Договорились?

Я хотела объяснить ему, что я из другого города и попасть в московский театр для меня проблема, но ничего не сказала. Перспектива сняться в кино захватила меня целиком. Вот это да! У всех просто челюсть отпадёт, когда узнают, что меня взяли на роль. Правда, роль, как сказал режиссёр, маленькая, ну и пусть. Я докажу, что я способна и, может быть, даже талантлива! А вдруг моя заоблачная мечта спустится пониже? Прямо мне в руки? И я поймаю журавля? Вдруг?..

— Хорошо.

— А ВГИК находится на улице Вильгельма Пика, три. На трамвае или автобусе это остановка «Метро «ВДНХ». А если на метро из центра, то станция после «Алексеевской».

— Спасибо!

Я в лихорадке позвонила Алёне и сообщила, что в театр не пойду, пусть не волнуются.

— Славка! Ты же мечтала «Юнону и Авось» посмотреть! Что случилось?

— Алён, я потом расскажу, ладно? У меня важная встреча.

— Какая встреча? Славка? Ты с кем-то познакомилась?

— Потом, Алёнка, потом...

— Ты даёшь, подруга... в тихом омуте...

Я её перебила:

— Алён... А ты никому не скажешь?..

Волнение прямо захлёстывало меня.

— Чего не скажешь? Славка, что случилось?

— Алён... Я, кажется... я, может быть... словом, я с кинорежиссёром встречаюсь в шесть!

— Что? С каким режиссёром? Славка!

Я отключила телефон. Всё. Больше ни слова. Меня била дрожь — так мне хотелось сниматься в кино.

Я всё-таки съездила посмотреть на ВГИК. Время-то всё равно было! Точно, он там и находился — на улице Пика, 3. Ничего особенного. Небольшое четырёхэтажное здание. Но это снаружи! А внутри-то, внутри! Я же знала: как в школе волшебников, тут учатся и режиссёры, и сценаристы, и художники, и актёры, конечно! Я хотела пройти в институт, подышать его воздухом, узнать условия приёма в приёмной комиссии, но на входе сидел охранник в высокой кабинке, ему показывали студенческие билеты, пропуска... Да ладно, режиссёр мне ещё лучше всё расскажет!

Забавный случай приключился со мной на подходе ко ВГИКу (он, вообще-то, сейчас университет кинематографии, но ВГУК — как-то не звучит). Все «ВГИК» говорят, и я буду. Ну вот, на подходе к нему я встретила... Льва Толстого! Да, я не фантазирую! С белой всколоченной бородой, в косоворотке и в штанах в синюю с белым полоску. Я себя ущип-

нула — не сплю? Нет, не спала! Лев Николаевич шёл мне навстречу собственной персоной. Но больше всего меня потряс даже не тот факт, что я вижу великого русского писателя, а то, что он курит. Шёл и курил. Обыкновенную сигарету. Не какую-нибудь трубку, набитую самосадом или превосходным иностранным табаком, — обыкновенную нашу сигарету. А я всегда думала, что Толстой не курил, был вегетарианцем и вообще... Лев Николаевич глянул на моё глупо-потрясённое лицо и улыбнулся. Я пожала плечами, кивнула ему — поздоровалась с великим Толстым. Потрясно! Может, я не в Москве, а на том свете уже? Я ничего не понимала. Лев Николаевич тоже мне кивнул! Пройдя ещё несколько шагов, я оглянулась. И он оглянулся на обалдевшую девчонку! И широко улыбнулся. И подмигнул! Пройдя ещё некоторое расстояние, я завернула за угол и увидела на здании вывеску: «КИНОСТУДИЯ».

Всё встало на свои места: это актёр в роли Льва Толстого вышел покурить в перерыве между съёмками!.. А я-то, чуждачка, думала, века перепутались.

В четыре часа, перекусив бананом и кофе у какого-то тонара, я опять двинула на метро и снова доехала до «Университа».

Ещё раз скажу про московское метро. Прямо жила бы тут. Тепло, а когда идёшь по мраморным переходам, чувствуешь какой-то особый запах и ветром тянет откуда-то. Ведь под землёй — и ветер... Потрясающе. И никому нет до тебя дела, ты тут как малюсенькая песчинка-пылинка из космоса, ничего не стоит на века потеряться...

Я вышла на «Университете» и не могла вспомнить — идти мне сразу на эскалатор или сначала подняться по лестнице на переход. Откуда ближе к цирку? Словом, запуталась. Нет, не получается в Москве без расспросов! И ещё: я такая вежливая была в Москве, прямо самой от себя тошно...

— Скажите, пожалуйста, как мне выйти, чтобы поближе к цирку? — спросила я у двух парней. Обычные парни, у одного рюкзачок на плече, другой — без ничего. У одного волосы в хвост завязаны, другой в маленькой вязаной шапочке. Приветливые лица, ясные глаза. Я люблю,

когда у людей глаза ясные. Мне кажется, таким доверять можно.

— А зачем вам цирк, девушка?

Что за вопросы! Что это, московская привычка — расспрашивать?

— Нужно.

— У вас там свидание, да?

Всё им скажи!

— У меня там встреча с кинорежиссёром.

Вот так. Будете знать, как спрашивать. Это вообще запрещено.

Но парни не унимались.

— С кинорежиссёром? У цирка? Может, вам на Мосфильм надо? Это тоже недалеко. Проводить?

— Нет, мне нужно сюда! Я буду сниматься в эпизоде именно в цирке!

— А-а, понятно. Тогда другое дело!

И тот, что с хвостиком, вдруг молниеносно выхватил из кармана куртки блокнот и ручку, протянул мне:

— Ваш автограф, пожалуйста!

И другой тоже суёт мне под нос записную книжку.

— И мне, будьте добры!

Просто ненормальные!

Тут же нас окружили.

— А кто это? — спрашивали люди друг у друга.

— Да это же замечательная актриса! — объясняет парень с хвостиком толпе и показывает на меня. — Разве вы не видели по телевизору фильм «Большая луна»?

Сроду я не слышала о таком фильме!

И тут все, кто был в метро, все — мне так показалось — стали протягивать мне книги, листочки, блокноты, визитки, чтобы я поставила свою подпись-закорючку, и вот я уже не могу вынырнуть из этой толпы! Ужас! И вообще я опаздываю на встречу. Режиссёр уйдет! Я беспомощно посмотрела на парней, которые устроили «цирк» под землей.

— Ребята, что вы делаете?

И тут эти странные шутники расхохотались, тот, что с хвостиком, схватил меня за руку и буравчиком внедрился в людскую массу, и я за ним поплыла, как нитка за иголкой. Жуткое дело эта толпа, облепляет тебя со всех сторон, сильная, горячая, негибкая... Наступаешь кому-то на ногу, рукой утыкаешься кому-то в грудь, в живот, расталкиваешь всех плечами...

Меня, как цветок из земли, буквально выдернули из людской массы! Парни проводили меня на эскалаторе до самого верха. Прямо как чернокожие в лифте. Правда, те молча провожали, а эти смеялись, да что там смеялись — они ржали. Посмотрят на меня — и снова корчатся от смеха. Я тоже стала смеяться.

— Слушайте, люди, как, оказывается, легко можно всех надувать!

— Конечно. Мы это каждый вечер проделываем! — говорит тот, что с хвостиком.

— Каждый вечер из девушек делаете звёзд? — спрашиваю.

— Нет, просто людей надуваем. Синие шарики, красные...

— Голубые, — добавил тот, что в шапочке.

— Хорошо, что не чёрные.

— О, чёрные шары кто-то другой надует, — сказал тот, что с хвостиком. — Да ну вашего режиссёра! Девушка, пойдёмте с нами!

— Нет, не могу. Я обещала.

— Ну, счастливо тогда! Скажите хоть, как вас зовут?

— Ярослав. А вас?

— Слава, — представился «хвостик». Ребята переглянулись и опять засмеялись. Я недоверчиво посмотрела на парня. Опять шутит?

— Его правда Ярослав зовут, — подтвердил «шапочка», заметив моё недоверие. — А меня — редким именем Владимир, — и он слегка поклонился.

— Слушайте, девушка, а ведь Ярослав и Ярослава — это судьба! Давайте хоть телефонами обменяемся. А? — предложил мой тёзка.

— Нет, спасибо, я спешу!

Расстались мы с симпатичными ребятами, но если честно — не хотелось мне расставаться! Особенно со Славой. Придумщик и юморист. Люблю весёлых парней! У нас в классе ни одного похожего нет. И потом, если он и в самом деле Ярослав, то, может, и правда встреча была не случайна?

Но я обещала. Меня ждут. Не люблю опаздывать.

Режиссёр по-прежнему был в шляпе, которая показалась мне сейчас ещё старомоднее, чем днём. И сам он показался

каким-то старомодным, может, после этих весёлых мальчишек в метро. Новый знакомый сразу взял меня под руку.

— А вы знаете, — начал он вкрадчивым голосом, — что на актёрское отделение конкурс триста человек на место?

— Триста?! — я ахнула. Я знала, конечно, что конкурс огромный, но вот чтобы такая куча... Ужас!

— Да. И это очень проблематично — поступить.

— Ну, конечно, я знаю.

— И вы готовы это выдержать?

— Ведь ещё только осень. Я выучу басню, и стихи, и всё, что полагается.

Я словно забыла, что хотела вообще-то поступать в университет, а актёрский — это так, журавль в небе, несбыточная мечта, сказка.

— Этого мало.

— А что ещё?

— Мы с вами сейчас сходим в кафе, я угощу вас мороженым. Кстати, меня зовут Фёдор Николаевич.

— А меня Ярослава. Просто Слава.

— Просто Слава. Понятно. Вы любите мороженое?

— Люблю.

— А потом мы с вами пойдём ко мне, и я научу вас этюдам. На втором туре экзаменов вы должны будете исполнять этюды. Согласны?

— Ну... — я замялась, — исполнять этюды — согласна. К вам домой — не очень.

Ходить в квартиры к чужим мужчинам не следует. Это все знают, от первоклашек до девиц моего возраста.

Но ведь он режиссёр! И он вправду может помочь! Я терзалась сомнениями. Когда же он заговорит о роли? Наверное, в кафе!

В кафе было полно посетителей. Молодых и не очень. Некоторые сидели за столиками с раскрытыми ноутбуками, планшетами.

Фёдор Николаевич принёс мне аж четыре шарика мороженого. Щедро! Фисташковое, шоколадное, сливочное и ещё какое-то — розового цвета.

— Шампанского хочешь?

Я вспомнила свадьбу и поморщилась. Шампанского точно не хочу! От него быстро хмелеешь и голова потом плохо варит.

— Нет, спасибо.

— И кто же из артистов тебе больше нравится? На кого ты хочешь быть похожей?

Я вспомнила фильм «Убить Билла», который смотрела три раза, с Умой Турман в главной роли.

— На Уму Турман.

— Ага. Но ты ведь на неё совсем непохожа.

Я пожала плечами. А что, нравиться должны только те, на которых смахиваешь?

— Ладно. Сделаем из тебя Уму Турман.

За соседним столиком сидели мужчина и женщина, обоим лет около тридцати. Мужчина посмотрел на меня, на Фёдора Николаевича и что-то сказал своей спутнице. Она тоже на меня взглянула. А потом этот мужчина вдруг мне улыбнулся. Грустно так улыбнулся. Я отвела глаза. Он как будто жалел меня. А почему? Потому что я сижу с дяденькой, который годится мне в отцы, а может, и в дедушки? Ну и что? Я ведь не собираюсь за него замуж.

Фёдор Николаевич пил какое-то вино, смотрел на меня и курил. И молчал. Просто смотрел. Но не так, как мужчина за соседним столиком. Режиссёр глядел на меня свысока и изучающе. Ни грусти, ни сочувствия в его глазах не было.

Так и должен смотреть режиссёр, думала я. Он должен распознать, для чего же я подхожу. Но я уже точно знала, что домой к нему не хочу и не пойду. Мне даже захотелось встать и убежать и стало очень жалко, что спектакль, о котором я так мечтала, я променяла на какого-то рыжего дядьку, пусть даже и режиссёра. Он был мне неприятен. Я подумала, что у Фёдора Николаевича тараканы усы. Такие же рыжие. И вообще у него лицо рыжее. Нет, бесцветное, глазу не за что зацепиться.

Я всё ждала, когда же он закончит пить своё вино и курить свои сигаретки, бесконечное число раз тыкая их о дно маленькой круглой пепельницы. Пара из-за соседнего столика ушла. Мужчина кинул на меня последний взгляд и снова улыбнулся! И опять улыбка получилась грустной.

— Может, нам уже надо идти? — осторожно спросила я.

— Да, сейчас пойдём.

Режиссёр попросил, чтобы нас рассчитали, и мы вышли на улицу.

Стоял чудный осенний вечер. Тёплый и туманный.

— Мне нужно в гостиницу, — сказала я, — там наши уже беспокоятся.

Сказала так, на всякий случай. Спектакль, конечно, ещё не кончился.

В кафе я рассказала Фёдору Николаевичу, что приехала в Москву с классом.

— А как же этюды? — спросил он, крепко сжав мою ладонь.

— Не знаю... — я боролась с искушением узнать, что же такое этюды.

— Ну что ты, малыш, — прошептал режиссёр. Он притянул меня к себе и обнял за талию. — Тебе выпадает счастливый шанс.

— Мне нужно идти, — неуверенно повторила я. — Я даже не знаю, как мне сейчас добраться до своей «Светлой».

— Я провожу.

Было уже восемь часов. Ольга Александровна пока не волнуется, она на спектакле. Алёна сказала ей, что я пошла к знакомым. Но через час-два Розанчик забудет тревогу.

Улица, по которой мы шли, поначалу была многолюдна, люди гуляли, возвращались из гостей, торопились или брели не спеша, и никто не обращал на нас ровно никакого внимания. А потом мы куда-то свернули, народу стало меньше, и все какие-то озабоченные. Здесь уже не гуляли, а шли исключительно по делам, а потом мы очутились на какой-то аллее, где вообще никого не было, потому что октябрь не время не для прогулок в садах и парках. Фонари в ветвях светились таинственными шарами, у них были причёски из тумана, этакий серебристый пушок вокруг каждого. Как одуванчики в пору их седины. Аллея седых фонарей.

— Фёдор Николаевич, проводите меня до метро, — попросила я. — Извините, но я не смогу пойти к вам сегодня, — я всё ещё наивно думала, что мы идём к нему домой.

— Хорошо, — вдруг согласился он. — Хорошо, не пойдём ко мне. Давай присядем, я позвоню сейчас своему другу-режиссёру, он как раз снимает фильм, в который ты можешь подойти. Я ещё не скоро начну работу, а он уже запускает.

Скамейка была влажная, но я села. Джинсы промокнули, но фиг с ними. Не заболело. Сегодня тепло.

Он вытащил из кармана мобильник и набрал номер.

— Александр? Это Фёдор. Да. Да. Слушай, у меня тут девушка сидит, она очень подходит на роль твоей Анастасии.

Я замерла. Ёкнуло сердце. А вдруг? Вдруг случится чудо и меня возьмут в картину? Без всякого кастинга. На эпизодические роли ведь кастинг не нужен.

— ...Фигура? Фигура у неё хорошая. Отличная фигура, — с этими словами Фёдор Николаевич сел ко мне боком и начал поправлять воротник моей куртки. Поправил, а потом его рука опустилась ниже.

Я терпела. Искусство требует жертв. Мне страшно хотелось узнать, что говорит на том конце невидимый Александр.

Рука Фёдора Николаевича спустилась ещё ниже. Раз — и она юркнула в проём между двух пуговиц. Прямо к груди! Ей там вовсе не место! Я схватила нахальную руку и попыталась вытащить. Получилось! Только пуговица — хрясь! — и оторвалась. Модная квадратная пуговица!

Но рука была назойливая, оторванная пуговица её только раззадорила, рука упрямо возвращалась под куртку.

Я вскочила. Фёдор Николаевич схватил меня обеими руками и прямо-таки подтащил к себе. Я оказалась в кольце его рук. Он сжал меня изо всех сил, его голова упёрлась в мой живот. Руки оказались железными, просто клещи! Он встал, переместив «железное» кольцо за мою спину, его рот стал рыскать по моему лицу. Он впился губами в мои губы, и я... я вдруг решила садануть его коленкой в одно место. А что оставалось делать? Я саданула довольно сильно. Он сразу сгорбился, опустил руки, а я рванула вперёд по аллее! Кругом была темнота, фонари её чуть-чуть разбавляли, но что мне фонари? Хоть бы кто-нибудь из людей! Ни одного человека в этом осеннем сквере!

Я бежала так отчаянно быстро, что проскочила выход, где были кафе, улица, люди, и очутилась в ещё более заросшем пространстве — это был уже не сквер, а парк, а может быть, даже лес в центре Москвы. Я бежала и в страхе оглядывалась: вдруг этот придурок гонится за мной.

Но никого не было, никого... Сердце моё колотилось. Внезапно я поняла, что никакой это не режиссёр, это так... таракан, проходимец, а я — пятнадцатилетняя идиотка! Кому он звонил-то? Да никому не звонил, а просто делал вид, разговаривал по мобильнику сам с собой. Он просто меня... — я даже зажмурилась от запоздалого испуга... — он же меня изнасиловать хотел, вот что! И ничего у него не вышло, я молодец! Никогда больше не разрешу маме покупать мне куртки с пуговицами, пусть даже и крутыми, — только на молнии. Молнию трудно сломать, куплю куртку с такой мощной молнией, как гусеницы танка...

Я огляделась. И поразилась: вокруг была зверская красота. Фонари горели и тут — значит, не лес, а парк всё-таки, и пушок из тумана у деревьев такой же, и на каждой веточке висят капли... прозрачные туманные капли. Они блестели под светом пушистых фонарей... Господи, как же было красиво! И я разрыдалась. Никого вокруг, некого стесняться. Я ревела и кусала кожаную перчатку, прокусывая её насквозь.

Вспомнила о маме. Ох, мама, обвели твою дочку, как младенца. А может, я и есть младенец? А?

— Э-эй? — услышала я вдруг. — Это кто тут так расшумелся?

Ко мне направлялся парень.

— Это кто тут есть?

Дворник. В руках метла. Гастарбайтер. Их в Москве, наверное, миллионы.

И вот один из них с озабоченным видом подходил ко мне. Откуда он взялся? Ведь уже около девяти. Ах да, они же работают в любое время суток. Мой спаситель — дворник. Он подметает аллеи. И правда, вон как тут чисто. Какие силы прислали его спасать меня? А может, наоборот, не спасать, а... Я хлопнула носом и отвернулась от парня в чёрной куртке и таких же джинсах. На ногах у него были кроссовки, и кончики шнурков блестели под светом фонарей точно так же, как капельки на деревьях.

— Что случилось, молодой девушк?

— Ничего. Отвяньте.

— Может, тебя помочь надо?

Надо! Конечно, надо!

— Я хочу туда, где много людей.

— Пойдёмте, я тебя провожаю.

Через десять минут парень вывел меня на многолюдную улицу.

— Спасибо! — мне даже захотелось пожать ему руку, но я постеснялась. Ещё не так поймёт.

— А как проехать в гостиницу «Светлая»? Знаете? — со слабой надеждой спросила я.

Парень покачал головой — не знал.

Я поблагодарила его ещё раз, и побрела по улице, не представляя, куда идти.

Сильно захотелось есть. Что там — четыре шарика мороженого. Этот таракан мне даже нормальной еды не предложил! Только мороженое! Разве это еда? Но больше, чем есть, мне хотелось в туалет. Просто ужасно. Так хотелось, что я даже плакать перестала.

Но где его тут взять?

Почему-то я нырнула в подземный переход. Противоположная сторона улицы показалась мне более привлекательной для моей цели. Обязательно попадётся какое-нибудь кафе.

В узком, тёмном, довольно длинном переходе послышался сильный голос

скрипки. «Кто-то деньги зарабатывает», — я усмехнулась. Вот тебе, Ярослава, и театр, и концертный зал — слушай сколько хочешь. Можешь даже бесплатно, никто платить не заставит.

На скрипке играла девчонка такого же возраста, как я. Что-то ужасно красивое играла, ужасно щемящее. Мне опять захотелось плакать. Сбоку от девчонки лежал раскрытый полиэтиленовый пакет, прижатый камешком, и там виднелись бумажные купюры и монеты. Я пошарила в кармане. Мятая десятка. Я бросила её в пакет, не бросила — положила. Родственную душу почувствовала я в скрипачке, словно она была моя сестра. Взять бы её за руку и вывести из этого перехода на свет. Мне казалось, она испытала что-то подобное тому, что случилось со мной. И это заставило её спуститься в переход и играть для голых стен. Одета она была в узкие джинсы, заправленные в короткие чёрные сапожки, тонкую голубую куртку, на шее такого же цвета шарфик. Я постояла около неё несколько секунд, она на меня даже не взглянула. Уставилась куда-то в одну точку на грязной стене.

Напротив скрипачки, через два шага, сидела ещё одна девушка, постарше. Я сначала подумала, что это её подруга, болеет за неё, ждёт, ведь страшно одной в переходе, словно в каком-то подвале, и уже поздно, и жутко — вдруг на неё нападёт такой же усач с мокрыми губами, б-р-р... Но потом я заметила пса. Он лежал подле девушки, с другой стороны. Спокойно так лежал. Спал, наверное. Голову на лапы положил. Ему было хорошо, видно, что хорошо, — ведь он с хозяйкой. Рядом я увидела сумку с монетами.

Прости собачка, для тебя уже нет ничего. Хорошо, что вы вдвоём, девушка и собака, и запишите себе в друзья девочку со скрипкой.

Голос скрипки потонул в гуле толпы: видимо, автобус или троллейбус пришёл, народ хлынул в переход, кто-то бросал монеты...

По-всякому зарабатывают в Москве. У нас в городе почему-то не играют на улицах. А заиграли бы — люди бы не кидали деньги, а крутили пальцем у виска.

Ресторан. Выступает на тротуар, чтобы все видели, не пропустили. Яркий свет,

музыка... Зайду. Возьму чашку кофе — что, разве меня выгонят? Зал был пуст, и милая девушка в нарядном чёрном платье кинулась мне навстречу. Но, увидев, что это я, просто девчонка, а не какой-нибудь де-нежный мешок, сразу сникла.

— Можно мне чашечку кофе? — робко спросила я. Ещё бы, конечно, робко: я впервые в жизни переступила порог ресторана.

Девушка улыбнулась. Приветливо так. Хотя и поняла, что я вовсе не их клиент, а просто случайная пташка.

— Можно, конечно. Но, знаешь, дальше, буквально рядом, наша пиццерия. Там демократичней. Тебе лучше туда зайти.

Ну, конечно, лучше. На мне обычные джинсы и куртка. А ещё у меня красный нос и заплаканные глаза.

В пиццерии народу побольше. Тут тоже официанты. И обстановка как там, в ресторане. Только музыки нет. Столы с белоснежными скатертями, диванчики с маленькими подушечками-думками. Всё здесь располагало к тому, чтобы посетители сидели долго и заказывали, заказывали, заказывали еду.

Я села за столик, и ко мне тут же подскочил парень-официант в строгом чёрном костюме. Он положил передо мной два меню — одно было винным. Ага, мне сейчас только напиться не хватает!

— Мне чашку кофе... А где у вас можно руки помыть?

— Вот туда, по лестнице вниз.

Когда я вернулась, тот же официант ждал меня у моего столика.

— Чашку кофе, — попросила я.

— Больше ничего не желаете?

У меня была тысяча. Я взглянула в меню. Что бы такое выбрать, чтоб не попасть впросак? Я очень хотела есть!

— Салат «Капрезе» можно?

Пятьсот семьдесят три рубля — ничего себе салатик!

— «Капрезе?» — поправил официант. — Хорошо.

Пропадать, так с музыкой. Плевать. А салатом я наемся! Порция, наверное, большая, раз он такой дорогуший.

Официант, предупреждающий каждое движение посетителя, принёс столовые приборы в белоснежной салфетке.

— Десерт не желаете?

— Нет, спасибо, — отказалась я.

Желаю, но не возьму.

Салат, нарезанный крупными кусками. Его вовсе не много! Обычная порция! Красные, как сырое мясо, помидоры. Сыр (в меню написано — моцарелла) квадратиками и какие-то зелёные листочки поверх всего. Да это же мята! Листики обычной мяты! Летом пойду на берег нашей реки, там этой мяты хоть завались, — буду всем в салат подкладывать, называть его «Капрезе» и деньги брать. Пятьсот семьдесят рубликов! Вот только кто этот салат будет покупать в нашем маленьком городе, где зарплата в сто раз меньше московской? Салат я проглотила одним махом.

Через секунду официант принёс кофе.

Я стала, прихлёбывая, снимать ложечкой воздушную сладкую пенку. До чего же это было классно! До чего же вкусно!

Передо мной на стене из бамбука висел плоский экран, на нём чернокожие тинейджеры скакали среди небоскрёбов, а один парень на скейте раскатывал. Кадры с тинейджерами перемежались с изображением смеющегося пианиста. Он сидел за белым роялем, со счастливой глупой

улыбкой на лице, и что-то быстро-быстро наяривал (звук был отключён). И каждый, кто смотрел на экран, должен был думать о счастье, о том, как хорошо жить на свете, ходить в рестораны, пить вино и кофе... За соседним столиком семья — мама и двое сыновей — поедала пиццу. Они разрезали одну большую лепёшку, лежавшую в центре стола на блюде, на маленькие кусочки и клали их себе в тарелки. Старший — примерно моего возраста — стучал по клавишам нетбука и при этом разговаривал с братом и мамашей. Я услышала, как младший сказал: «А я маме всё говорю». Мама была похожа на их старшую сестру, вот он, наверное, ей, как сестре, всё и выкладывал. «Маленький какой», — подумала я про этого мальчишку. Я в его возрасте уже ничего не рассказывала маме. Значит, была взрослее.

Из-за дальнего столика на меня смотрели двое мужчин. Я несколько раз наткнулась на их упорные взгляды, вовсе не такие доброжелательные, как у того незнакомца с грустной улыбкой, что был в кафе. Стало неуютно и даже боязно как-то. Мне на сегодня приключений хватит. Надо сматываться отсюда.

— Рассчитайте меня, — попросила я официанта, когда он пробежал мимо к другому клиенту.

Те двое так и зырят, так и зырят... Чего им от меня надо? Может, того же, что и тому усатому таракану, липовому режиссёру? Встретившись с одним из мужчин взглядом, я показала этому нахалу язык. Они оба это увидели и расхохотались. Я покраснела. Выходка, конечно, детская. А что было делать? Как дать им понять, что мне не нравятся их взгляды? Нечего на меня пялиться!

— Да, пожалуйста, — сказал официант и отошёл за калькулятором.

Те двое развязной походкой приблизились к моему столику. Один сел рядом, другой — напротив. Обоим за тридцать. Один толстенький, коренастый. Розовая, как помидоры в салате, нижняя губа оттопырена. Именно он сел напротив и буравил меня взглядом. У его приятеля симпатичное лицо, небольшие глаза, длинные ресницы.

— Привет! — сказал тот, что сел рядом.

— Здравствуйте, — осторожно поздоровалась я. Неприятно ёкнуло сердце. Кто он

такой, чтобы со мной так фамильярно здороваться? Я его не знаю!

— Что же ты одна? — снова спросил он.

— А с кем я должна быть? — удивилась я. Они, наверное, меня с кем-то перепутали, вот потому и смотрели во все глаза. От этой мысли стало немножко спокойней.

— Ну как же — с кем. С ним, — парень с длинными ресницами смотрел на меня сбоку и, наверное, поэтому его взгляд казался надменным. «Оттопыренная губа» ничего не говорил, он наблюдал.

— Я не знаю никого, — сказала я. — Вы ошиблись. Я в Москве вообще всего три дня.

— Да? — он глянул на своего спутника, и тот кивнул. Или мне показалось? — И что, ты здесь совсем одна?

— Мы с классом, — ответила я. — По путёвке. А сейчас, как видите, да, одна.

— С нами поедешь. Вы где остановились?

— В гостинице «Светлой».

— Мы тебя довезём.

— Вы знаете дорогу?

Они засмеялись.

— Хорошо знаем.

Тот, что напротив, так и не произнёс ни слова. Молча положил на стол тысячу рублей — это подошедшему официанту за меня — и направился к выходу.

— Я сама заплачу! — крикнула я ему вслед. — У меня есть деньги!

Никуда я с ними не поеду! Ни-ку-да!

— Не суетись, — сказал тот, что сидел рядом, и придержал мою руку, — что ты как маленькая!

И тут женщина, которая вместе с двумя сыновьями расправлялась с пиццей, быстро поднялась со своего места и пересела за наш столик. И посмотрела мне прямо в лицо.

— Ну хватит, дочка, — сказала она решительно.

Я оторопела. «Дочка»! Что она себе позволяет? И вообще — не слишком ли москвичи вмешиваются в мою жизнь?

— Покапризначала, и довольно, — продолжала женщина. — Ну, может, я в чём-то тоже была не права. В таком случае — извини. Сколько там твой салатик стоил? — она взяла со стола меню. — Ага, пятьсот семьдесят три, — порылась в сумочке, отсчитала деньги, положила на стол.

— Ещё за кофе двести рублей, — напомнил официант

— Вот ещё двести, — женщина бросила на стол две сторублевки. — Пойдём, мы тебе пиццы оставили, — она кивнула на свой столик. — Что там твой салатик, ведь не наелась? И вообще, я тебе тысячу рублей не на салатик давала.

Мне опять показалось, что я сплю. Ну и денёк! Я не проронила ни слова, изумлённо глядя на соседку, но начинала понимать, что мне всё-таки везёт. Людей не просишь помогать, а они — помогают.

— Это твоя мать? — удивлённо спросил парень с длинными ресницами.

Надо соглашаться. Меня снова спасают!..

— А что, есть сомнения? — опередила меня женщина. — Может, вы оставите девушку в покое?

— Да, это моя мама, — сказала я парню. И женщине: — Ты меня тоже прости, — я хотела добавить «мама», но как-то не получилось.

— А что же ты сказки сочиняла? — парень шумно поднялся и крикнул официанту:

— Эй, гарсон! Ошибочка вышла. Деньги назад гони, с тобой, видишь, — он кивнул на стол, — мамаша рассчиталась.

И он взял обратно свою купюру, которую официант протянул ему, вытянув из книжки-меню.

Парень вышел вслед за приятелем. Женщина внимательно проследила, как за ними захлопнулась дверь, вернулась за свой столик и кивнула мне на место рядом с собой:

— Садись.

Я пересела к ней. Мальчишки смотрели на меня во все глаза. Младший перестал жевать, старший прикрыл крышку нетбука.

— Ты почему одна? — строго спросила женщина.

Видимо, это очень важный вопрос, если все его задают.

Я молчала.

— Это правда, что ты из другого города и вы здесь на экскурсии?

Я кивнула.

— И где же ваша учительница?

— В театре. Я тоже должна быть там.

— Почему же ты здесь?

— Так получилось, — я опустила голову, закусила губу. Опять захотелось реветь.

— И ты что, поехала бы с этими людьми?

— Нет. Ни за что, — прошептала я. Глаза здорово щипало .

— А если бы тебя заставили?

— Как бы они заставили? — я взглянула на старшего мальчишку.

— Очень просто! — воскликнул он, откинувшись на спинку дивана. — Они бы сложили тебя пополам и увезли в своей тачке!

Я молчала. А что тут скажешь? Мурашки пробежали по спине. Да, так бы и могло случиться. Запросто!

— В Москве надо быть осторожной, — сказала женщина. — И не рассказывать о себе первым встречным. Поняла?

Я кивнула.

«Следи за собой.

*Будь осторожен»**, — вспомнилось мне.

— Рассчитаться за ужин сможешь?

— У меня есть деньги. Вот, возьмите! — я протянула своей спасительнице купюру. Она взяла тысячу, отсчитала сдачу.

* слова из песни Виктора Цоя

— Мы проводим тебя до метро. Ты доберёшься до гостиницы и мне позвонишь. Чтобы я не беспокоилась. Хорошо? Записывай мой номер.

Я достала телефон.

— Обозначь меня как Марину.

— Марина Сергеевна, — добавил малыш.

— Марины достаточно, — и женщина продиктовала мне свой телефон.

— А тебя как зовут? — спросил маленький.

— Ярослава.

— А меня Борис, — представился мальчуган важно. — А его, — он кивнул на брата, — Арсик.

— Арсений, — поправил старший.

— Очень приятно, — пробормотала я. Мне приходилось буквально выдавливать слова из себя. Ничего говорить не хотелось. Я словно отупела.

Мы направились к выходу.

Я шла последней и, закрыв за собой дверь, стукнулась головой о дно войлочного кашпо — летом в таких петунию выращивают. Почему-то осенью кашпо не сняли, и цветы, которые ещё недавно были

прекрасными, сейчас свисали тёмными шнурками. Ёлки... Башку можно снести...

— Я тоже ударился, когда входил, — утешил меня Арсений. — Ушиблась?

— Нет.

У них синий «опель». Мама за рулём.

По дороге к метро Марина выговаривала мне, что в рестораны ходят девушки, которые ищут приключений на свою голову. И сначала они подумали, что я такая и есть.

— Вот скажи, что тебя понесло в ресторан? — спросила Марина. Она уверенно вела машину. Руки в кожаных перчатках, пушистый вязаный шарф вокруг шеи. Рядом сидел Арсений. Мы с Бориской разместились на заднем сиденье.

— Есть хотелось.

— В ресторане?

Если бы не мальчишки, я бы всё ей рассказала. А тут постеснялась.

— Вы тоже в ресторане были, — заметила я.

— Мы же втроём! — сказал Бориска.

— Мы приехали из Египта, — объяснила Марина, — возила детей на неделю по-

загорать. Летом не получилось отдохнуть. А тут у них каникулы. Прилетели полдня назад, дома — шаром покати. Вот и заехали поужинать. Мы рядом с этой пиццерией живём.

— А пиццу мы любим! — объяснил Бориска. — Я бы одной только пиццей и питался! Да, мама?

— Правда, по виду ты другая, — Марина не обращала на Бориску внимания, — не из тех девиц, что по ресторанам шляются.

— Прикид у неё другой, не как у этих б..., — добавил Арсений. Он полным словом матюгнулся, и мать не сделала ему замечания.

— И она не намазюкана, — заметил Бориска. — Да, Арсик?

— Ну да, вроде, — Арсений оглянулся и в упор посмотрел на меня из-за высокой спинки сиденья. — В вашем городе все такие наивные?

Я не ответила. Я уже поняла, что сегодня училась жизни. Вот только научилась ли?

— Я, как слышала, что ты про себя этим прощелыгам рассказываешь, ужаснулась! — Марина остановила машину на

светофоре. — Нет, думаю, пора вмешаться, а то пропадёт девчонка. Ты хоть знаешь, что в Москве таких вот доверчивых провинциалок затаскивают в публичные дома?

— Тогда всё — прощай свобода! — добавил Арсений. Он опять показался в проёме между креслами. — Заметь, навеки! — для пущей доказательности он поднял указательный палец.

— И никто бы тебя не нашёл, никакая учительница, никакая полиция. Уж поверь!

— Училке бы твоей влетело... ого-го! — это опять Арсений.

Они с мамашей здорово дополняли друг друга. Марина — ладно, а он-то чего поучает? Тоже мне, знаток московских трущоб, сам-то, наверное, даже помладше меня будет. Воображает из себя взрослого.

— В Москве человек может потеряться очень быстро. Москва — город жёсткий. И новичкам тут в одиночку гулять не следует.

Какой огромный город! Мчимся по широкому проспекту. Всё залито огнями. Башни, мосты, дома, торговые центры, растяжки рекламы, сиротливые деревья,

тоннели... Сотни бешеных машин как будто спотыкаются перед светофором, потому что не успевают сбавить скорость...

Всю дорогу мои спасители продолжали меня учить.

— И где такие наивные девушки водятся? — важно осведомился Бориска. — В каком городе проживают?

— На Севере, — ответила я.

— Да-а? На Севере? А у вас северное сияние есть?

— Бывает.

— Ой! Можно я приеду к тебе в гости? — загорелся он.

— Приезжай.

— Дашь адрес?

— Бориска! — перебила мать. — Попридержи эмоции и язык.

— А что? Мам, да я с пяти лет мечтаю северное сияние посмотреть!

В ту же секунду я почувствовала, что Бориска вложил в мою руку что-то маленькое и твёрдое.

— Возьми, — прошептал малыш, прижавшись ко мне всем телом. — Это мой Одинокий. Он будет тебя охранять. Талисман.

Я разжала кулак.

В свете пронесившихся мимо фонарей я увидела на своей ладони красную фигурку человека из конструктора «лего».

Дурацкие слёзы вообще.

Родная уже подземка. Но и она не привела меня в относительное спокойствие. Я убежала от педофила, меня спасли от сутенёров — радоваться надо, ликовать, а мне было плохо.

— Три, четыре, пять, шесть... — бормотала я, сбегая вниз по эскалатору.

Я не могла сейчас стоять на ступеньках справа. Я бежала по левой стороне. Наверное, толкала людей. Мне было всё равно. Я не могла даже извиниться. Пошлый «режиссёр», его холодное мороженое, его щекочущие усы, мягкий рот и железные руки — всё это прочно сидело в памяти, и было страшно, что я этого не забуду никогда и уже, наверное, больше никогда не захочу ни с кем целоваться.

Уютно гудят поезда. Вжииик... примчался. Вжуууу — умчался, мелькнув хвостом в тоннеле. Как я полюбила метро! Я сижу в вагоне, уже поздно, напротив

меня парень и девушка, они целуются, и никому до них нет дела. Им приятно целоваться. Обоим. Меня тоже хотели поцеловать. Но мне было не приятно, а противно. Вспомнились губы «таракана» и то, как я вертела головой, чтобы он не нашёл мой рот... Я даже поплевала сейчас незаметно, чтобы прогнать этот вкус, эти губы. Никто не глядит на меня, вот и хорошо, никто на меня не зырит, как те двое, в пиццерии...

Ещё вопрос, сумела бы я отделаться от них, если бы не Марина с ребятами. Мне и правда везёт!

Я вернулась в гостиницу в десять часов. Одноклассников ещё не было. Вот идиотка: пропустила спектакль, который мечтала посмотреть, слушала на диске дикое количество раз. Музыка Рыбникова такая классная...

Не хочу встречаться с Алёной. Ни с кем не хочу встречаться. Зашла в свой 1018-й. И рухнула на кровать. Как была — в джинсах, в свитере. Через полчаса ввалились Антошка и Римма.

У Антошки в руках — розы. «Антошка из театра явилась с розами», — отпечталось в мозгу. Кто-то подарил ей цветы. Мелькнула мысль, что это не кто иной, как Макс, осознавший свою ошибку. Антошка счастливая.

— Славка, какая ты дура, что не пошла! — сказала Римма. — Пропустила такое чудо!

Я отвернулась к стене.

— Сла-ав! — Антошка тронула меня за плечо. — С тобой всё в порядке?

— Да.

— Не хочешь говорить?

— Нет.

— Хорошо. Мы тебя не трогаем. А нам разговаривать можно?

— Да.

— Я поставлю розы в графин? — спросила Антошка.

— Лучше выбрось их с десятого этажа, — ответила Римма.

— Рим, ну чего ты такая злая? Ну что плохого, в том, что Липайкин подарил мне цветы?

— Вот увидишь, — сказала Римма. — Он тебя снова предаст.

— Посмотрим...

Сейчас меня будет искать Алёна. Ведь мобильник я отключила, записав номер Марины. Ох! Я же обещала позвонить Марине. Она же беспокоится! Вспомнив об этом, я даже не пошевелилась. Ничего не хотелось. Ни-че-го. Боже, я ведь сказала Алёне, что встречусь с режиссёром... Да ещё так таинственно сообщила: «Встречаюсь с режиссёром». Позор! Меня бросило в краску.

Я встала с кровати и пошла в душ. Включила горячую воду, но всё равно меня трясло. Здорово плакать под душем. Никто не слышит. Никто не видит. И я сама не понимаю, плачу я или это вода стекает по щекам.

Стук в ванную:

— Слав, ты скоро?

Антошка.

И правда, чего это я так долго? Другим тоже надо.

Розанчик сделала мне втык. Для этого она по-хозяйски, без стука зашла в нашу комнату. И с ходу начала читать нотацию: почему я ей не сообщила, что не иду на

спектакль? Почему своих знакомых я навещала без её разрешения? Она беспокоилась, может, я уже неживая...

— Взяли бы и позвонили, — пробурчала я, — узнали бы, живая я или мёртвая.

— Я не девчонка звонить тебе первой. Отчитывается ученик перед учителем, а не наоборот.

Как будто я прошу её передо мной отчитываться. Разве нельзя просто позвонить и спросить:

«Ярослава, ты где? У тебя все в порядке?»

Что я говорю — позвонить! Ведь телефон-то был отключён!

— Ярослава! Посмотри на меня! Ты не заболела?

— Нет.

Ольга Александровна вышла, а я опять отвернулась к стене.

Девчонки обменивались мнениями о спектакле. Про любовь Кончиты, про её дурацкую — а может, наоборот, замечательную — верность.

— Ты знаешь, — сказала Антошка, — когда запели «Аллилуйя», у меня мурашки по спине забегали.

Я глотала слёзы. Я завидовала им, посмотревшим «Юнону»... Никогда в жизни мне не удастся увидеть этот спектакль. Сама виновата! Славы захотела! Роли в фильме! Тоже мне, великая актриса. Как там раньше говорили? Актриса погорелого театра — вот кто я.

— Слава! — тихо окликнула меня Антошка. — Ты смеёшься или плачешь? У тебя плечи трясутся.

Я постаралась сдержать дрожь во всём теле.

— Не трогай её, — сказала Римма. — Её не было в театре, может... — окончания фразы я не слышала. Видимо, это было сказано Антошке на ухо.

— Славка, — снова спросила Тоня. — Слав, эй, у тебя точно всё окей?

Я не ответила.

Не могла.

Девчонки уже свет потушили, когда в дверь постучали.

— Кто там? — крикнула Римма.

— Славка там? — из-за двери Алёнин голос. Вспомнила. Наконец-то! Могла бы и не вспоминать про подругу. Кто я такая?

— Она спит, — ответила Римма.

— Славка! Сла-ав!

Я молчала.

В дверь забарабанили.

— Слав, может, выйдешь? — осторожно спросила Римма. И ответила Алёне через дверь: — Подожди, она сейчас выйдет.

Я накинула куртку прямо поверх пижамы и открыла.

— Чего тебе?

Алёна в домашних капри — ужасно хорошенькая — с решительным видом стояла передо мной.

— Славка, надо поговорить, — сказала она и взяла меня за руку.

В гостинице на нашем этаже был зимний сад. Пальмы, бананы, какие-то незнакомые мне растения, а в центре фонтанчик с маленьким круглым водоёмом. Фонтанчик приятно журчал. И исчезал в камешках. Под пальмами — это я их так называю, на самом деле я не знаю, что это за растения, большие, с опускающимися, как руки балерин, ветвями, — стояли удобные мягкие кресла. Зелёные, обитые махровой тканью. Как будто мхом

покрытые. Два рядышком и одно — отдельно. Сейчас тут никого не было — ночь. Алёна села в кресло, меня усадила рядом.

— Славка, я из-за тебя спать не могу. Рассказывай. Что случилось? Что за режиссёр? Откуда он на твою голову свалился? Почему ты не зашла к нам? Почему не была в театре?

Она засыпала меня вопросами, я утонула в них, словно в тёмных осенних листьях, по которым сегодня убегала от страшных тараканьих усов.

— Нечего рассказывать, — тихо сказала я, глядя в сторону.

— Славик, я беспокоюсь, — Алёна втиснулась рядом со мной в кресло — ширина позволяла — и обняла меня за плечи. — Извини, я всё с Ники да с Ники, а про тебя забыла совсем! Простишь?

Я достала телефон и набрала смс-ку:

«У меня все хорошо. Привет Арсику и Бориске. Спасибо вам».

Отправила Марине.

Мне не за что прощать Алёну. Подумаешь, забыла обо мне. Влюблённые всегда обо всем забывают.

Под спокойное журчание фонтанчика я ей всё рассказала.

Алёна выслушала, ни разу не перебив. Потом говорит:

— Ты, оказывается, дитё, Славка. Всё. С завтрашнего дня ходишь только со мной.

Я ухмыльнулась. Очень ей надо ходить со мной! А Ники она куда денет?

— Да. Со мной и с Ники. Попробуй только отколись, — и Алёна погрозила мне кулачком. — А про эту историю забудь. Тебе повезло, что этот усач такой слабый. Не качок. Фитнесом не занимается. Так что всё хорошо, подруга! Могло быть хуже!

Я вдохнула с облегчением. И правда — могло быть хуже.

— Мне знаешь чего жаль? — добавила Алёна. — Вернее, кого? Ярослава этого, парня с хвостиком. Может, и правда это была твоя судьба? Ярослав и Ярослава — прикольно!

— Может быть, — я вспомнила весёлого парня, который устроил в метро спектакль со мной в главной роли. Вот кто показал мне этюд! Вот кто режиссёр! Жалко, что мы не обменялись телефонами. — Спасибо тебе, Алён. Мне легче стало.

— Не за что, глупый маленький мышонok! Идём спать?

Мы с трудом выкарабкались из кресла. Даже сдвинули его с места. Алёна расхохоталась. Я улыбнулась. Мне всё-таки было ужасно грустно. События сегодняшнего дня тяжким грузом лежали на сердце.

— Доброе утро! Надеюсь, домой все позвонили? — начала утреннюю планёрку Ольга Александровна.

Мы расположились в холле десятого этажа, как каждое утро перед завтраком. Каждый день начинался с этого вопроса Розанчика: перед родителями все отчитались?

А я вот сегодня не позвонила.

— В нашей программе есть изменения, — продолжала Розанчик. — По плану у нас поездка в Царицино, но по радио объявили плохую погоду. Циклон, гляньте на улицу — какой дождь зарядил. И это на весь день, — учительница обвела взглядом маленькую группу, выдержала паузу и закончила: — Поэтому сегодня мы идём в Международный Дом музыки.

— У-у-у, — загудел Скайп.

Римма с Антошкой по-детски захлопали в ладоши. Остальные выжидающе молчали.

— Не гуди, Сергей, ты ещё не знаешь, на что мы идём, — таинственным голосом произнесла учительница. — На какой концерт!

— Наверное, на Бетховена. Ван Людвига, — шутя, предположил Никифор.

— На Пугачёву небось? — спросил Серёга, сооротив рожу.

— А что? Чем тебе Пугачёва не нравится? — Розанчик посмотрела на Скайпа радостными разноцветными глазами. — Великая певица не нравится Сергею Скайпинскому. Ей от этого ни холодно ни жарко.

— Я бы с удовольствием послушала Юлию Савичеву, — вмешалась Лида Симакова. — Или Рыбака. Ну и Билана, естественно!

— Это концерт не российских артистов. Мы насторожились. Кого же мы будем слушать?

— Концерт неаполитанской песни! — торжественно провозгласила Розанчик. — Ваши бабушки и дедушки помнят, конечно, Робертино Лоре...

Она не успела договорить.

На неё, как вихрь, налетела Антошка. Вскочила с дивана, радостно визжа, и бросилась Ольге Александровне на шею.

— Антонина, что с тобой? — Розанчик испуганно отшатнулась.

— Ольга Александровна, это чудо! — визг. — Чудо! — визг. — Чудо! — и Антошка бросилась обнимать Римму.

— Что это с ней? — спросила Алёна, удивлённо глядя на меня.

Разве ж я знала?

— Может, фанатка Италии? — предположила я.

Теперь Антошка заключила в объятия меня.

— Рим, она не того?.. Белены не объелась? — спросила Алёна.

Та пожала плечами. А потом добавила, как бы между прочим:

— Просто она итальянка.

Ничего себе! Мы уставились на Антошку, как на марсианку.

А она закивала: да, это правда!

— Каким это образом? — спросила Алёна.

— У неё отец из Неаполя, — небрежно бросила Римма.

— Да-а... В самом деле... сюрпрайз. Эй, Тонька, с тебя причитается, — лениво сказал Серёга Скайпинский. Он всё время жевал резинку. И поэтому не нравился мне ещё больше!

— Чего ж тогда фамилия русская? — спросил Ники. — И чего ж тогда она делает в России?

— Да, вот именно. Итальянка Филатова, — уточнил Скайп и хохотнул.

— А что? Тебе неизвестно, что бывает первая любовь? — прищурившись, язвительно спросила Римма у Ники. — И что от этой любви случаются дети? Отца Антошки зовут Антонио. Это кстати сказать. И они с Антошкой переписываются.

— Ребята, я была в Неаполе, — Антошка счастливо засмеялась. — И ещё поеду. И ещё! Ой, ребята, я такая в этой поездке с вами счастливая! Спасибо, что мы с вами поехали! Спасибо! Ольга Александровна, спасибо вам! Грацци! — и она сделала реверанс.

— Да ладно, ладно, Тоня, успокойся, пожалуйста, — Розанчик закрыла блокнот. — Я очень рада, что хоть тебе угодила, — она похлопала в ладоши. — Всё, ребята, через

десять минут встречаемся на завтраке. Не теряйте талоны, как вчера Сергей. Еле уговорила, чтоб его покормили.

— Подумаешь, бумажка какая-то, — проворчал Скайп, — автобусный билет, и тот больше. Эй, итальянка! Это твоя косметичка? — Серёга подал Антошке чёрную бархатную сумочку, украшенную бисером. — Счастья-то полные штаны... — он не сразу отдал Антошке косметичку, а сначала подразнил. — Смотри, голову не потеряй! Иностранка!

— Слава, ты рада? — спросила в комнате Антошка, когда мы собрались на завтрак. Она имела в виду концерт неаполитанской песни, конечно.

Мне было всё равно.

Камень, лежавший на сердце, никуда не делся.

Ох, вот это Дом музыки! Представьте себе хрустальный сказочный замок. Окружите его хрустальными башнями, расставьте вокруг хрустальные фонари, пристройте к замку длинную мраморную лестницу — и всё это на фоне зелёной травы посреди тусклой поздней осени.

Здание будущего! Вот такие будут везде дворцы.

И внутри Дом музыки оказался не хуже.

У нас были дешёвые билеты в бельэтаж, но народу было немного, и мы все пересели в партер, на последний ряд, только Антошка и Римма нашли свободные места в первом.

На сцену вышел толстенький дяденька с банджо и заиграл что-то. Вид у него был не совсем артистический. Вытянутые на коленях джинсы, чёрная рубаша навывпуск.

— С какой-то лодки только что сошёл, — шепнул Ники Алёне. Мы услышали и засмеялись.

— Если с гондолы, то ещё ничего, — добавила Нина, — пусть.

Но играл этот итальянец превосходно! А потом появился и весь неаполитанский ансамбль. И началось что-то невообразимое, залихватское. Ведущий программы тоже был странно одет: чёрная рубашка с незастегнутой верхней пуговицей, белый пиджак, очень даже концертный, а на ногах — джинсы с кроссовками. Как будто у итальянских артистов не было времени переодеться. Только певица была одета

как подобает: в бордовом бархатном платье до полу, которое так шло к её чёрным локонам. Она чудесно пела высоким голосом и при этом всё время щелкала кастаньетами. Но ни разу не улыбнулась, словно была сердита на своих коллег за их небрежный вид. Но одежда — это так... Я лично почти не придаю ей значения. Они вообще могли бы в пляжных шортах выйти, не в этом дело. Как они зажигали классно! Несколько гитар, банджо, флейта, тарелки, колокольчики — я не все инструменты могу назвать, в музыкальной школе я не училась. Но главное — даже не песни, не музыка... Главное было... в нашей Антошке!

На концерт она явилась в красном платье-клёш. В волосах — красный цветок. И вот, когда музыканты заиграли тарантеллу, Антошка выскочила из первого ряда в проход и стала танцевать. Да так темпераментно, словно она всю жизнь только и делала, что плясала под эти заводные южные мелодии. Она кружилась, и, как солнце, кружилось её платье, и мелькал красный цветок. Одну руку она закидывала за голову, другую ставила на пояс! Это было завораживающе! Весь зал смотрел на

Антошку. Она так вписалась в концерт, словно её танец был частью программы, казалось, ещё немного — и итальянцы пригласят её на сцену!

— Вот это девчонка! — воскликнул Ники и яростно зааплодировал, когда закончилось первое отделение.

Была буря аплодисментов, и половина их предназначалась Антошке!

— Антонина, теперь я верю, что ты итальянка! — торжественно сказал Ники в антракте и покровительственно похлопал Антошку по плечу. — Антонино Филотино — вот кто ты!

— Ох, ребята, как я люблю Италию, итальянскую музыку и папу! — призналась запыхавшаяся Антошка. На лбу у неё блеснули капельки пота. Устала танцевать! Но при этом счастье переполняло её.

— А где ты так плясать научилась? — подала тоненький голосок Розанчик.

— Я с четырёх лет балными танцами занимаюсь. Всему научилась за столько-то лет! Ольга Александровна, этот концерт — подарок для меня. От вас! — и Антошка по-

тянулась к учительнице и чмокнула историчку в щёчку. — Спасибо!

— Пятёрка по истории Филатовой обеспечена, — прокомментировал Серёга. — Слышь, Антонио, а твой папан не футболист случаем? В Неаполе сильная футбольная команда, знаешь?

— Увы, Серёжа, — ослепительно улыбнулась Антошка. — Разочарую тебя. Он всего-навсего дизайнер.

После антракта, когда Антошка в очередной раз выскочила в проход со своей «сольной программой», к ней приблизился служитель зала — верзила в форменном тёмно-синем костюме с белой каймой — и жестом попросил её сесть на место.

Видимо, в антракте служители зала посоветовались и решили Антошкины танцы прекратить. Но зрителям это не понравилось — по рядам пробежал шумок.

Антошка, конечно, послушалась, села, но вот заиграли тарантеллу, и итальянская половина её души не выдержала искушения, она опять выскочила танцевать, и к ней направился тот же тип. И тут зал загудел, кто-то даже свистнул! Один из итальянских артистов подошёл к краю

сцены и обратился к этому блюстителю порядка:

— We like it! Don't touch her, please!*

Я не большой знаток английского, но тут всё было понятно: итальянцам тоже нравилась наша Антошка! Верзила отступил.

Антошка повернулась к сцене, сделала реверанс и сказала, как нам сегодня утром:

— Грации!

Зал заплодировал, и вот снова Антошка в центре внимания... Мало того, к ней присоединилась девушка в джинсах, потом ещё одна, но всё равно, я уверена, что все смотрели на нашу итальянку в красном платье, с цветком в волосах... После концерта я у Антошки спросила:

— Ты специально для этого концерта платье брала? Прямо из дома?

— Нет. Мы же сюда не собирались. Я в театре в этом платье была, на «Юноне». Я в театр всегда наряжаюсь.

В руках у Антошки были красные розы. Вот история этих роз. Какой-то парень в очках весь вечер держал их в руках.

* Нам нравится это! Не трогайте ее, пожалуйста! (англ.)

Больше ни у кого цветов не было, поэтому он привлекал внимание. Наверное, на протяжении всего концерта решал, кому же вручить букет. Скорее всего, цветы предназначались певице, единственной женщине из группы. Но достались они Антошке. Парень бегом бежал по залу, боясь, что Антошка потеряется в толпе зрителей. Протянул ей букет, улыбнулся:

— Это вам, — поправил очки и спросил: — Телефончиками обменяемся?

Антошка спрятала лицо в розы:

— Спасибо. Не надо телефончиков.

У неё были счастливые смеющиеся глаза. Если бы я была парнем, я бы с головой утонула в их синеве!

— Антошка, возьми телефон, — попросила я. — Что тебе стоит?

— Нет, Славка, я без всяких телефонов счастливая, — ответила Антошка.

А вот парень выглядел несчастным. Он смотрел на неё во все глаза. И почему-то покашливал в кулак. Прямо-таки галантный кавалер из прошлого, даже позапрошлого века.

— Можно я помогу вам одеться? — спросил он.

Очкарик помог Антошке облачиться в куртку, поцеловал ей руку, раскрыл перед ней двери, пропустил вперёд. Полный ухажёрский набор!

— Вас проводить?

— Нет, не надо, я с ребятами, — улыбнулась Антошка. — Грации! Ариведерче! — она помахала парню, послала воздушный поцелуй, хотя он рядом маячил, и ему пришлось удалиться. Сделал он это с явной неохотой. Ещё и оглянулся несколько раз. Может, надеялся, что Антошка передумает и бросится вслед за ним. Или позовёт его обратно...

— Смотри, Антонина, голову не потеряй! — предостерегла Ольга Александровна.

Антошка рассмеялась, уткнулась лицом в цветы.

— Антошка, а может, это твоя судьба? — пожалела я парня.

— Нет, — ответила Филатова. И пропела на мотив одной из итальянских песенок, звучавших на концерте: — Не-ет. Не-ет. Нет, нет!

— Она Липайкина ждёт, — усмехнулась Римма.

— Не-ет. Не-ет. Нет, нет, — пропела Антошка ту же музыкальную фразу и снова спрятала в розы улыбку, которая весь день не покидала её круглого личика.

С «Юноны и Авось» Тоня тоже с букетом вернулась. Цветы так к лицу этой милой девчонке! Она нравилась мне всё больше. Да и к Римме у меня теперь ноль претензий. Римка серьёзная, основательная. Она... она как пчела. Чем-то всегда озабочена, чему-то всегда учит... А Антошка — как мотылёк!

После концерта мне полегчало. Музыка, словно наполненная светом солнца, запахом моря, задорные танцы Антошки, её кружащееся красное платье и красный цветок заслонили вчерашний день с его неприятными событиями. Одна Розанчик была разочарована концертом.

— Я пришла песни Робертино Лоретти послушать, а ни одной не прозвучало... Хотя бы «О, моё солнце!» спели...

Когда мы вышли из Дома музыки, был поздний вечер. Дождь перестал. Туман рассеялся. Я смотрела на красные розы

в руках Антошки и думала, что наша поездка вполне удалась. Завтра домой.

Протенькал мой телефон. Смс-ка. Интересно, чья?

«Привет. Я не Арсик. Я Арсений. Это мой телефон. Пригласи на северное сияние».

Вот странно. Вот не ждала.

«Космоса чёрные дыры»...*

* слова из песни Виктора Цоя

В ожидании алых парусов

Я уже хотела уходить, когда меня подзвал врач. Был он в зелёненькой пижамке, ой, что я говорю, пижамы — это у больных, а врач был в зелёненьком костюмчике. Кузнечик эдакий, в очках, молодой и так-о-ой серьёзный! Просто жуть, какой он был весь из себя серьёзный. Я думала, доктор начнёт мне сочувствовать, типа держитесь, мужайтесь, не только у вас папенька не просыхает, смотрите — вон их сколько. И правда, по коридору бродили и немолодые, и юные алкоголики в спортивных костюмах и шлёпанцах. Нормальные с виду люди, но я-то знала, они — алкаши, их тут лечат, в норму

приводят. Молодые на меня косились. Да буду я с вами знакомиться! Идите вы все... мимо! Я всё сделаю, чтобы у моих детей отец вовсе не пил, ну ни грамма, потому что у детей алкашей нет нормального детства, просто нет, есть ожидание скандалов, слёз, синяков на мамином лице — как нет детства у меня, а есть описанное выше. Идите-ка вы все от меня подальше и не смейте даже смотреть в мою сторону. Мой парень с алкоголем не будет знаком, я это точно знаю.

Ну ладно, я про симпатичного врача, вообще-то... Отошли мы с Артуром Всеволодовичем — вот как мудрёно его звали — в сторону, и вдруг он говорит:

— Вот что, девушка, я хочу вам сказать... — он снял очки, положил в карман медицинской блузы и посмотрел куда-то поверх моей головы. — Зачем вы с отцом так говорили? Зачем ругали его? Зачем вы подрываете его дух? Он для нас больной, а мы хотим, чтобы больные наши чувствовали себя здесь комфортно.

Я чуть не упала от удивления. Вот это да! Он моего папашу-алкаша защищал! Ни за что бы не подумала. У меня прямо язык отнялся.

— Уж слишком вы суровы, — заключил он, глядя на меня с укором, словно это я была алкашкой, а не мой батя, не эти смурные мужики. Кстати, там и тётки в коридоре тусовались. Не знаю, может, и наркоманки: отделение, где лежал отец, называлось «Наркология». Так что наркоманы здесь, конечно, тоже были. А ещё в этой клинике были настоящие психи, но они помещались в отдельном корпусе с решётками на окнах. Вот неприятно, наверное, психбольным смотреть на мир из-за решётки. Тут, в наркологии, на первом этаже, тоже окна зарешечены, но не от больных, а, наоборот, от посетителей.

Ну вот. Доктор мне выговаривает, а я закусила губу и слушаю молча, гляжу себе под ноги. Отец уже в свою палату удалился. Он и не видел, что со мной врач разъяснительные беседы проводил. Потом подняла голову и обвела взглядом всех алкашей. И тут мой взгляд упал на странного парня. Странность эта состояла в том, что парень читал. Он находился совсем рядом с нами, поэтому я не заметила его сразу: вдаль смотрела или под ноги. А он тут — сидит себе на диванчике, нога на ногу,

и читает. Чехова читает, я на обложке увидела, когда он книгу приподнял! Сейчас человека с книгой днём с огнём не сыщешь, а уж чтобы с Чеховым! Я просто остолбенела.

Доктор проследил направление моего взгляда, попрощался и ушёл. А я всё на этого парня гляжу. Молодой, лет двадцати трёх. Бледный, на щеке родинка, словно нарисованная. Сам здоровый, высокий — даже когда сидит это видно, а родинка прямо-таки девчачья. Неужели он тоже алкоголик? Или — что ещё хуже — наркоман? Жалко, такой симпатичный.

И вдруг — раз — мы встречаемся с ним взглядами! Я что, гипнотизёр или телепат, если он почувствовал, что я на него смотрю? И тут он мне улыбнулся. От неожиданности я даже покраснела. Пожала плечами и повернулась, чтобы уйти. А он уже здесь, стоит на пороге лечебницы и улыбается... А ресницы у него! Ёлки! У всех, конечно, ресницы имеются, но у этого — дли-инные. Как трава — правда, не вру. И ещё книжка эта под мышкой, Чехов, том третий. Алкаш с томом Чехова! Это что-то! Всё равно что бомж с айпэдом.

— Девушка, — обратился ко мне этот красавчик. (Жалко! Жалко, что он алкаш или наркоман. А то в него можно было бы влюбиться. В два счёта!) — Вам не трудно бросить это письмо? — и показывает мне длинный конверт. — Здесь нет почтового ящика.

— Давайте, — вяло ответила я. — Брошу.

Посмотрела на адрес: наш город, улица Красноармейская, дом 14, квартира 35. Травиной Людмиле.

Наверное, эта Травина Людмила, жена его или девушка, не приходит. Он её умоляет, а она всё равно — ни в какую. И правильно. Нечего бегать к алкашу или наркоману. Ну а жизнь с ним связывать — вообще дикость. Пусть он даже сто двадцать пять раз красавчик. В этом я в свои пятнадцать лет была стопудово уверена. Потому что мой папочка просто достал меня пьянками.

Я сунула конверт во внешний карман рюкзака.

Шла на автобус по пыльному серому тротуару и всё удивлялась. Вот не думала, что кто-то таких людей защищает. Думала, врачи тоже алкоголиков-наркоманов

ругают, лекции им читают: пить и колотья нехорошо.

А я своему папочке крутую лекцию прочитала. Ты меня лишаешь детства. Ты сделал маму старухой. Погляди на неё: под глазами морщины, а ей всего тридцать шесть. Ты превращаешь квартиру в хлев: вонь, по полу не пройти — вином залит, липкий весь. Ты вообще идиот. Ты... ты... Отец всё это молча выслушал. Вообще молча. Ни одного слова в своё оправдание. Закатила бы я дома такое, он бы меня удушил... Ой, вообще-то, вру, он меня никогда пальцем не тронул. И сейчас бы не тронул, но из комнаты бы турнул точно. А тут слушал как миленький. И смотрел в одну точку — на дерево за окном. А глаза, грустные-грустные. Свежевыбритый, непохожий на того урода, который пьёт месяц подряд и не может остановиться. Лицо заросшее, глаза слезятся, руки трясутся — словом, такой «милый» делается, просто тошнит от него.

Наркология далеко от центра. Вокруг одни старые деревянные дома. Улица называется Крайняя, но теперь она уже ни-

какая не крайняя, за ней город продолжается, наверное, ещё сто километров. И название звучит смешно. Дорога тут с диким трафиком. Машины туда-сюда несутся, как бешеные. Окна подслеповатые от пыли, дома в асфальт вросли — ни одного сантиметра живой земли рядом. Только с другой стороны тротуара деревья, берёзы и тополя, защищают здания от шума и копоти. Вообще, дурной район, отстой полный. Может, так мне казалось оттого, что листья ещё не распустились и прошлогодняя трава торчала жёлтыми клочьями. Всё серое, унылое. Да во всём городе так. Хорошо, хоть мусор с улиц вывезли — готовились к Первомаю. Мама рассказывала, что раньше Первомай был большим праздником. Флаги, знамёна, демонстрация. Мама вспоминала, что они тоже ходили на демонстрацию всей школой. Пели, шутили. А на то, что несли портреты советских правителей, вообще внимания не обращали. Ну несли и несли — трудно, что ли, какого-то дяденьку седенького пронести на длинной деревянной ручке? Потом эти портреты снова в школьную кладовку ставили, до следующей демонстрации.

Зато всегда веселились — хоть дождь, хоть солнце.

А у нас этого нет. Мне кажется, плохо, что нет. Никуда вместе не ходим. Только в кафе — мороженого потрескать. Да и то редко. А я вообще не хожу. Без меня ходят — Милона, плюс Вадим по прозвищу Ждик, плюс ещё пара одноклассников.

Ждик меня достал. Подходит сегодня на перемене и протягивает свой мобильник:

— Эй, Сола, хочешь, покажу кое-что интересное?

— Что там у тебя, Ждик?

— Смотри.

И показывает мне мобилу, а на экране... такая гадость, передать не могу. Я даже покраснела.

— Ждик. Ты. Пошлый. Доходяга. Понял?

— Ха-ха. Сама доходяга. Что, не проняло?

— Сам догадайся.

Я ушла и спиной чувствовала его сальный взгляд.

Почему Вадима Чудова Ждиком зовут? Странно ведь. Да это из-за его любимого словечка.

— Чего стараешься? Учишь, учишь... Думаешь, пятёрку поставят? Жди, жди...

Ждёшь после уроков Ларку, а Вадька на жёлтых перилах школьного крыльца восседает.

— Что, Сола, Переверзину ждёшь? Ну жди, жди.

— Думаешь, погода будет хорошая? Жди, жди...

И вечно он так. Отсюда и прозвище — Ждик.

Он худой, с голубыми глазами. Его примета — бейсболка. Вернее, три бейсболки. У Вадима два брата, и у них три кепарика разных цветов — по одному на каждого. Так вот, каждый день Ждик надевает ту бейсболку, что под руку попадётся. Поэтому он то в красной, то в синей, то в чёрной. Похоже, они у братьев общие. Кто какую схватил утром, в той и ходит целый день. Меня Ждик Солой называет, потому что моя фамилия Соломатина. Меня многие в классе Солой зовут. Я привыкла. Пусть.

Я брела по длинной улице Крайней, размышляя о том о сём, и дошла до изуродованных тополей. Росли себе деревья,

росли, лет тридцать, если не больше. Людей радовали, никого не трогали, а их взяли и спилили. И остались просто столбы. Натуральные столбы стояли на краю тротуара! Не понимаю, зачем тополя губить. Разве тополиные кроны кому-то мешают? Говорят, чтобы пуха не было. Так и пилите по-людски! На некоторых ни одной веточки. И если на других деревьях уже набухали крупные пахучие почки, то эти стояли без всяких почек, просто обрубки какие-то, как безрукие и безногие люди. Я расстроилась, что деревьям этим канты, что какой-то идиот их обкромсал. Самого бы его вот так! И ведь много тополей было — не один, не два. Штук двадцать — целое поселение! Было поселение, а стало кладбище. От расстройства я села в автобус. Как раз он подошёл, а я мимо остановки проходила — состыковались. Вообще-то, я автобусы не люблю, да и пятнадцати рублей на билет жалко.

На углу нашего дома недавно поставили кофейный автомат. Хороший в нём кофе, натуральный. Жуть как мне его захотелось. И настроение надо было поднять, кофе ведь поднимает настроение, как шо-

колад. Хотя и дом уже рядом, но дома кофе растворимый, дурной. А тут можно было взять капучино. Полезла в карман копейки считать: пятнадцать-то рубликов уже на автобус истратила. И вот, мне на радость, двадцать рублей монетами набралось. Опустила я их в щель, кнопку нажала — и всё готово, стаканчик на месте. Хочу вытащить — и не могу, заклинило его, что ли. Сжала я серёдку пластмассового стаканчика, а он смялся, выскочил из-под краника, половина кофе вылилась. И пенка вся — самая вкусная — тоже. Знала бы, не брала, облилась только и ошпарилась: ужасно горячий. Я изо всех сил дула на руку, когда меня окликнули с другой стороны улицы:

— Олька!

Подруга моя, Ларка Переверзина, рукой машет. Я её подзываю, на автомат показываю. Она подождала, пока машины стали на переходе притормаживать, и перебежала ко мне.

— Оль, ты откуда?

— Да ниоткуда, кофе вот пью.

Я никому не говорю, что батя мой в клинике, это ведь стыдно.

— Я была у тебя дома, там мама твоя прибирается, а тебя нет.

— Понятно, нет. Я же тут. Могла бы позвонить, дел-то.

— Да я всё равно по пути забежала.

— А чего?

— Что — чего?

— Чего приходила-то?

— Да так, поболтать. А что, нельзя?

— Можно. Пошли? Или кофе выпьешь?

— Нет, давай к тебе, я со своими поссорилась, не знаю, куда деться теперь.

Ларка ссорится с родителями примерно раз в неделю. Она просто ужасно обидчивая. Не помыла посуду — мать приходит с работы и давай её ругать. А Ларка, нет чтобы промолчать или начать скорее посуду мыть, — обижается. Хлопнет дверью и уйдёт из дома. Или после школы в магазин не сходит. Мать снова её пилит, Ларка опять убегает...

Я ей говорила, что её мама права: она же на работе, дочь должна помогать, и нечего Ларке обижаться. Не слушает:

— Мать орёт на меня! Зачем орать-то?

Поболтали мы у меня на балконе, замёрзли без курток. Весна-то ещё девчонка

совсем, дохлая, только проклюнулась из сугроба. Нет, правда, май у нас всегда холодный. Вернулись в комнату. Ларка предложила какой-нибудь фильм посмотреть, а мне это не в кайф. Тогда она ушла, почти обиженная, что я не горю желанием с ней общаться.

Мне же хотелось остаться одной и подумать о том, что сказал доктор. Он меня здорово озадачил. Мы все смотрели на моего папочку с одной стороны: он плохой, мучает семью. А тут вдруг сочувствие. Как это? Я взяла на колени кошку Ньюшу, которая у нас буквально как плюшевая игрушка — целый день валяется на диване без движения — и плюхнулась на тот же диван.

Вообще, когда ругают — неприятно.

А ещё больше неприятно, что ругают из-за того, кто создаёт нам с мамой невыносимую жизнь.

Маме я не призналась, что была у драгоценного папочки. Она без него отдыхает душой и телом. И даже слышать про него ничего не хочет. Ни-че-го.

А меня он звонками по мобильнику достаёт. Маме не звонит, а мне — каждый день. Да ещё и не по одному разу. Принеси

ему тёплые носки. Очки и газеты. Кефир и булку.

Вот всё это я ему сегодня и притащила.

Назавтра я проснулась в дурном настроении. Даже не знаю почему. Неужели из-за этого доктора? Что, так сильно повлияли на меня его упрёки? Нет, наверное, просто так, без причины. Дождь на улице противный. Зелени нет, тоска. Пыль да дождь. Серое всё. Вот плохое настроение и готово на завтрак. Я почему-то сразу подумала, что меня никто не любит. Так в башку и ударило. Никто, никто. Кошка Ньюшка утром трётся лбом о ладонь, когда у меня рука с постели свесится, но это так, почесаться хочет. Это у неё физическая потребность. Фи-зи-чес-ка-я. Она тоже меня не любит. Она так же трётся о колени, когда хочет, чтобы ей еды в миску насыпали. Корм дурацкий, воняет ужасно, а она жрёт и никак не нажрётся — вот что интересно! Мышей не так любит, а ведь на даче мастерски их ловит. Может, в этот корм, что-то наркотическое подмешивают? Значит, Ньюшка тоже наркоманка, её надо к папаше в лечебницу.

Стоит мне встать, она сразу меня к своей миске зовёт и орёт: насыпь, мол. Умыться не даёт. Я её ногой — брысь.

Хорошо, в школу ухожу рано. Маме на работу к девяти, она позже встаёт, а отец там, у этого Артура, влюблённого в своих алкашей.

И в школе такая скукотища!

Математика, физика. История, литература. Химия. Полный набор скукотищи. На истории муха летала — как самолёт. Жужжала, как ненормальная, в окно билась, как истеричка.

— Валентина Ивановна, можно я муху выпущу? — спросил Сашка Колесов.

— А что, мешает? — поинтересовалась Валентина Ивановна.

— Ага. Сбрендила совсем.

— И мне мешает, — поддержал Сашку Ждик. — Летает, как мессершмитт на бреющем полете.

— Хорошо, Саша, выпусти её в коридор.

— А я хотел в окно.

Сашка вразвалку прошёл по классу и распахнул дверь. Но муха не поняла, что это ей открыли, и продолжала летать

по кабинету. Горючего у неё много, без посадки летает.

— Вот дура! — сказал Сашка. — Я её сейчас прибыью нафиг.

— Колесов, оставь свой жаргон для тамбура в поезде, — сказала Валентина Ивановна.

— А что, мы куда-то едем? — поинтересовался Сашка. Все тоже уши наострили. У нас почему-то все любят путешествовать на поездах.

— Ладно. Десятый класс, оставили муху в покое и продолжаем урок, — рассердилась историчка. — Колесов, сядь на место.

— Ну вот, — Сашка, прежде чем сесть, погрозил реактивному насекомому кулаком.

Муха вылетела только на перемене. Видимо, у неё было сильно развито стадное чувство.

— Сань, раз ты дрессировщик мух, может, ты и с деревом справишься? — спросила я Колесова.

— С каким деревом, ты о чём, Сола? — удивился Сашка.

Мы с Сашкой вместе подошли к окну. За окном стоял тополь средних разме-

ров. Наш класс на третьем этаже, и к нам в окно заглядывала тополиная верхушка. И вот почти на самой этой верхушке висела чёрная тряпка. Я думаю, сильный ветер сорвал с чьего-то балкона детские колготки и забросил их на дерево. Они, наверное, на балконе сохли, на верёвке. Я люблю деревья. Люблю смотреть на них. И на уроках — нет-нет, да и погляжу на растрёпанные ветки моего любимчика тополя. А тут эти колготки... Они дерево унижали. И меня оскорбляли вместе с ним. Ладно бы — чёрный флаг, как у пиратов, хотя я пиратов не люблю, некоторые говорят, что они романтики, флибустьеры морей, а какие они романтики — грабители и убийцы. Сейчас их столько развелось, наверное, не меньше, чем в средние века. Так что в виде чёрного флага меня колготки тоже не устраивали. А раздражали сильно.

— Сань, как бы их снять?

Прозвенел звонок, и в класс повалили ребята.

— Чего смотрим? — к нам подошёл Ждик.

— Да вон, видишь, тряпка на ветке болтается, — показал Сашка, — Сола предлагает

слетать и снять её для младшего брата. Увы, Сола, я не птица, — Сашка развёл руками и направился к своему месту.

— Да врёт она, — сказал Ждик, — нет у неё никакого брата.

Вошла Нина Николаевна.

— Здравствуйте, ребята. Открываем тетради, пишем число, самостоятельная работа...

На перемене ко мне подошёл Ждик и попросил показать ответы на самостоятельную. Два не сошлись. Кто-то из нас решил неправильно. Сверились с другими ребятами: у Ждика всё верно, мне трояк обеспечен. Ну вот, значит, и за четверть по алгебре выйдет тройка. Обидно, я на четвёрку рассчитывала.

На физике я книжку читала. Не люблю физику и не понимаю её. Нет, первый год, когда мы её только начали изучать, мне она жутко нравилась. Тогда у нас старенький учитель вёл — Ник-Ник. Николай Николаевич, вообще-то, но мы все его Ник-Ником звали. Он уже был очень старенький и ходил с палочкой. А потом он умер, и физика для меня умерла.

Да! Новость — уже целую неделю я сижу с Вовкой Ерёминым. Он молчун. Ему всё

безразлично. Он даже не поинтересуется, какую книжку я читаю. Он белобрысый, без бровей, глаза светлые. Ничего, казалось бы, интересного. Это когда он сидит. А как встанет — высокий, выше всех мальчишек в классе, стройный. И сразу становится красивым. Не понимаю, может, в парнях самое главное не лицо, а фигура? У Вовки плохое зрение, и мать попросила пересадить его поближе. Поближе! Посадили на самую первую парту, ко мне. Большой спасибо, конечно, Алине Сергеевне.

Когда зашла историчка и увидела Вовку на первой парте, она сказала:

— Я ничего не имею против того, Володя, что ты пересел к Оле. Но ведь ты загораживаешь доску и карты сидящим сзади ребятам.

— Меня сюда пересадила Алина Сергеевна, — вежливо ответил Ерёма.

— Нет, нет, не загораживает, пусть сидит, — закричал Алёшка Пунегов.

Конечно! Ему удобно прятаться за широкую ерёминскую спину от взоров учителей. Если им на глаза не попадётся, они могут целый год тебя вообще не спрашивать.

— Ну сиди, сиди, раз так, — разрешила Валентина Ивановна, — всё равно учебный год кончается.

По виду никак не скажешь, что у Вовки плохое зрение. Он очков не носит, у него линзы. Трудно с ним сидеть. Молчим все уроки подряд. Прямо партизаны, честное слово.

На английском я взяла листочек и написала:

«Ты что, немой?» — и подвинула к нему.

Он прочёл, пожал плечами и ничего не ответил.

Потом взял ручку и на том же листке ниже написал:

«А о чём говорить на уроках?»

«Да хоть о чём», — приписала я.

«Я на уроках разговаривать не умею», — ответил Ерёма.

«Дурак», — написала я.

Он взял ручку, чтобы ответить. Я думала, он напишет: *«Сама дура»*, ведь так было бы логично, а он ответил:

«Спасибо».

Мне понравилась его вежливость. Я даже пожалела, что обозвала его.

Кончился английский, но и после урока Вовка не проронил ни словечка. Выдер-

нул свою сумку из ящика стола и вышел из класса. Даже не попрощался. Даже не взглянул на меня! Наверное, оттого, что я назвала его дураком.

Вообще-то, это меня задело. Мне страшно захотелось, чтобы Ерёма со мной заговорил. Чтобы наконец-то меня заметил.

— Чего это Ерёма с тобой сел? — Ждик, как обычно, восседал на перилах школьного крыльца. Сегодня на его голове красовалась синяя джинсовая бейсболка. В руках — пустая скрученная сигаретная пачка. Видно, приготовился её выбросить, но не знал куда — то ли с крыльца швырнуть на газон, то ли всё-таки поискать урну.

— Его мать посадила. Он видит плохо, у него зрение минус три.

— А у меня, может, минус четыре! Эй, Сола, подожди, чего скажу.

Я остановилась. Что он ко мне цепляется? Уже с Нового года. Тогда мы с ним на дискотеке танцевали несколько медленных танцев. А сейчас то ручку у меня попросит, то телефон — кому-то там позвонить, хотя у него и свой имеется. Надоел.

— Ну чего тебе, Ждик?

— Давай в киношку сбегаете?

— Здрасьте! Ждик, я в киношку уже с шестого класса не хожу. Комп-то на что?

— По компьютеру неинтересно. А в киношке сидишь, попкорн жуёшь...

— А что, дома нельзя попкорн пожевать? Ты в кино только попкорн жевать ходишь?

— Да я ва-аще не хожу. А с тобой бы прошвырнулся.

— Я не люблю попкорн.

— Угощу тебя шоколадкой.

— Привет маме, Ждик, — я пошла в направлении панельных домов — это мой райончик.

Ждик кинул пачку на газон, спрыгнул с перил и поплёлся в сторону современных кирпичных многоэтажек. Их недавно построили. На стенах — узоры из красных и белых кирпичей, во всех окнах стеклопакеты — крутые такие теремочки.

От крыльца мне помахала Ларка — сегодня она шла с мамой в поликлинику сдавать какой-то анализ.

Меня догнала Тина Серёгина, нам метров сто по пути.

— Слушай, столько уроков задали, — заныла Тина, — весна, а мы мучаемся!

— Пока погода плохая — ничего, — успокоила я её. — А вот как будет солнце...

Когда солнце, гулять хочется просто зверски.

Дождь перестал. Небо очищалось от туч. Готовило место солнцу. И настроение моё в школе поднялось. Может, благодаря мухе?

Около дома я снова «сварила» себе кофе. Классная машинка эта кофеварка, хорошо, что её сюда поставили. Мама говорила, что раньше на улицах были автоматы с газированной водой, вроде таких громадных кофеварок. стакан лимонада стоил три копейки, а простой воды с газом — вообще одну. И стаканы стояли прямо в автомате на поддоне, днём и ночью. Никто их и не думал воровать. Просто фантастика какая-то, правда. Даже не верится. Но кофеварка — тоже здорово. Таких в то время не было. Теперь можно завтракать на улицу выходить. Делаешь бутер с сыром и бежишь сюда, чтобы съесть его с кофе. Ещё бы столик сюда поставить.

И стул. А на столик салфетки в прикольной подставке. И букет подснежников в вазе. Да, у нас подснежники распустились. Мы на дачу ездили, я видела. И медуница — такой маленький кустик с граммофончиками разных цветов — розовыми и синими. Люблю весну, но скорей бы лето. Лето я люблю ещё больше.

Дома залезла «ВКонтакте», а там пусто. Никто ничего не написал. Ну так самой надо, первой, а настроения писать — ноль. Я поставила себе статус *«Всё плохо»* и отправилась на кухню обедать. Нюшка меня сопровождала, и тарелку супа мы разделили пополам. Ну, понятно, Нюша не из моей тарелки супчик лакала. У неё плошка-неразливайка.

Зазвонил телефон. Я глянула на дисплей. Отец. Я отключила вызов. Перебьётся. Я ему ещё вчера кефир отнесла.

На следующее утро, войдя в класс, я ещё от двери увидела чёрную тряпку, висящую на спинке моего стула.

А-а, те самые колготки, которые вчера размахивали «ногами» на дереве. Я взглянула в окно — тополь был освобождён

от всяких «украшений» и выглядел молодцом.

— Ура Колесову! — воскликнула я и, брезгливо взяв колготки двумя пальцами, отнесла их в урну. Всё-таки, провисев на ветке несколько дней, они превратились в грязную тряпку.

— Сань, спасибо! — поблагодарила я Колесова, едва он вошёл в класс.

— Пожалуйста, кушай на здоровье. А за что?

— Разве не ты за колготками слетал?

— Соломатина, ты странная. Очень мне надо помнить о всякой ерунде. Конечно, не я.

— А мне спасибо не хочешь сказать? — спросил Ждик. — А я жду, жду...

— Ой, Ждик, это ты, что ли? Правда? Большой спасибо — от меня и от тополя! Ты молодец, орёл просто!

Первым уроком была литература.

— Прочла ваши сочинения, мои дорогие, — торжественно объявила Алина Сергеевна без всякого вступления.

Класс насторожился. Обращение «мои дорогие» не предвещало ничего хорошего. Мы это давно усвоили. И точно. Учитель-

ница осмотрела класс, улыбнулась и сложила руки на груди. Словно она уже вынесла нам приговор и сейчас собиралась объявить его.

— Ну и что? — не выдержал паузы Сашка Колесов. — Очень плохо?

— Ну... — учительница пожала плечами, постояла в наполеоновской позе. — В общем, да. Неважно. Вы меня, ребята, разочаровали. Особенно те, кто выбрал свободную тему.

Ну вот... значит, и я в том числе. Тема звучала так: «Чего я хочу от жизни».

— Вы что, господа, в самом деле хотите «взять от жизни всё»? — удивлённо спросила Алина Сергеевна.

— А что? — снова вылез Сашка. — Что здесь неправильного?

— То, что это невозможно. А в вашем классе семь человек закончили сочинения одной и той же фразой: «Я бы хотел взять от жизни всё». Семь человек!

Учительница обречённо взмахнула руками, словно собиралась улететь от нас, жадных до всех жизненных удовольствий.

— Ну и что? А в классе двадцать семь! — опять встрял Сашка.

— Но ведь одной и той же фразой! Как будто все друг у друга списывали! Ребята! Вот ты, Саша Колесов, встань. У тебя та же самая фраза.

— Ну, — Сашка встал.

— Что — «ну»? Ты хотя бы расшифруй, что ты хотел сказать. Конкретно.

— А что я?

— Расшифруй, чего ты хочешь от жизни.

— Чего я хочу от жизни?

— Да.

— Хорошо. Того же, чего и все... — Сашка почесал в затылке и уставился в потолок, словно считывая с него: — Квартиру. Большую. Машину. Хорошую, не жигуль. Ну и чтобы семья была... нормальная. Я же там всё написал! — последнюю фразу Сашка выпалил почти с возмущением.

В классе засмеялись.

— Саша, это общие слова. Об-щи-е! Вот что ты считаешь нормальной семьёй?

— Семеро детей, — пискнул кто-то.

Алина Сергеевна углядела:

— Ага. Милона. Тебе тот же вопрос.

— Я, Алина Сергеевна, ничего не хочу от жизни, — встала Милонка. — Я на другую тему писала.

— Ах да, извини, — Алина Сергеевна хотела уже посадить Хатанзейскую, но передумала: — Но ответить-то ты можешь?

— Могу. Но не хочу, — Милона села.

— Вот-вот. И я не хочу, — ухватился Сашка за Милонкину подсказку и тоже сел, без разрешения.

— Не хотите — не надо. Но тему сочинения вы, господа, не раскрыли. Никто. Поэтому все семеро получают двойки.

Гул неодобрения пронёсся по классу.

Двойки! За сочинения на свободную тему! Да такого ещё не бывало! Алина Сергеевна опозорится на всю страну! А может, даже на весь мир!

— Но! — сказала учительница и подняла указательный палец, призывая всех к вниманию.— Но, к счастью, есть восьмое сочинение на эту тему. И мне бы хотелось прочесть его классу.

Я почему-то сразу подумала, что это моё сочинение. И что я вовсе не хочу, чтобы его читали. Просто ужасно, стопудово не хочу! Но что я могла сделать? Ученики в этом отношении бесправны.

Литераторша нашла в стопке тетрадей одну, в коричневой клеёнчатой

обложке — да, это была моя тетрадь! Раскрыла её, со значением оглядела класс, призывая к молчанию, и начала:

— Все мы хотим от жизни только хорошего. Нам ещё мало лет, но мы мечтаем о будущем, как о чём-то светлом и добром...

Я хочу получить хорошую профессию. Понимаю, что для этого надо хорошо учиться, а это у меня не всегда получается. Я ленюсь. Постараюсь исправиться. Но ещё больше, чем хорошую профессию, я хочу иметь хорошую семью. Я постараюсь быть хорошей мамой. Но надо, чтобы у ребёнка и отец был хороший. А вот с отцами, мне кажется, в наше время будет напряжёнка. Возьмём, например, наш класс, наших парней. Мне кажется, они не смогут быть хорошими отцами. Они все какие-то недоделанные. И безответственные. У них на уме лишь «хи-хи» да «ха-ха». Никто из них не посадил ни одного дерева. Не сделал ничего доброго. Главное для них — дискотеки. Многие из них курят. Пьют пиво. А ведь это приводит к алкоголизму. Когда отец в семье пьёт — это ужасно. У детей такого человека нет детства. Они

каждый день боятся скандалов. Что такие люди могут дать своим детям? Да ничего! Только страх и жизнь в бедности, ведь все деньги уходят на водку.

У нас в классе только несколько человек занимается спортом. Нет увлечённых. Нет добрых. И вообще нет... хороших. Все хорошие остались в прошлом. И всё-таки я надеюсь, что смогу отыскать человека, который сумеет послужить примером своим детям. Ведь мальчишки есть не только в нашем классе. Где-то учится другой, добрый и умный. Если сказать откровенно — я жду алых парусов. И того, кто будет на этом паруснике.

Вот этого я хочу от жизни.

Алина Сергеевна закончила читать сочинение в полнейшей тишине. Потом кто-то присвистнул.

— Я знаю, кто это написал, — воскликнул Сашка, хлопнув себя по лбу. — И этот кто-то очень много на себя берёт. Пусть сам на себя посмотрит!

Тишина. Потом:

— Мы все знаем, кто это.

Тишина. Потом:

— Тоже мне — Ассоль... — кажется, это сказала Милонка.

Тишина.

Хоть бы муха, что ли, прилетела!

Я сижу на первой парте. И не вижу, кто смотрит на меня, кто нет. Но я чувствовала, что все взгляды устремлены прямо в мою спину. Они просто расстреливали меня без пистолетов и лазеров. Я сидела, уткнувшись глазами в крышку стола. И была красная как не знаю кто. Ерёма сидел рядом, не глядя на меня, но я знала, что он тоже знает, что это моё сочинение. Не потому, что у меня одной отец пил. У Федьки Акимушкина тоже отец алкоголик. Но то, что это не Федька писал, было понятно. Значит, я. К тому же у меня всегда сочинения были ничего себе, и Алина Сергеевна любила читать их классу. Ребята привыкли. И вот опять... Но почему?! Почему учителя даже разрешения не спрашивают? Почему им всё можно? Почему они думают, что это во благо? А она не хочет оказаться на моём месте? Ведь я теперь стану в классе изгоем — это ясно как день.

— За это сочинения я ставлю пятёрку, — торжественно провозгласила Алина

Сергеевна и приветливо поглядела на меня, — правда, Оля, ты много раз повторяешь слово «хороший». Вполне можно было подобрать синонимы.

Да провались эта пятёрка! Уши мои горели. Красные флаги, а не уши.

На стол передо мной лёг листок. На нём что-то было торопливо нацарапано. Ерёма царапал плохо пишущей шариковой ручкой, я боковым зрением усекла.

«Дура», — вот что было на листке.

Я отбросила его в сторону Ерёмы. Мне пофиг, что обо всём этом думает Вовка. Да кто он такой вообще? Сидел себе сзади. Просили его ко мне сесть? Ага, письменно приглашали....

Листок снова очутился передо мной. Что-то было добавлено:

«НЕ ТЫ. Она».

Я покосилась на Ерёму, и он глазами указал на Алину Сергеевну, которая, прохаживаясь у доски, распространялась о сочинениях на другие темы.

На перемену я выскочила вслед за Алиной Сергеевной. Она шла в туфлях на тоненьких каблучках, с журналом под мыш-

кой. Цок-цок. Стройная. Цок-цок. Ножки тоненькие. Цок-цок. Нет, вовсе не такая уж стройная. Цок-цок. Так себе у неё фигура. Цок-цок. И юбка набок свернулась. Цок-цок. И причёска ей такая не идёт... цок-цок-цок... Я придиралась к литераторше со всех сторон, пока семенила за ней до самой учительской, лавируя между снующих туда-сюда школяров.

— Алина Сергеевна!

Она повернулась и улыбнулась мне так лучезарно, что у меня весь пыл пропал. Я хотела её уничтожить, наорать на неё, затопать ногами, зашвырнуть её куда-нибудь под лестницу. Но она так улыбалась, она была так рада тому, что я хорошо пишу сочинения.

И вообще она, наверное, думала, я буду благодарить её: «Спасибо вам, большое спасибо...»

— Алина Сергеевна, зачем вы моё сочинение прочитали?

— Что? — учительница не поняла. — Зачем прочитала твоё сочинение? А чем ты недовольна, Ольга? У тебя пятёрка.

— Да не нужна мне эта пятёрка!

— Оля, в чём дело?

— В том, что надо спрашивать у автора — читать его сочинение или нет!!! — запальчиво крикнула я.

На нас оглянулись несколько мальчишек.

— У автора? — Алина Сергеевна сощурилась.

— Да!

— Ты хочешь сказать, ты — автор?

— А что? Разве нет?

Алина Сергеевна презрительно скривила губы:

— Хорошо. Я буду спрашивать разрешения. У автора.

Слово «автора» она произнесла насмешливо, дав мне понять, что я слишком много на себя беру. Автор — это кто-то другой. Это писатель, поэт, а не ученица десятого класса.

В класс меня ноги не несли.

Я забралась в тот угол школы, где наши не показывались. Им просто нечего было тут делать. В этом конце второго этажа властвовали шестиклашки. Я стояла у подоконника, делая вид, что кого-то жду, а малявки меня с любопытством изучали,

особенно девчонки. Подростающее поколение казалось мне слишком вызывающе одетым. Девицы в коротеньких юбчонках, правда, им идёт, у них ножки ещё как палочки. Многие накрашены, словно «ночные бабочки». Почему им учителя не объясняют, что так краситься — вульгарно?

Один смельчак-шестиклассник подскочил ко мне и спросил:

— А кого вы ждёте?

— Тебя! Что скажешь, друг? — я отвернулась к окну, не дожидаясь от «друга» ответа. По двору пробежала кошка. Прошёл мальчуган с игрушечным грузовиком на верёвочке. Протащил грузовик по луже. Повернул обратно — к другому берегу. Так и ходил — по морям, по волнам, пока грузовик не перевернулся. Я стояла злая, как сто чертей, и кусала губы. Вернусь в класс, мне покажут — «У нас нет нормальных мальчишек».

Но ведь это правда! Я так думаю! Но я сказала об этом тихонько, в сочинении, я открылась учителю. А меня подставили.

Прозвенел звонок, и я поплелась в класс. А что ещё оставалось делать? Линять с уроков мне вовсе не хотелось.

Остановилась у дверей. «10 “А”» — красовалось на чёрной квадратной табличке. Сейчас я окажусь один на один с 10-м «А». В конце коридора показалась Роза Григорьевна. Я подождала, пока она приблизится.

— Ты меня ждёшь? — спросила учительница химии, коснувшись моего плеча.

Я дёрнула плечом, помотала головой и вошла в класс вместе с химичкой.

— Вот и наша святая, — ехидно произнёс кто-то.

Чтобы я ещё раз разоткровенничалась? Я лучше умру.

И снова передо мной листок:

«Не бери в голову».

Я посмотрела на Ерёму и кивнула. Спасибо ему. Может, он немой, разговаривать не умеет, так и будем переписываться? Ну и ладно. Меня устраивает. Он за меня. Да нет, вообще-то, я слышала, голос у него есть. Ой какое ему спасибо за поддержку. Правда, я, не знаю, к какому сорту парней отнести Ерёму. Пива он, вроде, не пьёт, но спортом не занимается. И курит, я видела.

Ждик всегда выскакивает из школы раньше меня. Да что там — меня! Он раньше всех из школы вылетает. Как у него получается так быстро одеться — не пойму. Покурить, наверное, торопится. Да нет, на школьном крыльце курить запрещено, а он всегда выскакивает и садится на железные перила, как петух на насест. Провожает всех одноклассников, расходящихся по домам. Как будто это его святая обязанность. Мне всегда что-нибудь скажет.

— Значит, все ненормальные, да? — услышала я, когда в полном одиночестве вышла из школы. — Все какие-то недобрые...

Он говорил это как бы между прочим, будто и не мне. Сидел и разглагольствовал. Уроки кончились, все расходились по домам. Но ведь никто не понимал, о чём это он. Слова Ждика только ко мне относились.

Я спустилась с крыльца.

— Эй, Сола! Эй! Тебе говорю-то!

— А что, разве не так? — я повернулась и посмотрела на него снизу вверх. — Разве это не правда?

— А мы всё ждём принца, да? Под аленькими парусами.

— Ты, Ждик, будешь под чёрными.

— Да? Ты так уверена, *my girl**? Так он тебя и примет в свои пылкие объятия! Под аленькими парусами... Жди, жди!

Больше я ему ничего не сказала. Шла и шла вдоль школьного здания. Потом по скверу. И никто меня не догнал. Я была уверена, что останусь теперь в одиночестве навсегда — до самого окончания школы.

— Олька! Подожди! — Переверзина догоняла меня.

— Слушай, ну ты парней разозлила! — Ларка крутила головой в чёрном беретике. — И девчонки тоже на тебя злятся, говорят, что ты воображала.

— А ты что говоришь? — спросила я. Сердце моё колотилось. Меня обсуждают... осуждают...

— Я?..

Ларка растерянно остановилась.

— Слушай, я не знаю. Мне кажется, ты сгущаешь краски. Подумаешь, пиво.

— Первый шаг к алкоголизму.

— Ты уверена?

* девочка моя (англ.)

— Да. А что, нормальные мальчишки на меня тоже злятся? Камбалов, Ловицкий?

— Не знаю. Я не спрашивала. Но, кажется, все злятся.

— А я злюсь на литераторшу. Ёе просили читать?

— Это да... Лучше вообще свободные темы не трогать. Обязательно что-нибудь сболтнёшь лишнее. Олька, я бы на неё жутко обиделась! На твоём месте я бы с ней разговаривать перестала.

— Я с ней и не разговариваю. Я ей уроки отвечаю. Ещё не хватало, Лар, с учителями говорить. Я и писать теперь откровенно ничего не буду. Вообще сочинения не буду писать. А ты какую тему брала?

— Некрасова.

— Хитрая.

— Да нет, просто на свободную мне, Оль, сказать нечего. Я не знаю, чего жду от жизни. Наверное, ничего не жду. Как будет, так и хорошо.

— Ты мудрая.

— Нет, я просто фаталист.

— Филателист ты, а не фаталист.

Мы дошли до моего дома. Но кофе мне сегодня ни капельки не хотелось.

— Пока! — попрощалась я с Ларкой.

— Пока! — Переверзина хотела перейти дорогу, но остановилась на краю тротуара и оглянулась. Я ещё не успела завернуть за угол. — Может, Оль, с тобой посидеть, а? — Лара смотрела на меня, как на больную. Даже больше того — как на умирающую.

— Зачем? — я презрительно скривилась. — Думаешь, с третьего этажа прыгну?

— Ага, — кивает Ларка. — С третьего, так и быть, прыгай. Ноги только поломаешь, в гипсе будешь лежать. За-ску-ча-ешь, подруга! А я тебя навещать не буду! На крышу только не поднимайся, ладно?

— Да пусть Алина сама прыгает! От меня — не дождётся.

— Вот именно! Пусть приходит и прыгает с твоей крыши.

Я уже пообедала, вернулась в свою комнату и увидела, как мелькнул свет на телефоне. Смс-ка. У меня они без звука, чтобы на уроках не привлекать внимания учителей. Я нажала на кнопку и прочла:

«Что же ты учишься вместе с такими тварями?»

В груди похолодело. Я поняла, что начинается настоящая война. Это кто-то из парней написал. Кто? Никто из них не знал моего телефона. Девчонки дали, им-то всем мой номер известен.

Ждик? Вряд ли. Он уже со своего наста высказался. Я перебрала в уме всех наших парней. Ерёму сразу отмела — ведь он меня подбадривал. И на тех ребят, кто не курит и спортом занимается, вроде Гриши Ловицкого, который ходит на тхэквондо, я тоже не подумала. А вот другие... Равнодушные и злые, как Мишка Сумин (его все звали Чемоданом), — они могли. Сумин — первый, конечно. О, вот это экземплярчик! Когда ему ставят двойку, он запросто может схватить сумку и выскочить из класса. И учителю сказать какую-нибудь гадость, вроде: «Иди ты знаешь куда...» Скажет так и выскочит прямо посреди урока. И дверью бабахнет. Учителя его боятся и двоек стараются не ставить, хотя он вообще-то двоечник конченный. Но, получается, троечник, раз он всех запугал. Да, он точно мог такую смс-ку пулнуть.

Я села на диван с Нюшкой в обнимку и стала думать, что же мне теперь делать.

Сначала я решила, что завтра в школу не пойду. И что, может быть, вообще брошу её, школу эту... Потом подумала: лучше перейду в другую, потому что мне среднее образование нужно. Потом: подумаешь, из-за таких гадов, как Мишка Сумин, уходить из класса, который я люблю?.. То есть, любила... Словом, в голове моей был полнейший сумбур. Настроение, ясное дело, жуткое. Как будто снова дождь полил — и прямо в мою душу. А на самом деле небо было чистым, по нему плыли мелкие барашки облаков, их мирно пасло добродушное солнце.

Зазвонил домашний телефон. Трубку я взяла с опаской. Кто-то из одноклассников, с ругательствами, наверное. Но нет — мама просила купить хлеб, молоко и «чего сама хочешь из фруктов». Я ничего не хотела из фруктов. Я вообще ничего не хотела. Редко, но бывает такое состояние: вокруг ничего не замечаешь и внутри — полный тупизм. Потом зазвонил мобильник. Отец. Молодец, звонит после уроков, чтобы мне от учителей не влетало. Я отключила вызов. Только его сейчас не хватало. Я знала:

опять попросит кефир и булку. Обойдётся. Их там кормят. Включила музыку. Громко-громко... Диск взяла первый попавшийся. Даже не глянула на обложку. Тупо взяла, тупо поставила. Оказалось, старый диск, Епур. И легла ничком на диван.

Вот оно как бывает. Утром ещё ничто не предвещало беды. До школы я доехала на автобусе — одну остановку. Обычно я хожу пешком, но сегодня опаздывала, пришлось вскочить в переполненный автобус. А в любимой школе — здрасьте пожалуйста, от литераторши сюрприз. Правду говорят: благими намерениями вымощена дорога в ад. Алина Сергеевна, конечно, хотела мне только добра. А получилось наоборот. И теперь всё изменилось. Завтра уже будет другая жизнь, в меня будут швырять камни.

Мне даже «ВКонтакте» заходить не хотелось. Обычно я включала комп сразу, как возвращалась из школы. А сейчас представляла, сколько там проклятий на мою бедную голову.

Проснулась я от скрипа двери: мама вернулась с работы.

— Дочь, что с тобой?

На лице мамы неподдельное беспокойство. Если бы она знала, как мне хочется сейчас исчезнуть. Или — чтоб исчезла она. Если бы знала, как мне не хочется ничего рассказывать! Откровениям — бой!

— Ничего. Голова болит, — я отвернулась к стене.

— Таблетку дать?

— Ага.

Мама принесла таблетку вместе с водой. Пришлось выпить, хотя у меня болела не голова, а что-то внутри. Что-то тяжёлое там ворочалось, похожее на могильный камень.

— Спасибо, мам. Я посплю, ладно?

— Поспи, поспи, дочка, я сейчас ужин приготовлю. Разбудить тебя ужинать?

— Не... спасибо, мам, сама встану.

— Спи, спи...

Она укрыла меня пледом.

Мама любит меня. Я для неё свет в окошке. Я тоже её люблю. А кого мне ещё любить? Не отца же, который лишает нас нормальной жизни, и только теперь, когда он в своей наркологии, мы живём спокойно. Но сейчас мне даже маму не хотелось видеть. Такой вот тупизм, беспредельный.

Ночью я проснулась и потянулась к компьютеру. Он рядом, на журнальном столике, заряженный, стопудово рабочий. Пилот я вообще никогда не выключаю, он всегда у меня в комнате яркой меткой. Как и роутер. С замиранием сердца я включила компик. «ВКонтакте» у меня давно уже был домашней страницей, так что я в секунду попала на свой профиль. Да, сейчас нельзя было пожаловаться на отсутствие сообщений. Незнакомые ники, неизвестные аватары. Понятное дело — сегодня наследили наши парни, которые раньше никогда не были гостями моей стены.

Колун (аватар у Колуна такой: могучий мужик грозил анимационным кулаком):

«Сола, ах вот как ты о нас думаешь! А я считал тебя своим парнем. Неужели мы такие плохие? Ты забыла поход!»

Ох! И правда! Как я могла забыть наш недавний апрельский поход? Несколько девчонок тогда провалились в речку: лёд был уже тонкий, а мы прыгнули на льдину, чтобы покататься. И все мальчишки — все — поменялись с нами джинсами, чтобы

мы не замёрзли и не простыли. Правда, не у всех девчонок джинсы застегнулись, но у ребят для нас нашлись и верёвочки... Нет, он прав, этот Колун: про поход я забыла.

Железный ёж (без аватарки):

«Тянешь на аднаклассников? Тебя никто не полюбит, эй. Йа тоже. Всю жизнь будишь адна, девочка».

Тина Серёгина (со своей фоткой):

«Ты, в общем-то, права. У нас нет хороших мальчишек. Вот в параллельном десятом их целая куча. Давай перейдём в десятый “Б”».

Китаёз (без аватара):

«Принцев с алыми парусами сейчас нет, забудь. Спустись на землю, Сола! А вообще-то, наше с кисточкой — за смелость. Правда, смелость эта не твоя. Это литка смелая. Хотя ей что? Ты ей благодарна или наоборот?»

Ларка (с фоткой):

«Олька, я с тобой. Не расстраивайся. Будет всё оки».

Чюмодан (без аватара):

«Да я тебя сам придушу своими руками».

Китаёз:

«Ты хотел сказать — лапами?»

Чюмодан:

«Тебя тоже придушу».

Китаёз:

«Уффф, страшно-то. Сейчас пукну от страха».

Десятиклассник:

«Сола, ай-яй-яй, как нехорошо писать так о своих френдах».

Некто (аватар — боксёрская перчатка):

«Чё вы к ней привязались? Она честно написала то, что думает. Мы правда такие — фуфло, болтуны и вообще ни-ка-ки-е. Сердитесь лучше на литку, она вообще не имела права читать сочинения без спросу».

Всё. Это высказывание было последним. Или все согласились с Некто, или

запала больше ни у кого не хватило. Собрание закончилось. Некто писал сообщение уже в двенадцать ночи. Сейчас было два.

Я выпалась. И готова была всем ответить.

А потом подумала: да чего я оправдываться-то буду? Мама говорила, что оправдываются те, кто чувствует себя виноватыми. А я не чувствую. Поэтому я написала только Некто:

«Спасибо».

И всё.

А статус себе поставила: *«Правая».*

Нет, великое дело компьютер. Всё обсуди. Как будто на заочном собрании, и не надо ни перед кем краснеть. Теперь уже будет легче. Кто хотел — высказался. Да, оправдываться я не собиралась, но всё же подумала и ответила всем. Даже Чюмода-ну написала:

«Привет, Миша! Рада слышать тебя».

— Нюшка! — позвала я. Кошка спала в кресле, блаженствуя на моем свитере. Обо-жает мои вещи. Нюша открыла один глаз.

«Отвяжись», — сказал её хвост, кончиком выписав загогулину.

— Ньюша, я тебя есть зову. Кис-кис.

Поесть Ньюша всегда «за», но сейчас, наверное, решила не нарушать режима: ночью есть вредно. Мне кажется, что она понимает каждое человеческое слово, но поступает всегда по-своему, а не так, как хотим мы с мамой. Как всякая порядочная кошка, Ньюша очень независима. Ладно, пусть дрыхнет.

Я направилась на кухню. Разогрела в микроволновке котлету и слопала её с молоком. Да, сочетание не очень, сказала бы мама, но она тоже уже спала.

За окнами белая ночь. Белые ночи у нас начинаются в мае — прозрачные, трепетные, живые. Ветки деревьев чуть-чуть покачиваются, трава растёт, реки разливаются. Рек я, конечно, из своего окошка не вижу, но знаю: сейчас разлив. Собаки бегают туда-сюда, не гавкают, тактичные пёсики — понимают, что люди спят, не надо мешать. Почему-то в нашем городе ужасно много бездомных собак. И все симпатичные, незлые. Такое впечатление, что у каждой есть своё собственное дело и они

бегают не просто так, а исключительно по делам. В четыре утра из-за дома напротив выкатывается солнце. Довольное, упитанное — откормилось за зимние месяцы в сытых южных краях.

Встретив восход, я снова нырнула под одеяло и уснула почти спокойная. Да ладно, что случилось-то? Ничего страшного! Будем жить дальше.

Я, конечно, проспала. Мама будить меня не стала, решив, что больную дочку лучше не трогать, пусть отдохнёт. Она мне иногда разрешает денёк прогулять. Я посмотрела на часы. Шёл третий урок. Физика. Я решила сегодня в школу уже не ходить. Направила свои стопы в наркологию. Всё-таки чувствовала ответственность перед папашей, хотя мне и не хотелось бы снова встретить Артура Всеволодовича после его лекции. Здорово он меня тогда пропесочил.

Отец совсем забодал своими смс-ками. Каждый день по три штуки. Звонить не звонит, уже понял, что я его всё равно отключу, а смс-ки шлёт. Принеси кефир и булку. Кефир и булку. Тоже стал диету

соблюдать. Как какой-нибудь пенсионер. Про водку и не вспоминает. Ладно, всё же отец, не чужой дядька — схожу. Мама вообще ни разу у него не была. Однажды я спросила её:

— Почему бы тебе отца не навестить?

— Он мне не звонит, не пишет. Зачем я к нему пойду? Нет, ни за что. И вообще — я им по горло сыта.

Отец, когда пьяный, бывает, и руку на неё поднимает. Страшно и стыдно сказать: иногда у мамы под глазами синяки. Она их замазывает тональным кремом, но они всё равно просвечивают. А ведь маме каждый день на работу. Представляю, как ей неловко перед коллегами. Поэтому на месте мамы я бы тоже к нему не ходила. Может быть, на её месте я бы с ним развелась.

Нельзя сказать, что в наркологии железная дисциплина. Посещения официально начинались с четырёх, но меня пропустили и утром, в одиннадцать. И даже белых халатов сейчас не нужно. Велят только натягивать на кроссовки синие бахилы, похожие на инфузории, нарисованные в учебнике биологии. Двери палат были

открыты нараспашку. Алкоголики лежали на железных кроватях, уставившись в потолок, смотрели телик, играли в шахматы, поедали яблоки, переданные родственниками. Папаша меня увидел и радостно выбежал в коридор.

— Здравствуй, доча!

Он попытался чмокнуть меня в щёку, но я отстранилась. Как же, нужны мне его поцелуйчики! Это сейчас он лапушка — прямо хоть верёвки из него вей.

— Ну как ты тут? — задала я дежурный вопрос.

— Нормально, через неделю домой, — ответил он с лучезарной улыбкой.

— А подольше тут нельзя задержаться?

Мне так не хотелось, чтобы он опять маячил дома! Нам с мамой так без него комфортно! Хотя, когда он не пьёт, жить с ним вполне можно — нормальный человек. Но всё равно, мне лично без него лучше. Вот до чего дошло.

Он хмыкнул. Понятно, кто его тут будет держать... Да и ему самому больница, конечно, не в радость...

В открытую дверь палаты я увидела парня с родинкой. Он лежал на кровати,

согнув ноги в коленях, из-за которых виднелся угол ноутбука. Продвинутые нынче алкоголики. Чехова читают, в компьютерах ковыряются. Хотя, откуда я знаю — может, он, в примитивную «змейку» играет?

Наши взгляды встретились. Он сразу закрыл ноутбук, сел, взял с тумбочки книгу, достал из неё что-то и вышел из палаты — как мне показалось, с письмом в руке. Всё это он проделал молниеносно. Такое впечатление, что он ждал меня как почтальона, чтобы со мной письмо отправить.

— Как в школе дела, доча? — спросил отец.

— Какие там дела! Уроки, перемены... рутина.

— А, понятно.

Больше нам с папашей говорить абсолютно не о чем. Мы и дома с ним ни о чём не беседуем.

— Ладно, я пошла.

— Хорошо, маме привет.

— Чего не звонишь ей?

— Стыдно, доча.

— Стыдно! Не пей, так и не будет стыдно, — я оглянулась — нет ли тут Артура Всеволодовича. При нём же никаких упрёков!

При нём всех алкашей надо по головке гладить.

Отец покряхтел и ничего не ответил. Взял с дивана пакет с булками и кефиром.

— Спасибо, доча.

— Слушай, а что это за парень? — я глазами показала на «читателя», который стоял в коридоре и изучал стенгазету о гепатите. Она была переписана из какого-то журнала шариковой ручкой очень неразборчивым почерком, я на это ещё в тот раз внимание обратила. Прошлый век! Не могли, что ли, на компьютере статью набрать? — Что за тип? Откуда он? Сколько лет?

— А... это Андрюшка, — ответил отец. — Двадцать пять, наверное, да я не знаю, не спрашивал.

— И уже лечится... кошмар. Вот какие вы дураки — мужики, ну что вам даёт эта водка, что? Вот чего тебе не хватает дома — жена красавица, дочь умница, а ты...

— Ладно, ладно, не шуми, завяжу я, вот увидишь... — отец замолчал, потому что Андрюшка устремил взгляд на нас. Помоему, он ждал того момента, когда я буду уходить.

И точно. У выхода он меня окликнул:

— Девушка!

Я оглянулась.

— Девушка, можно вас на минутку?

— Можно.

— Вы не бросите письмо в почтовый ящик? Вам не трудно?

— Не трудно. Вы уже спрашивали.

— Это давно было. Это другое письмо было. И почтовый ящик, наверное, другой будет, — парень улыбнулся, потёр щеку. — Только знаете что? — он смутился и снова потёр щеку с родинкой. — Знаете, сегодня у меня конверта нет. Вы сможете его купить? Я вам деньги, конечно, дам.

И протягивает мне сложенное письмо и десятку.

— Ага. Задание усложняется, — улыбнулась я. — В следующий раз я, видимо, должна буду писать за вас письмецо.

— Да нет, — рассмеялся алкаш-красавчик. — Письмо я сам напишу.

— Значит, письмо опять будет?

— Думаю, да. Да, будет!

— А вот меня не будет! Да ладно, не переживайте. Письмо в ящик любой кинет. Это нетрудно.

— А вы больше не придёте? — спросил он с сожалением.

— Нет. Отца выписывают.

— Жаль...

— Почему жаль?

— Мне нравится, что вы навещаете папу.

Я промолчала. Что тут скажешь?..

Итак, у меня в руках было второе письмо Андрюшки, как назвал его отец. Парень снова что-то написал своей Людмиле Травиной. Наверное, тоже талдычит: завяжу, завяжу. Сколько нам папочка это пел, сколько уж лет, я и то помню. Держится полгода. А потом опять начинается...

Мне страшно хотелось одним глазком посмотреть, что же он пишет, этот Андрюшка. Но читать чужие письма не принято, так что я послушно потопала на почту. А потом подумала: погода сегодня классная, может, мне прогуляться на улицу Красноармейскую? Зачем я буду покупать конверт? Я могу письмо и без конверта, прямо в руки передать. Заодно и на Травину Людмилу гляну. Может, подскажу ей, если это не жена, а девчонка его, — пусть

она его бросит. Я её честно предупрежу, как будет плохо, если у них родятся дети, а отец пьяница.

Да ладно, не буду говорить, пусть сами разбираются. Я просто на неё посмотрю.

Все-таки любопытно, какая у этого странного воспитанного алкаша жена или девушка.

Красноармейская улица выходит к берегу речки. Тут тальник, в котором полно мусора, рябинки, чахлые берёзки. Дом — обычная панельная хрущёвка. С домофоном — тоже сейчас обычное дело. Мама рассказывала, что раньше, в её школьные годы, они никогда не закрывались, даже в квартирах. Одноклассники приходили — в дверь звонить не надо было, просто толкали плечом и входили. А теперь не только в квартиры, но и в подъезды двери железные. Нет, мама жила в фантастическое время, правда, — я ей завидую.

На мой звонок по домофону откликнулись голосом старой карги. То есть голос был не звонко-молодой, а глухой и какой-то скрипучий.

— Кто-о там?

— Здравствуйте, я вам письмо принесла.

Тяжеленная дверь запиликала, я её потянула и с трудом открыла. Ну и двери делают — для тяжеловесов, точно. Честно говоря, меня напугал этот голос с хрипотцой, я даже немножко пожалела, что не послала письмо по почте, а пришлѐпала сама. А вот суну его в почтовый ящик на лестничной площадке... Да ладно, занесу... Больно уж этот красавчик был мне любопытен. А как же... Классиков читает. Классику-то разве кто-то читает в наше время? Оказывается, есть такие чудачки. Притом симпатичные. На компьютере работает... Или играет?

Я позвонила в тридцать пятую квартиру. Дверь открыли сразу, не спрашивая, кто там. Ну да, по домофону же слышали: девчонка сдохлым голосом.

Передо мной стояла карга... то есть, я хочу сказать, голос соответствовал внешности. Женщина была старая. А я ожидала увидеть молодую. В потёртых джинсах, в футболке, волосы седые, очки на носу. Про морщины на лице я вообще молчу, старые все морщинистые. Прикид был ничего, вполне молодѐжный. Я дома так же хожу — джинсы, футболка...

— Заходите.

Я сразу подумала, что это не жена Андрюшки, а его мама.

— Простите, а Людмила Травина дома?

— Дома. А вы что хотели?

— А можно её на минутку? Ей вот письмо передали, — я показала сложенный лист.

— Письмо? — карга протянула руку. — Давайте.

— Да, только оно без конверта, у автора письма конверта не было. Вы Людмиле Травиной передадите?

— Передам, передам, — улыбнулась женщина, взяв письмо. — Я Людмила Травина и есть.

Я обалдела.

— А ... кто вы?

Глупо спрашивать. И так ведь ясно.

— Мама Андрея. Письмо, видимо, от него? Проходите, девушка.

— Нет, я побегу.

— Да проходи же, я как раз чай пью. Попьёшь со мной? Как тебя зовут? — женщина вдруг перешла на ты.

— Оля.

— А я Людмила Афанасьевна. Составишь мне компанию?

А почему бы и нет? Это хорошо, когда чай пить приглашают.

У них кни-иг! Никогда столько не видела в одной квартире. Три комнаты, и в каждой — стеллажи. Компьютерный стол, на нём ноут раскрытый — Андрюшкина мама работала на компе. Продвинутая бабушка! Ой, как тут интересно: с верхних полок свешиваются какие-то лесные коряги, «фен-шуйные» колокольчики. А сколько красивых камней! Малахит, родонит, лазурит, ещё какие-то — названия их мне неизвестны. Геолог она, что ли? На стене длинная тоненькая дощечка с текстурой, в которой угадывались рвущиеся вверх языки пламени. Под дощечкой — гриб-трутовик, в его углублении стоит свеча. Подсвечник! В грибе-трутовике! Интере-есно! Музей, а не квартира.

Чай с вареньем и сушками-малютками.

— У тебя тоже кто-то в наркологии? — спросила Людмила Афанасьевна, налив мне душистого чаю. Она несколько не стеснялась, произнося слово «наркология».

— Отец.

— Понятно. А у меня вот сынишка любимый, Андрей. Золотой мальчик.

Женщина помолчала, похрустела сушкой. — Был золотой, — с усмешкой добавила она. — Теперь смотрю на него: разве это мой сын? Куда что делось? Этот великан с грубым голосом — разве это мой мальчик? Нет, я такого не рожала...

Вовсе у него голос не грубый. Приятный, бархатный даже.

Снова молчание. Я отхлёбывала чай и ждала, что она ещё скажет про своего золотого Андрюшеньку.

— Я думала, Андрей будет учёным, а вышло... — она махнула рукой. — Сплошное разочарование... не дай тебе Бог такого...

— А почему вы к нему никогда не приходите, если он ваш любимый сын? — перебила я.

И голос у него грубый, и разочаровалась она в нём... Мне даже жалко стало парня с родинкой на щеке.

— Не прихожу? Кто тебе сказал? Я бываю у него через день.

— Да? Разве? — я растерялась. — А чего же он тогда вам письма пишет?

Ничего себе — тоска по матери! Сразу после её ухода — письмо? Разве такое бывает? Тут только Фрейд разберётся!

Женщина рассмеялась:

— Мне это тоже интересно. Давай посмотрим, что он там написал.

— Да нет, не надо, что вы... потом сами посмотрите.

— Подожди, подожди, Оля. Тут что-то не так. Тут всё гора-аздо забавнее.

Она изучающе посмотрела на меня. Её лицо, освещённое мягкой улыбкой, показалось мне очень приятным, доброжелательным. На щеке — бледная родинка, почти там же, где у сына, только у того она была яркая, а у женщины словно выгорела за долгие годы.

Людмила Афанасьевна ушла в комнату, вернулась с письмом, водрузила очки на нос. Развернула листочек.

Показала мне.

Лист был совершенно чистый!

— Ну вот, опять сюрприз... Хочешь знать, что было в первом письме?

Я растерянно кивнула.

— «Привет, мамусик. Это я».

— И всё?

— Да. Это меня тоже удивило. А вот этот лист, — женщина помахала пустым листом, — уже не удивляет. Теперь я знаю, что это значит. Когда пошла к нему после первого письмеца, спросила, в чём дело. Знаешь, что он ответил?

— Что?

— Мне нужно было заговорить с одной девушкой. Письмо — это повод. Он откровенен со мной, душечка. Я думаю, он говорил о тебе. Да это же ясно, — она засмеялась, развела руками, щёлкнула рычажком чайника, стоящего на столе.

Меня передёрнуло. Я уже говорила: не хочу, чтобы у меня был пьющий парень. Чтобы у моих детей был пьющий отец. Значит, этот Андрюша делает попытки со мной познакомиться? В наркологии? Да ни за что! Хоть бы он был самым красивым голливудским мачо! Уходить сразу было неудобно. Поэтому я выпила ещё одну чашку чая и послушала душещипательную сказку про золотого ребёнка.

Этот ангелочек Андрюшенька в три года научился читать. По карте, которая висела над кроватью. В четыре он переводил

«Русскую правду», написанную Ярославом Мудрым, со старославянского на русский. В пять по картам в атласе мира высчитывал население земного шара. Огромные числа складывал в строчку. Тогда же он знал все страны, их столицы, народы, полезные ископаемые. В шесть написал книгу о происхождении Земли... В пятнадцать с отличием окончил школу, поступил в университет. В двадцать получил диплом. В двадцать три он алкоголик.

— Как это получилось, я и сама не понимаю, — Людмила Афанасьевна поставила чашки в мойку. — Жалею, что отправила его в Москву. Ох, как я об этом жалею! Он не справился со свободой.

— Может, вылечится, — робко предположила я, и сама не веря тому, что говорила.

— Да, спасибо ему, что согласился лечиться. Понял, что болен... Не всякий это поймёт. Знаешь, что ещё его погубило?

— Несчастливая любовь?

— Если бы. Всё гораздо проще — искусство.

— Искусство? Разве так бывает? — удивилась я. — Искусство должно помогать!

— Видимо, бывают исключения. Точнее, его погубили песни. Это же тоже искусство, согласна?

— Ну да, — кивнула я.

— У кого в юности нет музыкальных кумиров! И у тебя есть, ведь так?

Я пожала плечами. Мне многое нравилось из музыки, но особенно я ничего не выделяла.

— Был один дуэт песенный. Сейчас он, вроде, распался, не знаю. Они сочиняли хорошие песни и исполняли их сами.

Людмила Афанасьевна встала, чтобы открыть форточку.

— Но были у них и безобразные, на мой взгляд, тексты. Разве назовёшь хороши-ми такие слова: «Пора по пиву, по пиву»? — Людмила Афанасьевна осуждающе посмотрела на меня, словно это я предлагала её сыночку выпить пива. — Ну разве так можно? Эту песню слушала молодёжь и бежала в магазин. Да, именно за пивом! — продолжала Андрюшкина мама. — Раз кумиры говорят — «пора», как же их не послушаться! И ещё у них песенка есть, «Одунанчиков дым» — слышала, нет?

Я помотала головой.

— Ну как же! Мне Андрей говорил, это гимн географов, геологов, геодезистов и прочих «романтиков»:

*... Я буду под дождем песни орать
И жечь костерок,
 чтобы дым коромыслом.
И водку бессмысленно больше не жрать,
А жрать её только
 с особенным смыслом.*

Она помолчала, усмехнулась.

— Умные талантливые люди! Но нельзя, нельзя так, если знаешь, что тебя слушает молодёжь. Должна быть ответственность. За каждое слово! Так просто сказать: «не сотвори себе кумира», но в молодые годы как без этого? Наше поколение любило «Битлз», сейчас кто-то любит Аллу Пугачёву. Или вот... как его, мальчик прыгучий? Диму Билана. Это нормально, что человек любит песни, книги... Ведь не только телу есть и пить хочется, есть и пить хочется и душе...

Я ушла из тридцать пятой квартиры ещё более растерянная. Было жаль Людми-

лу Афанасьевну. Разочароваться в сыне — это, наверное, хуже, чем разочароваться в любимом парне, муже, отце. Правда, она верит, что Андрей вылечится. И хорошо, что верит. Я тоже верила в начальных классах, что папа перестанет пить, что медицина ему поможет. Но он снова и снова попадал в наркологию, без врачей не мог перестать пить, да, да, точно — не мог! Ничего не ел, не лезло в горло, по его словам, а водка или вино ему были необходимы, он без них помирал, ломало его, он лакал и лакал их литрами... Вера моя и мамина давно ухнула в пропасть.

И мне плевать, что, посылая пустые письма, Андрей Травин хотел со мной познакомиться. Пусть не надеется. Этому не бывать.

Я молодец, что не пошла вчера в школу. Моё злосчастное сочинение стало забываться. Через неделю о нём вообще мало кто вспомнит.

На следующее утро одноклассники смотрели на меня по-разному: кто-то косо, кто-то дружелюбно. А в основном — как обычно.

Ждику совсем не надо проходить мимо моей парты, не по пути вовсе, но он уму-дрился это сделать и сказать:

— Привет прогульщикам и разгильдяям! Эй, Сола, где вчера гуляла?

Я его как будто не услышала, и вопрос повис в воздухе.

На столе — мы их по привычке называем партами — с моей стороны лежал тощий букетик мать-и-мачехи, уже увядший. Маленькие невзрачные цветочки — можно было подумать, что они очутились тут совершенно случайно. Но ведь, говорят, случайностей не бывает.

— Твой сюпрайз? — спросила я у Ерёмы. Он уже сидел на месте, уткнувшись в телефон.

— Нет, — сказал он и упредил мой следующий вопрос: — Кто положил — не знаю, не видел. Со вчерашнего дня валяется.

— Не валяется, а лежит.

Ерёма пожал плечами. Он по-прежнему не утруждает себя разговорами. Может, ему говорить трудно, может, больное горло.

Я переложила цветочные трупики на подоконник.

Со звонком в кабинет вошла классная.

— Соломатина, почему тебя не было в школе? — сразу спросила Алина Сергеевна, с упрёком посмотрев на меня. Ага, по фамилии называет, значит, всё ещё на меня злится.

— Плохо себя чувствовала.

— А справка есть?

— Нет. На один день справку не дают.

— Записка от мамы?

— Нет. Завтра принесу. Нужно?

— Уж потрудись, а то будет прогул.

— У неё совесть болела! — крикнул кто-то. А, Мишка Сумин.

— Хорошо, хорошо, Миша, я слышу. Ольга тоже слышит.

— А у него она не болит, нет? — спросила я, обернувшись, — Сумин, у тебя бывает совесть больная?

— У меня — не-ет. Я ни на кого бочку не качу.

— Да-а? Неужели? — радостно воскликнула Алина Сергеевна, — даже на учителей?

— Не-е, не качу, на учителей тем более, — пробасил Мишка.

— Хорошо, господа, замолчали. Начали заниматься.

На перемене я обнаружила в ящике стола несколько посланий себе, любимой. Наверное, вчера они лежали на парте, а потом кто-то их переложил. Может быть, даже Ерёма. Не хочется спрашивать: каждое слово из него как клещами вытягиваешь. Пусть мальчик живёт спокойно, не буду больше дёргать его. Никогда в жизни.

Послание первое. Просто рисунок. Парусник с алыми парусами. Парусник нарисован синей ручкой, а паруса кое-как наклеваны красной. На палубе стоит уродливый тип с чёрной повязкой на глазу. На поясе у него здоровенный нож. Это, видимо, принц, которого я жду.

Послание второе, всего несколько слов:
«Сола! Я был о тебе лучшего мнения. Ты просто чмо».

Без подписи. Ещё два листочка я не стала читать. Сгребла всё в кучу и отнесла в урну.

— Ола, ты видела, что я вчера тебе написала ВКонтакте? — спросила Тина Серёгина со своей парты на другом конце класса. Тина зовет меня Ола — что-то

среднее между Солой и Олей. Довольно странно, но ей вот так хочется.

Была перемена, в классе тусовались несколько человек, остальные посещали немногочисленные школьные достопримечательности.

— Тинка, я же тебе ответила.

— Но ты не ответила на главный вопрос. Переходим в параллельный десятый?

— Ты шутишь, что ли? — спросила я.

— Там парни хорошие. Вообще классные. Я знаю. Особенно Егор Иванов. И Тимка Звягинцев. Да много!

Я даже ответить ничего не успела. Потому что Мишка Сумин, который собирался кому-то звонить и набирал номер на мобильном, вдруг грохнул телефоном о парту и заорал:

— Давайте, валите! Валите в 10 «Б»! К другим мужикам! — он грозно уставился сначала на Тину, потом на меня. — Давай-те, я жду!

— Ты что, Миша, свихнулся? — Тина покрутила пальцем у виска.

— Вы что, не догоняете? Быстро!

Мишка, плечистый, с копной каштановых волос, подскочил к Серёгиной,

схватил её рюкзак и решительно понёс к двери. Открыл — и выставил рюкзак в коридор. Спасибо, что не швырнул куда подальше.

— Ненормальный, да? — Тинка побежала за рюкзаком и исчезла за дверью. Помоему, она сдрейфила.

Сумин направился к моей парте:

— Теперь ты, Сола!

— Сумин, успокойся.

Но Мишка точно с катушек съехал. Он толкнул меня плечом так, что я бедром ударилась о подоконник. Мою сумку ждала та же участь, что и рюкзак Тины: она оказалась за дверью.

— Вали за сумочкой, Сола! В десятый «Б», там тебя ждут Иванов, Звягинцев. Многие!

— Ты что тут, самый крутой? — пролепетала я, тоже здорово струсив. Ещё бы: Сумин навис надо мной грозной скалой.

— Ну! — он схватил меня за руку.

В классе было несколько девчонок и парни — Ловицкий, Круглов. Они наблюдали молча, вытаращив глаза. Как назло, перемена была большая, до звонка ещё целая вечность. Я подумала, что Ловицкий

за меня вступится, ведь он спортсмен. Девчонки, наверное, тоже на это надеялись, Ларка так точно этого ждала. Но Гриша стоял на месте и ничего не предпринимал. А Мишка за руку тянул меня к выходу.

— Чемодан, оставь её! — крикнула Ларка и кинулась мне на выручку. — Дурак чокнутый! — она подскочила к Сумину и стала тянуть его сзади за свитер. Мишка развернулся и так ударил её, что Ларка отлетела к стене. Я воспользовалась тем, что он на секунду отвернулся, вырвала руку и пулей вылетела из класса.

— После уроков я с вами разберусь! — высунулся из-за дверей Сумин. — Вы у меня попляшете, предательницы!

— Чего встал? — Ларка вытолкнула Сумина в коридор, выскочила сама и подбежала к подоконнику, где, возбуждённые произошедшим, стояли мы с Тиной.

Нас просто трясло. Ларка возмущённо тараторила, что всего этого так оставлять нельзя.

— Олька, ты сто раз права! И они ещё обижаются! Хорошие они, как же! Один с девчонками дерётся, другие стоят, как истуканы, и даже не думают за них вступиться!

— Что делать, Оль? — спросила Тинка. — Я его боюсь, честно. Побьёт ещё. Может, классной пожалуемся?

— Да классная его сама боится, ты что, не знаешь?

— Если б только классная, — добавила Ларка. — Девчонки, я охраннику расскажу!

Она уже хотела бежать к охраннику на первый этаж, но прозвенел звонок. Мы были настолько взбудоражены, что не сразу отправились в класс.

— А что охранник? Чемодан же нас не побил! — рассуждала Тина.

— Пока! Пока не побил... Он может, запросто! — горячилась Ларка.

— Руку чуть не вывернул, — я массиrowала запястье.

— А парни наши... трусы...

— Да им просто все пофиг! Что, Ловицкий не справится с Чемоданом? Он ведь выше Сумина.

— Конечно, Сумин здоровый. Слушайте, а чего он нас ревнует? Вроде бы ни в меня, ни в Олу не влюблён... Ненормальный.

— А ты тоже, Тинка, дурацкие вопросы задаёшь. Я и не думала уходить из нашего класса!

— Я ведь так просто, чтобы мальчишек позлить.

— Вот и позлила.

— Да-а...

Я потрясла растянутой рукой.

— Дурак! Псих! Алкоголик!

Последнее слово вырвалось у меня непонятно почему. Видать, наркология во мне глубоко засела.

В коридоре показалась учительница истории. Мы поспешили в класс.

Как-то неожиданно всё произошло. И быстро! Прямо-таки молниеносно. Это происшествие даже мало кто заметил. Когда прозвенел звонок, все уже были как всегда — смирные, причёсанные. Сумин тоже. Только когда я оглядывалась назад, он бросал на меня красноречивые гневные взгляды и один раз показал здоровенный кулак.

А рядом со мной сидел пай-мальчик Ерёма и смотрел на учительницу, как примерный ботан-первоклассник. Аж противно! Интересно, а он бы меня защитил, если бы остался на перемене в классе? Руки на парте сцепил, пальцы длинные. Красивые у него руки.

Лучше всего Ерёма соображает по математике. Задачки решает, как орешки щёлкает: щёлк, щёлк. А в общем, он для меня и других наших ребят загадка. Ничего я про него не знаю. На дискотеки не приходит, необщительный. Однажды я его в магазине видела, с матерью: что-то они Ерёме из одежды выбирали, он примерял куртку. Кстати, именно в ней Вовка проходил всю зиму. Там, в магазине, он меня тоже заметил — не всё время в зеркало пялился, но никак не прореагировал. Другой бы хоть рукой махнул. Про таких говорят: замкнутый, «вещь в себе».

Толчок в спину: мне передали записку.

Я развернула её и прочла:

«Ола, расскажи про Чемодана Ерёмину, может, он нас домой проводит? Я боюсь».

Я знала, что Тинка, написав записку, за мной следит, и, не оборачиваясь, помотала головой. Не буду ничего Ерёме рассказывать. Он толстокожий. Я тоже Чемодана опасалась, но гордость у девушек всё же должна быть. Ничего Мишка с нами не сделает. Тоже, султан нашёлся, мы ему не гарем. Захотим — и правда перейдём

в параллельный десятый, там таких психов точно нет.

Сама Серёгина сидела с Таней Игнатовой, у Тани не попросишь защиты. Даже если она будет нас защищать, что там её силёнки. И почему девчонки настолько слабее парней? Почему природа создала нас слабыми, узкоплечими, неспособными дать отпор парню, мужчине? Ведь иногда это так нужно! Просто необходимо!

За окном плыли облака. Они были уже совсем летние, большие, как фрегаты. Белые, а снизу подсвечены тёмно-синим. Одно было похоже на слонёнка с чуть размытым хоботом, уши точь-в-точь слоновьи. Этот слонёнок затерялся среди синевелых кораблей, хобот кверху, как будто трубил тревогу. Но нам отсюда не слышно его трубных звуков — слишком далеко внизу земля, наша школа и мы с Ерёмой. Вовка, даже услышав, не обратил бы на облачного слонёнка никакого внимания, а продолжал бы слушать учителя.

Но Сумина я боялась. И вдруг поняла, у кого попросить помощи.

У Ждика!

— Эй, Сола, — Ждик, как обычно, восседал на поручнях. Сегодня на нём чёрная бейсболка.

— Вадим, ты не можешь нас с Серегиной немножко проводить?

Видимо, лицо у меня было тревожное, потому что Ждик сразу сполз с поручней, оглядел нас с Тинкой и спросил:

— А что случилось?

— Ничего не случилось, просто проводи нас немного, и всё. Ладненько?

Сумина ещё не было видно, но ему ничего не стоило нас догнать.

— Проводить вас?

Ждик явно не ожидал такой просьбы. Но она ему понравилась. Он улыбнулся! Ждик редко улыбался. А может, ему понравилось, что я назвала его по имени. Что я всё «Ждик» да «Ждик»? Он уже меньше любимое словечко в свою речь вставляет. Вадим протянул руку к моей сумке. Я отдала. Он и к Тинкиному рюкзаку руку тянет.

— Нет, спасибо, я сама, — засмеялась Тинка, — что ж ты, с тремя сумками...

— Двинули, девки?

— Не девки, а девушки, — поправила Тинка.

— Можно и «девчонки» сказать, — добавила я.

Скорее всего, Мишка и не думал колотить нас — просто пугал. Но мы не были в этом уверены. Поэтому рядом с парнем нам шагалось спокойней. Узкая асфальтовая дорожка с глазастыми лужами привела нас к дому Серёгиной.

— Пока-пока! — Тинка помахала рукой и скрылась в крайнем подъезде.

Мы остались вдвоём.

Дорожка шла вдоль деревьев. Берёзы, лиственницы, немного ив. Уже чувствовался запах листвы. Из ивовых почек высывались зелёные клювики. Ждик надел бейсболку задом наперёд и спросил:

— Сола, а к кому ты в наркологию бегаешь? Что там за парень-гигант?

Я остановилась. Откуда он знает про наркологию? Кто доложил? Я даже девчонкам не говорю, где мой папаша.

— Ждик, ты, наверное, ошибся. Какая наркология, ты что?

— Да ладно, я знаю. Не притворяйся. Я видел. Я там был.

— Ты что, лечишься амбулаторно? — притворно удивилась я.

— Не парься, Сола. Я никому не скажу, если не хочешь. Только скажи — кто этот тип? Это твой парень?

— Вадим, тебя интересует его имя? Кажется, его зовут Андрей.

— Он алкоголик, наркоман?

— Ты что, следил за мной?

— У меня везде видеокамеры. По всему городу. Поэтому я знаю про тебя всё.

— Нет, правда! Во мне зашит чип, и ты следишь?

— Во-во, точно.

Мы подошли к моему дому. Кофемашина никуда не делась. Двадцать рублей на капучино у меня всегда припасены, я уже говорила. Я сунула купюры в узкую пасть автомата и взяла горячий стаканчик.

— Я тоже кофе хочу, — сказал Вадим, — я ва-аще голодный.

Я уже научилась брать пластиковый стакан так, чтобы он не сминался. А Ждик облился. У него осталась половина. Мы вдвоём дули на обжигающий кофе, отпивали маленькими глотками и молчали.

Наконец Ждик сказал:

— Что будешь летом делать, Оля?

Оп! ОЛЯ! Из уст Ждика это прозвучало просто потрясно. Наверное, целую минуту я не могла ничего вымолвить от удивления. Он же всё «Сола» да «Сола», как и я — «Ждик» да «Ждик» — все десять лет! И только сегодня на крыльце я сказала: «Вадим».

— Не знаю ещё. Работать, наверное, устроюсь.

— Давай вместе устроимся! Мэрия набирает подростковый отряд.

— Заборы красить, улицы мести, цветочки сажать...

— Ну да, что-то вроде того. Ну и пусть, если вместе.

— Вместе с кем? У тебя так развито чувство коллективизма?

Иногда я такая ехидная, прямо змея. Ненавижу себя за это.

— Нет, я имею в виду вместе с тобой, дура.

Ждик кинул стаканчик в мусорный контейнер, повернулся и стал переходить дорогу.

— Ждик! — крикнула я. Он оглянулся. Я хотела добавить, что мы, конечно, вместе будем, что я и правда дура, но не успела.

Переход в этом месте нерегулируемый. Просто зебра и на краю тротуаров знаки. Машины останавливались. С нормальными водителями, естественно. А этот был ненормальный, крутой. Он просвистел на иномарке на бешеной скорости. Ждика отбросило метров на двадцать.

Когда хоронили Вадима, шёл дождь. Все выступавшие на могиле говорили пошлости, вроде того, что вот даже погода скорбит.

Мама Ждика не переставала плакать. Плотный чёрный платок сползал с её головы, открывая светлые, как у сына, волосы. Она забывала его поправлять.

— Девочку он какую-то любил, — сказала она, перед тем как гроб опустили в бездонную чёрную яму. Она ни на кого не глядела. И ни на что. Оказывается, так возможно — ни на что не глядеть, ничего не видеть. Наверное, перед ней была пустота. — Не знаю, что за девочка... У него вот здесь, — женщина показала на предплечье, — была татуировка...

Мама Вадима с трудом подбирала слова, вытирая слёзы белым платочком. Этот

платочек резко диссонировал с её траурным одеянием.

— Не знаю, когда он сделал эту татуировку, не очень-то он с нами делился... Там сердце со стрелой, а на сердце имя: СОЛА. Хоть бы на девочку эту поглядеть.

Меня вытолкнули вперёд.

Мы стояли, обнявшись, и плакали под дождём.

Я тоже пошлость скажу. Как будто при рода скорбела по этому мальчишке в разных бейсболках.

Дождь лил и лил. Люди стали расходиться. Через десять минут мы уже сидели в автобусе. Все ребята пришли проститься с Вадимом. Все, кроме Ерёмы.

Водителя, сбившего Вадима, ищут. Я ничего не запомнила, кроме того, что машина была чёрная и матовая, как будто шершавая. Я сразу кинулась к Ждику, когда он упал.

Сколько их сейчас, чёрных машин...

А вот как мне жить дальше? Как? Ведь если бы Вадька не оглянулся, может, его

бы не сбили. Может, он успел бы увернуться от чёрной машины...

Я сейчас вспоминаю, что пива он вообще не пил.

Вдруг это он приплыл бы ко мне под алыми парусами?

Дождь из прошлого века

В классе солнце раскрошилось на стайку солнечных зайчиков. Они носились по потолку, по стенам, прыгали по тёмно-зелёным столам, и оттого, что на улице было ослепительно светло, класс казался полутёмным. Дрожащие солнечные пятна создавали ощущение, что десятиклассники находились на дне прозрачного озера и солнечные зайчики дрожали в воде. У доски, с указкой в руке что-то рассказывала Зинаида Петровна. Смысл слов не доходил до Игоря, голос учительницы то приближался, то отдалялся и как будто истаявал: тоньше, тоньше — и исчезал совсем...

В классе стояла тишина. Десятиклассники обычно вообще не шумят, но сейчас тишина была оглушающая. Наверное, многие не слышат учительницу, думал Игорь. Не слышат, как и он, потому что наступила весна и яростное солнце каждую минуту запускает в организм порцию неизвестных науке лучей, заставляющих погружаться в себя, а ещё от этих лучей хочется мечтать.

За третьей партой у окна сидит девушка. Склонилась над столом и что-то усердно пишет. Что она пишет? Записывает конспект за географичкой? Да, можно подумать!

Тёмная чёлка падает на глаза, она рукой откидывает её со лба, щека разругалась — солнце пригрело.

Вот было бы здорово, если бы девчонка писала письмо ему: «Игорь! Ты мне очень нравишься. Приходи вечером к школе. Я буду тебя ждать, мы вместе пойдём в парк над рекой, где плывут последние льдины».

Нет, интересно, что же она всё-таки пишет? Ясное дело — письмо, но не мне, меня она просто не замечает. Может,

другому парню? Ишь как шпарит, и головы не поднимет от парты. Ах, Валька-Валюха, ты даже не догадываешься, что каждый вечер, перед тем как заснуть, я думаю о тебе. И утром, стоит только проснуться, ты опять у меня перед глазами. Я полюбил смотреть на звёзды — это тоже из-за тебя. Я смотрю на них вечерами, выключив в комнате свет, и мечтаю подарить тебе хоть одну самую маленькую звёздочку.

Игорь вздрогнул. Кажется, он задремал. Думать о звёздах в яркий солнечный день — уметь надо. Не иначе как во сне. Такой убаюкивающий у Зинаиды Петровны голос. Ближе... дальше... снова ближе...

— Агафонов!

В спину ткнули ручкой. Виталья Серебряков выручает. Игорь открыл глаза. Зинаида Петровна стояла возле него.

— Агафонов, ты спишь! Спать надо ночью. О чём я сейчас говорила?

Игорь поднялся. О чём говорила учительница? Конечно, о географии, о чём же ещё. Что-то прошептал за спиной Виталья. Игорь, не расслышав, спросил:

— О географии звёздного неба?

В классе засмеялись.

Понятно, Игорь знал, что не о звёздном небе шла речь. Ляпнул, чтобы те, другие, которые дремлют, тоже проснулись. Да и приятно про звёзды вспомнить! Ведь они и правда чудесные. Они и профессию Игорю было нашептали — астроном. Год назад он даже купил карту звёздного неба. А потом записался в астрономический кружок и струхнул: оказалось, астрономия — это дикие вычисления, хуже, чем в математике, с которой у Игоря отношения, мягко говоря, не очень... Он отказался от мечты стать звездочётом, но смотреть на звёзды не разлюбил. Особенно если попадал вечерами за город, на природу.

— Попал. Пальцем в небо, — упрекнула Зинаида Петровна. — У вас не астрономия, Агафонов. География у вас, смею напомнить.

— Извините.

— Садись. Двойку ставить не буду.

Игорь сел, пожал плечами: да пусть ставит. Смешные эти учителя: чуть что — двойками пугать... Они что, пятиклашки? Игорь взглянул на Валю Гротову.

Она уже не писала, а, как все одноклассники, глядела на Игоря. Руку с шариковой ручкой поднесла к губам, словно просила не говорить о каком-то между ними секрете. Валины глаза улыбались. Улыбались тёмные завитки возле ушей. Игорь тоже широко улыбнулся и вдруг... подмигнул Вале. Как-то неожиданно получилось. В первый раз в жизни подмигнул девчонке! Это солнечные лучи виноваты... Это они озорничают... Валя сразу отвернулась.

На перемене, как всегда, толкотня и нечего делать. Классы пусты, окна запахнуты, в коридорах броуновское движение. Игорь вышел из школы, постоял на крыльце. Игривый, как котёнок, майский ветер приятно обдувал лицо. Игорь вспомнил, как смотрела на него Валя: равнодушно, слегка прищурившись. Парень понимал, что только благодаря замечанию учительницы Валя оглянулась, вообще-то Игорь абсолютно ей безразличен. Но ведь можно действовать самому! Например, подойти к девушке и спросить, что это она так бойко строчила на уроке. Да! Именно так и нужно сделать — узнать!

Игорь вприпрыжку поднялся на третий этаж. Спросит! Подойдёт и спросит! Никто его за это не уьёт!

Валя стояла среди одноклассниц у подоконника, о чём-то там девчонки оживлённо беседовали. Верка Лимонова рубила рукой воздух и быстро-быстро что-то доказывала остальным. Игорь замедлил шаг, сжал кулаки, закусил губу от досады. Нет, не сможет спросить! Внезапно его сковала какая-то детская робость. Да так всегда и было, чего удивляться! Игорь завидовал ребятам, которые запросто общались с девчонками, рассказывали им анекдоты, шутили. Могли запросто хлопнуть по плечу, взять за руку. Игорь так не умел. Девчонки для него — совсем особенный народ, люди с другой планеты, он не знал, как с ними себя вести. Игорь давно заметил, что легко обращаются с девчушками те парни, у которых есть сёстры. А у него — ни брата, ни сестры.

И отца не было.

И это тяжелее всего.

Как же! А кто не переживает, когда отца нет? Чувствуешь себя каким-то ущербным, хотя не виноват ни в чём. Мама Майя

работала во Дворце творчества юных. Дом большой, старинный. На улице перед ним две скульптуры — мальчик-горнист и девочка с книгой в руках. Оба в пионерских галстуках. Дворец творчества раньше назывался Дворцом пионеров. Теперь пионеров нет, но статуи не убрали: никому они не мешают, даже помогают изучать историю. «Было время пионеров и октябрят, — говорили взрослые своим чадам, указывая на скульптуры. — Неплохое, в общем-то, время». И внутри дома мало что изменилось: те же кружки и студии, тот же ребячий гомон с утра до вечера, только красные галстуки исчезли.

Сначала мама вела во Дворце творчества драмкружок, потом стала художественным руководителем. Детство Игорь провёл в этом большом здании, носился по трём этажам, совал нос в кружки и студии — никто не делал ему замечаний. Поэтому что — мама! Она была здесь хозяйкой наравне с директрисой Ингой Трубадуровой. Совсем недавно Игорь узнал, что настоящее отчество этой грузной громкоголосой женщины — Трофимовна. Но между собой буквально все, даже

уборщицы и вахтерши, звали её Трубадуровой. Игорь слышал, как однажды руководительница кружка «Золотой напёрсток» так к ней и обратилась — «Инга Трубадуровна» — и сразу же поправилась, засмущавшись, но директриса только раскатисто расхохоталась и сказала, что ей это отчество нравится:

— Так меня и зови!

Итак, у Игоря не было отца.

Став постарше, Игорь стал думать, что его отцом мог быть кто-то из работников Дома творчества. Так бывает, размышлял он, женщины влюбляются в мужчин, которые рядом, а те иногда отвечают им взаимностью. Об этом столько фильмов по телевизору показывали!

Мужчин во Дворце творчества юных наперечёт: художник-оформитель Евгений Николаевич, вахтёр Дима и сторож. Ну ещё руководитель фотокружка Марк Никандрович и руководитель клуба картингистов Филипп Григорьевич. Но они просто числились во Дворце, а занимались в других зданиях, так что их Игорь и вовсе не брал в расчёт, он их и не встречал никог-

да. Сторожа и вахтёра он тоже сразу отмёл. Дима слишком молод, он подрабатывал вахтёром и учился в институте. Сторож... Игорь даже думать о нём не хотел — ничем не примечательный дядька лет пятидесяти, от которого часто пахло спиртным — мама на такого и не посмотрела бы. Она выпивох не любила. А вот Евгением Николаевичем Игорь заинтересовался. Мама могла бы в него влюбиться, запросто! Игорь учился классе в шестом, когда ему вдруг пришла в голову эта мысль.

Евгений Николаевич — высокий, волосы собраны в хвост, а иногда разбросаны по плечам. Маленькая ровненькая борода, как у гнома. Симпатичный!

Игорь стал заглядывать в художественную мастерскую. Его не прогоняли. В большом павильоне с высоким потолком пахло клеем, гуашью, ацетоном. Стояли прислонённые к стенам фанерные щиты, в углу — задники сцены, скатанные в длинные рулоны. На полу обычно лежал холст, с которым в это время работали.

— Пришёл? — спрашивал Евгений Николаевич, быстро взглянув на Игоря. — Ну-ну. Заходи, раз пришёл.

И снова углублялся в работу.

А когда Игорь прощался, художник бросал:

— Матери — привет!

У Евгения Николаевича, как и у Игоря, голубые глаза. Волосы, правда, тёмные, но, говорят, волосы у ребят всегда светлее. И самое главное — художник работал вместе с мамой уже лет двадцать и вполне мог бы быть... Мог бы быть его отцом! Да, да, точно! Нелепая мысль оформилась, обтесалась, крепко засев в мозгу, и в конце концов превратилась в навязчивую идею. Мальчик смотрел в зеркало и сравнивал себя с портретом оформителя — он сфотографировал художника вполне легально: кто против, чтобы его снимали, — все к этому спокойно относятся, только звёздам шоу-бизнеса жалко. Глядя на фотографию Евгения Николаевича, Игорь решил, что сходство между ними просто поразительное! И однажды дома, надеясь выпытать что-нибудь определённое, он спросил у мамы:

— Мама, тебе нравится ваш художник?

— Евгений Николаевич? Он хороший работник. В каком смысле нравится? Как рисует?

— Да нет, как человек.

— Нормальный человек. Семья у него, две дочки. А что такое?

— Ты с ним дружишь?

— Что значит — дружишь? Я со всеми в нашем Дворце творчества дружу, Игорёша.

— А... понятно.

А ничего и не стало понятно! Мама ведь может и не раскрыться! Но портретное сходство Игорь находил снова и снова! Фотографию художника он каждый день перекладывал из школьного рюкзака под свою подушку. Уголки фотки загнулись, она покрылась трещинками, похожими на морщинки на лице художника. Перед сном Игорь нет-нет да и взглянет на снимок под светом ночника. Хорошо, что у них теперь двухэтажная кровать: постель Игоря наверху, мама не проверяет.

Да, они правда похожи! Вот и носы одинаковой формы! И губы! Ну, предположим, губы не совсем похожи — у художника они тоньше, но это ничего не значит. Когда Игорь случайно встречался с Евгением Николаевичем во Дворце

творчества, у мальчика начинало сильно биться сердце. А если художник ещё и смотрел на него, сердце ухало в пятки.

Теперь он приходил во Дворец творчества и сразу бежал в мастерскую! Там сердце было спокойно. Ухало оно от внезапной встречи, а если Игорь заранее знал, что увидит художника, то билось ровно. Мальчик помогал Евгению Николаевичу растирать краски, точил карандаши, выпиливал несложные конструкции из фанеры и картона, клеивал то, что велили. И тайком всё смотрел, смотрел на художника. И повторял неслышно: папа, отец. Одёргивал себя: он не имеет права так думать! Но крамольная мысль возвращалась: а вдруг художник и правда его отец? Ведь они реально похожи, — вспоминал Игорь школьное словечко.

Наваждение постепенно превращалось в уверенность.

Иногда на работу к отцу приходили дочери — Алина и Ирина. Игорь смотрел на них с любопытством, даже пристрастился: если Евгений Николаевич — его отец, значит, девчонки ему сёстры. Алинка тоже

голубоглазая, а волосы — точно такого же цвета, как у Игоря! В основном на неё он и пялился, пока девочки были в мастерской. Однажды Алина спросила:

— Чего уставился? Влюбился?

Игорь струсил и удрал в коридор, спрятался в каком-то закоулке. И больше в тот день в мастерскую не вернулся. Но стоило ему увидеть сестёр, его сердце так же учащённо билось, как при встрече с самим художником. Снова и снова Игорь искал повод появиться у Евгения Николаевича. Девчонки, завидев его, прыскали. Если приходила одна из них, то понимающе поджимала губы и переглядывалась с отцом. Видимо, он тоже был в курсе, что Игорь «влюбился» в Алинку. Художник называл её Малинка. И однажды, когда Алинка, попросив у отца денег, ушла в магазин, с вызовом взглянув на Игоря и показав ему язык, Евгений Николаевич спросил:

— Тебе что, моя дочка нравится? Алинка-Малинка?

Игорь быстро ответил:

— Нет.

— Нет? — Евгений Николаевич удивлённо уставился на мальчика.

— Нет.

— А она так уверена! Ты, парень, глазами её прямо ешь.

— Просто мы с ней похожи.

— Похожи?

— Да.

— И чем же это вы похожи?

— Ну... у нас волосы одинаковые, глаза... как брат с сестрой.

— Интересно...

Игорь вдруг решился. Бывает так: поднимешься на вышку в бассейне и боишься прыгнуть, боишься, боишься. А потом вдруг раз — прыгнул, и всё, и хорошо, и всё в порядке.

Дело шло к Новому году. Евгений Николаевич рисовал задник сцены — лес, стройные ели, а одна ёлка, самая высокая, словно шагнула на площадь. На ней сверкают игрушки, а под ней танцуют лесные звери. Здорово! И вообще Игорю нравилось всё, что рисовал художник.

— Евгений Николаевич, можно спросить?

— Валяй.

Игорь набрал в грудь побольше воздуха и выпалил:

— Вы — мой отец?.. — и добавил тише, холодея от ужаса: — Так, случайно, — и уже совсем тихо, чувствуя под собой чудовищный провал, прямо-таки бездонную пропасть, прошептал одними губами: — Может быть...

Предчувствие не обмануло Игоря.

Евгений Николаевич отложил кисточку, подошёл к двери, распахнул её и сказал:

— Уходи! Давай-давай, шагом марш! Тоже... Случайно!

Игорь бочком протиснулся в дверь, чтобы нечаянно не задеть оскорблённого оформителя.

— Это же надо такое придумать! — крикнул вслед мальчику художник.

Дверь с грохотом захлопнулась. Игорь втянул голову в плечи, ссутулился и медленно побрёл прочь от этой, казалось, ударившей его по спине двери. Прочь от своей мечты — чтобы никогда уже не возвращаться.

Больше Игорь во Дворце творчества не появлялся. Даже когда мама очень просила — на удачный спектакль

драматической студии, на интересную выставку, модный фильм — никогда. Теперь он избегал встреч с художником. Было стыдно! Так стыдно, словно он украл какую-то драгоценность и все об этом узнали. И перед девчонками было стыдно. Теперь, стоило Игорю ещё издалека увидеть в городе Малинку или Иринку, он переходил на другую сторону улицы. Он боялся, что отец рассказал дочкам о его глупой догадке, об этом идиотском вопросе — вот они над ним поиздеваются, а чего доброго, и побьют! Девчонки они были шустрые. Он видел, как Малинка мутузила за что-то незнакомого Игорю мальчишку. Свалила его в сугроб и забросала снежками. Сам Игорь никогда никому не говорил о том длительном наваждении. Но поиски отца закончил, казалось, навсегда.

Конечно, ещё раньше он спрашивал у мамы, кто его отец, где он. А однажды (он учился тогда классе в третьем) на очередной его вопрос мама ответила: «Встреча с этим человеком была моей ошибкой». Они как раз завтракали.

— Я тоже твоя ошибка, да? — спросил Игорь, перестав отхлёбывать из чашки горячий чай.

Мама пожала плечами, промолчала. Она промолчала!

Игорь оттолкнул чашку, пролив чай на клеёнку, и убежал за стеллаж — в свой угол. Плакать хотелось ужасно, и, чтобы не разреветься, он впился зубами в подушку. Большой плюшевый медведь, мамин подарок на день рождения, который тогда ещё жил у него на постели, повалился на него, и они плакали вместе.

В стенку стеллажа постучала мама.

— Можно к тебе, сынок?

Он не ответил.

Она прошла, села рядом, коснулась рукой его плеча.

— Игорёша, я люблю тебя. Слышишь? Ты моя единственная радость. Ты не ошибка, ты мой сын. Мой, и только мой. Ясно?

Она взъерошила ему волосы, поцеловала в солёную щеку, мишку притулила спиной к стене и ушла на работу.

Мальчик плакал, уткнувшись в мягкий живот плюшевой игрушки, потом потихонечку успокоился, собрал

рюкзак и, грустный, поплёлся в школу. Тогда он первый раз опоздал — почти на пол-урока. Минут десять стоял у дверей класса, набираясь смелости постучать. Он сидел тогда с Валею. Вдруг на столе перед ним очутилась горсть краснобоких райских яблочек — ребята называли их «тыблочки». Они красивые, внешне похожи на черешню, но внутри очень жёсткие.

— Ешь и не реви, — прошептала Валя. — У тебя нос, как слива.

Он благодарно взглянул на неё заплаканными глазами, взял одно «тыблочко», покрутил в пальцах и, встретившись глазами с учительницей, сунул в карман. Дички он принёс домой и перед сном сжевал, горестно размышляя о своей жизни без папы.

...На геометрии Валу вызвали к доске. Она была в белой кофточке, из-под воротничка спадал на грудь лёгкий голубенький шарфик. Один конец его кокетливо исчезал под блузкой. Солнце всё так же бушевало, разбив класс на светлые и тёмные квадраты. Валя была в тёмном ква-

драте и от этого казалась далёкой, словно стояла где-то в лесу, в тени деревьев. Теорема была несложной, девушка отбарабанила доказательство и, отряхивая руки от мела, отправилась на место с пятёркой в дневнике.

— Ребята, завтра будет проверочная работа, — Татьяна Георгиевна пошла по рядам, — а через неделю — годовая контрольная. Конец года совсем скоро, не забывайте. — В классе раздавался мерный стук каблучков: тук-тук, тук-тук. — Ещё не поздно исправить оценки.

Учительница остановилась у парты Игоря:

— Агафонов, у тебя между тройкой и четвёркой. Скорее, четвёрка, так что постарайся.

Игорь кивнул. А сам всё смотрел на Валю: как она села, записала что-то в тетрадке, повертела ручку в руке. Что-то сказала своему соседу по парте Мишке Томилову.

Мама всегда на работе. И днём и вечером. Хозяйством занимается сын. Сегодня ему поручено купить картошки.

После уроков Игорь взял «картофельную» сумку и отправился на ближний базар: в магазине картошку продавали невкусную, к тому же она быстро начинала гнить. У частников намного лучше, они с мамой это давно поняли. Он покупал большое ведро — хватало на месяц.

Игорь уже купил картошку у симпатичной старушки в бордовом капроновом платочке. Она пересыпала ведро в сумку, приговаривая, что её картошечка самая рассыпчатая на всём белом свете. Игорь поднял голову и неожиданно встретился глазами с Валею. Она тоже пришла за картошкой — вот это совпадение! Девочка уже держала наготове полиэтиленовый пакет.

— Ой, приветик! — весело воскликнула Валя, тоже не ожидавшая встретить одноклассника.

— Привет! — губы Игоря расплылись в улыбке. — Картошечку покупаешь? Тут, — он кивнул на старушку, — самая рассыпчатая.

Здесь стоял целый ряд бабушек, торговавших картошкой.

— Самая, самая, — подтвердила старушка, поправляя съехавший платочек.

— Я тогда тоже у вас куплю, — решила Валя. — Только мне поменьше ведёрко пересыпьте — вот это, пятилитровое.

Они шли по улице с сумками, как два очень хозяйственных человека.

— Агафонов, ты мне сегодня в классе подмигнул, или мне показалось? — спросила Валя.

— Было такое — подмигнул.

— А с чего это вдруг?

— Да так, солнце велело.

— Солнце? Ты понимаешь язык солнца? Ты с ним на ты?

— Конечно! Весной я с ним всегда на ты. — Игорь засмеялся. — А что ты писала на географии? Так шпарила!

— Сочинение дописывала. Не успела дома.

— Строчила, как писатель. Я думал, письмо кому-то катаешь.

— Письма я давно по мылу пишу. Короткие, как телеграммы.

— Да-а? И много у тебя адресатов?

— Хватает!

— Давай адресами обменяемся?

Зачем Игорь это сказал? У него же не было интернета.

— С тобой, Гошка, мы и в школе можем пообщаться. И ВКонтакте я есть, пиши туда.

— Я всё никак ВКонтакте не проникну, — соврал Игорь.

— Ну что ты. Там интересно. Каждый день себе статус выдумываешь. Какое настроение — такой и статус. Знаешь, кто я сегодня? — Валя посмотрела на Игоря с загадочной улыбкой.

— И кто же?

— Догадайся с трёх раз!

— Девица-красавица?

— Не-а, это слишком просто. И по-детски.

— Скажи. Сказала же — ни за что не догадаюсь.

— С трёх раз! Ещё две попытки.

— Покупательница овощей.

— Фи-и, Агафонов! Как скучно! Ну? Последняя попытка!

Игорь посмотрел на её смеющееся лицо, на синие щёлочки глаз и чуть не заплакал — такой она показалась родной, желанной, такой милой и, главное, — такой близкой. Он еле сдержался, чтобы не притянуть её к себе свободной рукой,

не обнять за плечи, не потереться щекой об её щёку. И вдруг подумал, что сумасбродство возможно — именно в такой солнечный весенний день.

— Королева, — торжественно произнёс он.

— Ух ты, молоток! Почти угадал. Мой статус сегодня — барыня-сударыня. Захотелось вот покуражиться...

— Круто! Я просто обязан забрать у барыни-сударыни картошку, — Игорь протянул руку за сумкой.

— А что, твой сегодняшний статус — слуга? — спросила Валя, передавая пакет. Она смотрела на Игоря хитрым взглядом, и ему страшно нравилось это плутоватое выражение её лица.

— Мой сегодняшний статус — помощник девушек. Но если ты хочешь — буду слугой! Что прикажете, барыня-сударыня?

— Донести картошку до моей квартиры!

— Слушаюсь!

— Тем более вот мой дом, мой подъезд, а квартира на втором этаже. Мы пришли!

Поднялись до квартиры и остановились перед дверью. Игорю не хотелось расставаться с Валею! Мимо со скрежетом

проехал лифт. «Жалко, что она не на девятом живёт, — подумал Игорь, — вместе бы в лифте прокатились. Стояли бы рядом».

— Спасибо за помощь, Агафонов!

— Не за что, сударыня! Нисколько не трудно!

— Пока, мой верный рыцарь!

— До завтра, моя королева! — Игорь по-солдатски прищёлкнул кроссовками. Ещё немного — и честь бы отдал! А ведь он «слуга» — надо было поклониться!

Игорь скатился с лестницы. Он бы и поклонился своей королеве, просто не вовремя, с опозданием, вспомнил!

Солнце, спасибо! Бабушка, спасибо! Картошка, самая рассыпчатая, и тебе спасибо! Я с Валею пообщался! С моей королевой!

Игорь чуть не пел по дороге домой. Он не шёл — летел. Даже не заметил, как взлетел на пятый этаж, проигнорировав свободный лифт.

Валька-Валюха, твои глаза, твоя улыбка с хитринкой — какие они милые! Завтра возьму в школу фотоаппарат и сфотографирую твою очаровательную королевскую физиономию.

Мама позвонила и предупредила, что задержится. У Евгения Николаевича юбилей, вечером они отмечают его в ресторане.

— Хотя раз в жизни в ресторан схожу, — сказала мама довольным голосом. — Ужинай и ложись, не жди меня.

— Ладно. Счастливо повеселиться!

Когда мама вернулась, Игорь лежал на своем «втором этаже» и читал. Он никогда не засыпал, пока не было мамы, беспокоился за неё и всегда её дожидался.

Часа в два ночи в дверь заскреблись ключом.

— Не спишь? — мама заглянула в комнату, не сняв плаща. — Спасибо, сынок, что подождал.

Зажурчала вода в ванной, полчаса ожидания — и вот мама юркнула под одеяло. У них было правило: гасить свет и «стартовать» в сон в одно и то же время, чтобы друг другу не мешать: квартира-то однокомнатная.

— Игорёш, — мама подала голос, после того как Игорь выключил свет и комната погрузилась в голубую полутьму — май, скоро белые ночи, — сегодня мне Евгений

Николаевич рассказал, как ты его в шестом классе преследовал.

Послышался мамин смешок. Игорь похолодел. В следующее мгновение его бросило в жар.

— Игорёш, ты слышишь?

— Д-да.

— Слушай, сын, а почему ты решил, что он — твой отец?

Господи! Игорь думал, что всё уже быльём поросло, что художник забыл о том случае и что об этом никто, никто не узнает! Зачем он рассказал маме? Зачем?

— Не знаю, — буркнул мальчик. — Дурак был. Маленький был.

— И правда глупо... Евгений Николаевич просил, чтобы ты его простил. Ну за то, что он выгнал тебя из мастерской. Говорит, это было так неожиданно, так странно, он просто не знал, как реагировать. Растерялся. Любой растерялся бы на его месте!

— Ыгы.

— А почему ты перестал бывать у меня на работе? Из-за него?

— Ыгы.

Игорь с головой закрылся одеялом, чтобы ещё глуше звучали его нечленораз-

дельные ответы. Ох как не хотелось вспоминать о детстве! Правильно говорят: всё тайное рано или поздно становится явным.

— Ясненько...

Мама была возбуждена выпитым на юбилее вином, спать ей явно не хотелось. Она была настроена откровенничать и ждала того же от сына. Но Игорь больше всего на свете желал сейчас, чтобы мама замолчала. Чтобы оставила его в покое. Спать он тоже уже не мог, мама разбередила «старые раны», просто хотелось тишины.

— Вот послушай, сынок. Мне было семнадцать лет, я училась в институте культуры, на первом курсе... Ты не спишь?

— Н-нет, — Игорь ответил не сразу.

Он слушал, не шевелясь. Иногда по улице проезжала машина и от света фар по потолку проплывали тени.

...Летом поехали на природу: мама — она была тогда просто Майка, а не Майя Васильевна, её подруга Наташа и двое ребят, их однокурсник Алексей и примкнувший к нему приятель Кирей. Кирей был постарше, уже окончил университет

и работал геологом в Сибири. Приехал в их город на пять дней, в командировку. Он Майке сразу понравился — необычное имя Кирей, старинное, из глубины веков, да и сам молодой человек — стройный, с живыми синими глазами, в клетчатой рубашке с закатанными по локоть рукавами, загорелые руки — в ярких родинках. Кто пройдёт мимо такого, не заметив? Сразу разбились на пары. Это произошло спонтанно, никто ни с кем не договаривался: Майка с Киреем, Наташа с Лёхой. Купались, загорали, жара стояла необычная для севера, небо кремового цвета, река под цвет Киреевых быстрых очей — это если смотреть на неё издали. А вблизи река была коричнево-жёлтой, с просвечивающими на дне чистыми сверкающими песчинками, тут и там мелькали рыбки — полупрозрачные мальки резвились на мелководье. Молодые люди тоже резвились. Бывает так: расслабишься — и сливаешься с природой. Вокруг никого не было: ребята отошли подальше от многолюдного пляжа. Над водой склонялись только что отцветшие старые черёмухи с яркой молодой листвой, на берегу росли пучки осоки и мышиный горошек

с рыхлыми фиолетовыми гусеницами цветов. Возле зарослей шиповника разбили две палатки — для девушек и для парней, дурачились, кипятили чай на костре. А потом Майка с Киреем ушли в луга — они над рекой, по-над берегом далеко тянулись, траву здесь не косили, она по пояс — это в конце июня. Так ведь ночи белые, трава не только днём, но и ночью растёт. Рвали цветы, потом бросили — куда их, легли голова к голове и в небо смотрели. Классика жанра!

— Вон облако, видишь? — Кирей показал пальцем. — Похоже на друзу горного хрусталя.

— Что такое «друза»?

— Представь обломок камня, а на нём отростки, как пальцы, этакий пучок кристаллов — это и есть друза. Такого же молочного, с серым оттенком, цвета. А кристаллы прозрачные, как лёд. А небо... вообще-то небо можно сравнить с лазуритом, но сегодня оно слишком светлое, сегодня оно как... оникс, пожалуй. Ой, смотри, тучи собираются... да какие тёмные... прямо чароит... редкий камушек, между прочим...

— Ты любишь камни?

— Все геологи любят камни.

— А чароит — он какой?

— Сиреневый. Как ночь. Как снег под луной. Будет дождь, Майка! И сильный. Бежим к палаткам!

В небе загремело, поднялся сильный ветер, затеребил травы, все стебельки и травинки заговорили разом: «Тс-с»...

— Давай скорее, промокнем!

Он подал ей руку. Поднял с земли рывком и прижал на секунду к себе.

Они бежали, то и дело останавливаясь поцеловаться, и с каждым разом поцелуи становились дольше, дольше. О тучах забыли, и тут из «чароита» полил дождь, да такой холодный, словно и не здешний, а прибывший на реактивных тучах оттуда, где ещё далеко было до летнего тепла.

Продрогли до последней клеточки. У Майки зуб на зуб не попадал — что там какой-то сарафанчик с тесёмками-стебельками. Но весело было! Хохотали как сумасшедшие. Нити дождя пронизывали травы, срывали с одуванчиков причёски, сшивали мужскую и женскую фигуры в один силуэт.

В лагере Майя сунулась в девчоночью палатку, а там — Наташка с Лёхой, пришлось забираться в другую. Скинув мокрую одежду, лежали под лёгким одеялом, на котором три часа назад загорали, и стучали зубами от холода. Обнялись, чтобы согреться.

Не сдержались оба.

Мама замолчала.

— Это был грех? — глухо спросил Игорь. — Грех, да?

— Грех? — мама снова помолчала, раздумывая. — Может быть, и грех. А может быть, и чудо. Не знаю. Я не жалею об этом и никогда не жалела.

— Ты говорила, что встреча с этим человеком была ошибкой...

— Ошибкой. Конечно, ошибкой. Но я о ней не жалею.

Тишина длилась минуту-другую. Но она не была напряжённой. В эти минуты вместились луг, травы, река, дождь, мужчина и женщина в палатке... молодость, страсть. Майя Васильевна вспоминала всё это, Игорь — представлял.

— И всё же вот что скажу, сынок. Ты уже взрослый, поймёшь. Мужчина

должен ответственной подходить к подобному знакомству. Он должен знать, что это не игрушки, не шутки. Вот твой отец появился и исчез. А потом появился ты — через девять месяцев. Кое-кто уговаривал меня оставить тебя в роддоме. Мне восемнадцать лет, второй курс — соплячка. Но я и слушать не хотела. Как можно оставить свое дитя? Ведь это моё! Мои глазки, бровки, ротик — всё моё!..

Игорь молчал. Потом спросил глухо:

— Что ж, нельзя было разыскать этого... Кирея дурацкого?

— Почему же дурацкого? Может, он хороший...

— Тем более. Взяла бы и разыскала.

— А я и не пыталась. Мы были знакомы один день! Один! Я спрашивала у Алексея, где теперь его друг, он сказал, что Кирей уехал. И что он вообще не друг, так, случайный приятель, увязался с ним позагорать.

— Значит, этот, ну Кирей... он даже не знает, что на свете есть я?

— Конечно, не знает.

— Почему же моё отчество — Константинович?

— Да вот так записала тебя.
— И фамилию не знаешь?
— Не знаю. Прости меня, — мама помолчала и добавила: — Я люблю тебя.
— У нас в серванте друга горного хрусталя...
— Я купила на какой-то выставке.
— В память о нём?
— Ну да... и просто красиво.
— И всё-таки...
— Что? Что — всё-таки? Говори!
— Всё-таки надо было найти. Вдруг бы он на тебе женился. Ты красивая.
— Спокойной ночи, сынок.
— И ты хорошая.
— Спасибо, сынок.
— И ты его любишь.
— Игорь! Прекрати! Какая любовь!
— Спокойной ночи, мамуль.
Игорь опустил руку, и мама её пожала. Они всегда так прощались на ночь.

Какая там спокойная ночь! Он глаз не сомкнул.

А наутро не мог смотреть на маму. Стыдно было. Достал из серванта друга горного хрусталя, взвесил на руке —

тяжёлая, грани кристаллов переливаются в дневном свете радужными оттенками. Поставил на свой письменный стол.

Тайна раскрылась. И он на мать рассердился. Как можно быть такой легкомысленной! Ведь взрослая уже была — семнадцать лет! Ох, ведь и ему семнадцать! Игорь вспомнил об этом и покраснел.

...Итак, он появился на свет в результате дождя. Человек дождя. Кажется, был такой фильм. Человек дождя — Игорь Киреевич Агафонов. Эх, если бы ещё свою настоящую фамилию знать! Он теперь так и будет представляться: Игорь Киреевич, человек дождя.

И ещё вот о чём он подумал ночью: значит, *это* может случиться даже после одного раза.

Под словом «это» Игорь подразумевал зачатие. Дрожь пробежала по всему телу — настолько это было серьёзно. После одного только сближения с женщиной! Он этого не знал! А кто-нибудь из его одноклассников знает?

Игорь ни с кем из ребят на тему «мужчина-женщина» не разговаривал. Знал, что парни об этом говорят, но он — нет.

И решил: «У моего ребёнка будет отец. И своего ребёнка я никогда не брошу. И «на стороне» у меня никого не будет».

...О многом он за ночь передумал... О прошлом. О будущем. Настоящая ночь раздумий.

Утром Игорь был уже другим человеком. Более взрослым.

Итак, он — сын геолога. Вовсе даже неплохо! Сын человека, влюблённого в камни. Что он о геологах знает? Романтики. Летом бывают в экспедициях. Живут в палатках. Жгут костры. Поют песни под гитару... Всё это Игорь тоже любил. А кто не любит? Вот и одноклассники любят ходить в походы. А какая у геологов работа, Игорь смутно представлял.

А вдруг он ещё и найдёт своего отца? Ну вдруг? Да, он даже фамилии его не знает и города, где Кирей-геолог живёт. Но ведь случаются же чудеса.

В школе он почему-то не мог смотреть на Валю. Почему-то ему было неудобно смотреть на неё. Словно это она, а не его юная мама была в той палатке... или могла

быть. Ей тоже семнадцать сейчас. Во всяком случае, когда Валя в классе приветливо — как никогда раньше — улыбнулась ему, он не ответил, не улыбнулся. Посмотрел на неё внимательно, глубоко — и опустил глаза. Даже не поздоровался! Рассердился на женское племя за легкомыслие? Он пока сам не мог в себе разобраться, но что-то явно произошло с ним ночью после откровения мамы. Лучше бы не рассказывала!

Лучше? Да нет, пожалуй, не лучше. Он был рад, что узнал: его незнакомый отец — геолог, а не какой-нибудь бомж.

Про фотоаппарат Игорь совсем забыл. Да если бы и взял — не смог бы фотографировать ничего, никого, а тем более — Валю.

На всех уроках сквозь полудрёму он думал о ночном разговоре. О маме. О Кирее. О том, что лучше бы мама ничего не говорила. И о том, что хорошо, что сказала. Сумбур — вот что сейчас творилось в его душе. И проверочную работу по алгебре он не написал. Тупо смотрел в тетрадь. Подошла Татьяна Георгиевна, спросила:

— Игорь, ты здоров? Почему не пишешь?

Он склонился над тетрадкой, вывел сегодняшнее число, два слова: «Проверочная работа». Но даже не взглянул на задания, написанные на доске. Снова уставился в пустой лист. Обеспечивал себе двойку.

И это его совсем не волновало. Пусть.

Два раза на него оглянулась Валя. Увидела, какой он мрачный, голова опущена. Поняла: что-то случилось. На перемене подошла к нему в коридоре:

— Гошка!

Он взглянул на неё отрешённо:

— Что?

— Картошка не была отравлена? Ты какой-то не такой сегодня.

— Не знаю. Не ел. Какой — не такой?

— Ты печальный сегодня. Как Печорин.

— Ага, — ответил Игорь, — как он. Нормальный.

— Хочешь, выйдем на улицу? — спросила Валя.

Погода стояла чудесная, как и вчера. Но сегодня Игорь не замечал ни солнечных зайчиков, ни солнечной «воды» в классе. Он как будто отупел и ослеп.

— Зачем?

— Прогуляемся. Большая перемена. Ты мне расскажешь, почему у тебя сегодня статус «Рыцарь печального образа».

— У меня сегодня статус — одноразовый ребенок, — буркнул Игорь и, не обращая больше внимания на Валю, пошёл по школьному коридору.

— Эй, что ты сказал? — Валя догнала его, тронула за плечо.

— Одноразовый и неизвестный, — он повернулся и поглядел на неё зло, исподлобья. — Меня сделали — и исчезли. Навсегда. Ты это понимаешь? Ты этого никогда не поймёшь. Ты тоже исчезни.

И ушёл. А Валя в недоумении осталась стоять.

Неделю душа у Игоря болела. Потом стало отпускать. Напрягся — и написал на трояк контрольную по алгебре. И вот он уже и на девчонок может смотреть, и на Валю. Только она на него — ноль внимания. Болтает с Мишкой Томиловым. На Игоря не оборачивается. Да в самом деле — ведь не она влюблена в него, а он в неё. И он ей нахамил. Разве она простит?

На перемене между физикой и историей увидел из окна класса, как она курила на улице. Неумело держала сигарету в пальцах, потом закашлялась, согнувшись всем телом. Верка Лимонова снова огонёк зажигалки поднесла к её сигарете, Валя рукой замахала — не надо. И продолжала кашлять. Так ему жалко её стало, жалко и обидно. Эти сороки одноклассницы — сами курят и других с пути сбивают. Курящая девчонка — разве это нормально? Он нёсся с третьего этажа, перепрыгивая через три ступеньки. Подбежал к Вале, перелетая через весенние лужи, дёрнул за руку:

— Не кури!

— Что? — она насмешливо посмотрела на него, сощурив тёмные синие глаза. — Отойди, — и, кивнув в ту сторону, куда ему следовало отойти, обратилась к Вере: — Дай огонька, а?

И опять закурила. Может, назло ему.

— Валь, — примирительно сказал он. — Извини меня. Я грубил. Брось сигарету.

— Иди ты знаешь куда?

— Валь...

— У тебя статус приставалы, да? — девушка попробовала затянуться и снова

закашлялась. И жестом показала, чтобы он испарился.

— Агафонов, кыш! — прикрикнула Верка Лимонова. — Тебя не хотят, не видишь?

Он вернулся в школу, ругая себя за прошлое.

Девчонки — они гордые. А он что сказал? «Ты тоже исчезни». Надо было сдержаться, она-то при чём?

С мамой Игорь тоже вёл себя сдержанно. Сдержанно — мягко сказано. Он вёл себя не по-сыновнему. В первые два дня демонстративно лёг спать раньше её прихода. Свет, правда, не выключал, но притворялся, что спит. Мама раза два окликнула его и, не добившись ответа, громко вздохнула, включила чайник на кухне. Обычно Игорь не только кипятил чай, но и наливал его к маминому приходу в её любимую чашку. Она звонила ему с трамвайной остановки, и он спешил налить ей чаю. Остановка рядом — мама успевала к горячему. И ужин он готовил: научился за школьные годы и картошку жарить, и макароны варить, один раз даже плов приготовил по рецепту из книжки. А в эти дни — ничего, кухня пустая, плита

и стол — чистейшие, чайник — холодный. Он и сам теперь к еде почти не притрагивался. Обычно, готовя ужин, он плиту заливал, чистить её было маминой обязанностью. Сейчас мама, придя с работы, сама что-то соображала на кухне. Утром Игорь уходил в школу, пока она спала, пораньше, чтобы не встречаться с ней,. Бродил по городу, в классе сидел один-одинёшенек... Хорошо, что кабинеты были уже открыты. Та памятная ночь не сделала его лучше — он обозлился на весь белый свет. И на маму особенно.

Однажды в школу вместе с охранником явился.

— Что, не спится? — спросил всегда краснолицый, как индеец, охранник Толян. Конечно, он взрослый был и взрослые звали его по имени-отчеству, а ребята из старших классов — по-свойски, Толяном. Он ведь молодой, охранник этот.

— Ага, бессонница замучила, — пробурчал Игорь и пробежал быстрее мимо Толяна — не хотелось развивать тему. На лестнице он обогнал преподавателя информатики Григория Ивановича. Они поздоровались, и вдруг Игоря словно что-то

толкнуло: «Одноклассники»! Социальная сеть! Выбить в строке поиска: «Кирей», и все два или три (ну четыре!) Кирея сразу покажутся, и его отец, если он зарегистрирован на сайте, из любого города выплывет. И тогда найти его, вычислить будет очень просто! Постучаться к нему в друзья. А скорее всего, человек с таким именем один на Земле. И это он, его папа!

Игорь еле дождался конца уроков. Григорий Иванович разрешил ему минут сорок «позаниматься».

Игорь вышел на сайт «Одноклассников», где зарегистрировался однажды на уроке информатики. Набрал нужное имя в поисковой строке.

Нет. Нет никакого Кирея.

Это в «Одноклассниках» нет. А в «Фэйсбуке»? Нет. И в «Моём мире» нет. И в «Твиттере» нет.

Нигде нет Кирея.

Может, он так всем представлялся, а на самом деле зовут его совсем по-другому? Кирилл? Константин? Вряд ли. Зачем ему было маскироваться? Он же нормальный человек, не преступник. Наверное, он просто социальные сети игнорирует. Не бывает же в них Игорь (только заре-

гистрировался, следуя повальному увлечению). Правда, Игорь их игнорировал по другой причине: у него дома не было интернета. Но он знает людей, даже среди своих ровесников, которые не «ходят» ни в «Одноклассники», ни в «Мой мир», ни даже «ВКонтакте». Нет, это не какие-то сектанты — нормальные люди. Просто им почему-то было неинтересно общаться по компу. Федька Павлов из параллельного десятого такой, например. Книгочей, отличник. Правда, он говорил, что был в «Одноклассниках», но скоро ему стало там ужасно скучно: одна болтовня и суета.

Кстати, к таким людям Игорь относил и себя. Ему тоже было неинтересно. Иначе он как-нибудь сэкономил бы и скопил на компьютер и Интернет. Заработал бы на каникулах. А так... Он работал в прошлом году курьером, заработал, правда, не много, но на компьютер этих денег не оставил. Купил себе хороший мобильник. Даже и не смартфон, просто хороший мобильник.

Вот и отец его, Кирей, точно такой же. Они похожи.

Это как-то подбодрило Игоря. Надо же как-то отличаться от толпы. Вот они с отцом и отличаются.

И очень хорошо, что он не нашёл его на просторах Сети. А вдруг бы Кирей не откликнулся? Опять бы Игорь мучился, переживал. Зачем ему это надо? Ведь они с мамой живут спокойно, в полном согласии. Всё в их жизни выверено, всё правильно. Он любит маму, она — его. Им хорошо вдвоём. А Кирей пусть живёт своей жизнью в любой точке земного шара.

Но как же это потрясающе: один день, один дождь, может быть, один миг... И вот — он, Игорь. Человек.

Только одно хорошее вынес Игорь из ночного разговора с мамой. Решение пойти после школы в геологи.

Акто сказал, что его отец-геолог — плохой? Может, он самый лучший на свете! Подумаешь, нет его в соцсетях...

А ещё через день полил дождь. Первый этой весной. Лил, лил, лил, барабанил по крышам, по земле, по кустам и деревьям, по образовавшимся за минуту лужам, по бегущим прохожим... И этот дождь вдруг показался Игорю родным. Как брат. Брат Дождь. Он начался в тот момент, когда они

с Виталиком Серебряковым после уроков проходили мимо супермаркета. Возвращались домой, как всегда, вместе. Когда хлынуло с неба, со смехом вбежали в магазин. Глядели через стеклянные стены на улицу. Дождь всех разогнал, пусто стало в городе. О, не всех: вдали мелькнула курточка Вали — девушка убегала от дождя под зонтом, прыгала через лужи. Игорь вдруг вспомнил мамин рассказ. Как она и Кирей бежали под дождём, счастливые, прекрасные, молодые. И вот Валя бежит под дождём. Бежит одна. А он-то что прячется? Он, человек дождя?

— Виталя, — задорно сказал Игорь, — рванули?

Друг натянул на голову капюшон.

— Давай!

И дёрнули под дождь, прямо под его длинные сильные струи. Игорь стремился догнать Валу, но понял, что это невозможно, слишком далеко она убежала — во-он, уже за дорогой. Почему-то стало смешно и весело. Может, потому, что они бежали с Валею под одним и тем же дождём, перескакивая через одни и те же лужи с блестящими тугими пузырями.

Добежали до Игорева дома, дурачась, влетели в подъезд, заскочили в лифт. С рюкзаков натекло на пол, прямо наводнение они устроили в лифте.

— Больные мы, что ли? — смеялся Виталик. — Чего мокли? Глянь, дождь кончился! Можно было подождать! Это всё ты, Гошка!

— Нет, нельзя было ждать! — ответил Игорь весело. Он включил чайник, поставил греться суп. — Я человек дождя, теперь я всегда буду гонять под дождём. Всю жизнь!

— Почему это ты человек дождя? Кстати, фильм такой был, знаешь?

Они часто обедали вдвоём. Игорю — что? Он в доме хозяин! Сам продукты покупал. Сам суп варил. И сам угощал кого хотел.

— Я не видел. И песня вроде такая есть. Но я не про фильм и не про песню. Самый настоящий человек дождя — это я. Если бы не дождь, я бы тут с тобой не сидел. Я бы, Виталя, просто-напросто не родился.

— Ну-уу! Сказанул! Не родился! А куда бы ты делся-то?

Виталя по-хозяйски разливал чай. Завсегдатай на этой кухне, он всё здесь знал: где взять чашки, где тарелки, где ложки, где соль. И, как друг, он знал все горести Игоря. И сейчас Игорь рассказал ему всё, что мучило его в последнее время.

— А я-то думал — чего ты кислый такой, — Виталя помотал головой, — надо же, Гошка! С одного раза может человек получиться!

— У меня тоже был шок, — признался Игорь. — А у кого-то совсем детей не бывает, как ни старайся.

— Глупая какая-то природа — нет чтоб всем поровну.

— И всего поровну. Чтоб ни уродов, ни красавцев, так — все слегка симпатичные.

— Нет, красивых женщин надо оставить, а то в кого же влюбляться? — не согласился Виталя.

Игорь сразу вспомнил о Вале. О том, что она красивая. И что он влюблён.

— А я Готову обидел, — сообщил он Витале.

— Извинись.

— Уже. Не прощает.

— Девчонки всегда сначала поломаются, а потом всё равно простят.

— Думаешь?

— Точно. Они добрые все. Подойди завтра — она уже другая будет. Кстати, фильм по компу скачай. Хороший такой фильм. Про чудака. Таких теперь аутистами называют.

— Ты забыл, Виталя, у меня нет компа.

— Тогда купи диск. У тебя же есть «дивидюк».

— Да, это можно. Интересно посмотреть... Подарю ей букет дождя, — все мысли Игоря перескакивали на Валью.

— Кому? А, Вальке! — Виталя засмеялся. — А что ж, раз ты человек дождя, так и букет должен быть дождевой.

— Это что значит? Подарить ей включённый душ?

Посмеялись. А перед глазами у Игоря Валя: джинсы, куртка красная, зонт зелёный, держит его высоко над собой и прыгает через лужи... Длинноногая, тонкая. Звонкая. Почему-то всё это представлялось ему в замедленном темпе. Будто медленный танец. Балет дождя с примой-балериной в центре. И тепло стало на душе.

«Я ведь знаю, где она живёт, — вспомнил Игорь. — И квартиру знаю. И что из этого? У нас не принято под окнами серенады петь».

Игорь проводил Виталю, сделал кое-какие уроки (и зачем в конце учебного года домашние задания задают?). Подошёл к окну. Напротив строили дом. Уже подвели под крышу. В некоторые окна вставили стекла, другие ещё зияли чернотой. Строителей не было видно. Внутри дома что-то стучало, скрежетало, как будто он строился сам собой. Возвели его за каких-то полгода — одиннадцать этажей. Ужас как быстро сейчас всё происходит.

Вот и одиннадцать лет в школе пролетят незаметно. И они, десятиклассники, выросли — так же, как этот дом. Высокие, стройные. Будущий год — последний этаж — выпускной.

Игорь подошёл к столу, вырвал лист из тетради. Нарисовал шариковой ручкой фигурку девчонки с зонтом — она бежит под дождём. Одна нога в луже — брызги искрами разлетаются. И фигура парня — он несётся за девчонкой, а в руке

у него странный букет — стебельки пунктиром, а цветов на них нет, это дождь в его руке, букет дождя, букет длинных изогнутых струй... И весь лист пунктиром, пунктиром, сверху донизу — дождь, дождь, дождь...

На отдельном листке Игорь написал:

«Королева, прости меня, пжста, за грубость. Я — хам. Мой статус: виноватый поросёнок».

Конвертов в доме не водилось: некому писать письма. Бабушка с дедушкой живут на соседней улице, Игорь с мамой ходят к ним раз в неделю. Он просто сложил лист с дождём вчетверо, потом вложил его в другой, как в конверт, и пустился бежать к Валиному дому. Домофон — не преграда: из подъезда вышел мелкий мальчишка и впустил Игоря. И вот письмо с надписью «Вале» — в почтовом ящике номер 42. Игорь очень надеялся, что оно попадёт ей в руки.

Возвращался он через городскую площадь. Здесь ребята катались на скейтах, роликах. Игорь снисходительно смотрел на мальчишеские забавы. Все они прошли мимо Игоря: скейтборды, ролики

стоили, по их с мамой меркам, дорого. Что мама получала-то, работник культуры? Да Игорь и не особо страдал. Подумаешь, ролики, скейт... Был старый велосипед, кажется, ещё мамин, на нём он колесил по городу года три, а потом пешеходом заделался.

Весна летала над городом с пучками мать-и-мачехи в руках. Она разбрасывала мелкие цветочки по дворам, по пригоркам, по невзрачным коричневым газонам, вставляла хилые травинки под каменные фундаменты домов. Истосковавшимся за зиму людям радостно было смотреть на эту, пусть и неказистую, но ожившую природу, бледные цветы и хрупкие травинки притягивали взгляды.

Игорь собрал во дворе коротконогий букетик мать-и-мачехи, поставил в чайную чашку на кухонный стол — знал, что маме будет приятно. Приготовил ужин: сварил картошку, прикрыл кастрюлю полотенцем, чтоб не остыла, достал из банки огурчики — свои, с дачи, они с мамой в августе закатывали их на зиму. Ещё много банок осталось на полках в прихожей,

а ведь скоро новый сезон и новые «кукумберы».

На следующее утро Валя ему улыбнулась. Повернулась к нему на алгебре и улыбнулась. Да ещё и подмигнула хитро! И так ему светло сделалось на сердце! Хоть пой! Он ласково поглядел на Татьяну Георгиевну. Учительница задержала на Игоре удивлённый взгляд. Его-то ласковый взгляд Вальке предназначался, но она уже отвернулась, и он достался математичке. Сейчас Игорь согласился бы на контрольную, даже на две! И получил бы за них пятёрки. Ну это он загнул. Пятёрка по алгебре для него недостижима. Он гуманитарного склада человек.

Стоп! А ведь на геологический факультет университета надо сдавать математику. Что же делать? Игорь решил, что в одиннадцатом поднажмёт на этот предмет. Репетитора они с мамой не потянут, попросит Витальку Серебрякова, друг по математике здорово соображает, он поможет.

На перемене Игорь подошёл к Гротовой.

— Мир? — он протянул руку.

— Ладно, так и быть, — она протянула свою, и он схватил её ладошку. Рука у неё оказалась маленькой и мягкой, как будто без костей. Совсем беззащитная лапка. Он подумал: неужели у всех девчонок такие руки? Прямо гуттаперчевые.

— У тебя отличная картинка получилась, — сказала Валя на перемене, — ты рисуешь хорошо, знаешь, да?

— Раньше я любил рисовать, только не на уроках рисования, — ответил Игорь. — Помнишь, рисовали какие-то кувшины, цветы в горшках? Тоска.

— Теперь ты сам рисуй, не на уроке. Что на душе, то и рисуй.

— Я не знаю, что у меня на душе. Нет, знаю, у меня на душе одна девушка, её Валька зовут, — он покраснел.

— Да-а? Вот и рисуй Вальку.

— Ой, не умею. Не достичь мне портретного сходства. А можно я её сфотографирую?

— Конечно! Давай действуй! Фотик с собой?

— Так точно!

Игорь сбегал в класс за камерой, которая уже дня три дня лежала в рюкзаке.

— Вставай у подоконника. Нет, лучше к двери, свет на тебя будет падать.

Валя встала у дверей класса. Тут же гурьбой набежали девчонки.

— И меня, Агафонов!

— И нас, Гоша!

Игорь пощёлкал девчонок, потом парни толпой за спиной девушек нарисовались. Знают, что фотографий никто не получит, но запечатлеть свою физиономию каждый готов. Потом девчонки отобрали камеру и рассматривали на дисплее, кто как получился. Несколько кадров Валька удалила.

Прозвенел звонок на историю.

— Валь, — шепнул Игорь, — я тебя хочу одну снять. Можно?

— Снять — нельзя. Сфотографировать — можно, — заговорщицки ответила девушка.

— Ишь ты какая, — засмеялся Игорь, отправляясь на урок, как на праздник.

Он еле дождался конца школьного дня.

— Идём на природу — в парк? — предложил он после уроков.

— Принимается! — Валя ударила ладошкой о его ладонь, помахала стайке од-

ноклассниц, которые, уходя, время от времени оглядывались на них. Пробежал мимо Виталя, дурашливо толкнул Игоря плечом.

Узкие асфальтированные дорожки, вдоль которых — ели, сосны и берёзы. Травы ещё нет, так, травинки-разведчицы окружили стволы деревьев. Но течёт через парк синяя, как Валькины глаза, река, над ней берёзки склоняют тонкие ветки, демонстрируя длинные кокетливые серёжки, от которых по кромке воды тянется жёлто-лимонная лента пыльцы. На реке есть маленький катерок, снующий с одного берега на другой — в посёлок Зареченск и обратно. Игорь бесчисленное количество раз фотографировал Валю. Она придирчиво рассматривала каждый снимок. Больше всего обоим понравился кадр, где девушка, улыбаясь, держится за ветку, а за её спиной — кораблик-перевозчик под бытовым названием «Коммунальник». И нос и корма кораблика круглые, он похож на огромного водяного жука с невидимыми под водой лапками.

— Гошка, мне ужасно хочется в Зареченск, — мечтательно произнесла Валя, кивнув на «жука». — И вообще, хочу на кораблике покататься. Туда-сюда, туда-сюда, трали-вали, трали-вали...

— А трали-лены не хочешь?

— Трали-лены не хочу.

Туда-сюда кататься не стали: тесно было на катерке. Не прогулочный катер — рабочий. Просто сошли в Зареченске.

Ух как тут было необычно! Совсем другой мир! Деревянные мостки между маленькими деревянными домиками. Вдоль всей улицы — мост с перилами! И вдоль другой улицы — тоже. Под мостами светлая вода — самое время разлива.

— Венеция! — воскликнули оба почти одновременно. По воде плыли палки, бревна, даже целая сосна с хвоей. Берег подмыло, и большое, могучее дерево просто свалилось в воду, его понесло течением, и теперь оно тут, в Зареченске. Между ветками плавало много разного мусора — пластиковые бутылки, щепки. От Венеции Зареченск всё-таки отличался: вряд ли в Венецианской лагуне столько мусора.

До некоторых домиков мосты не доходили, и к крылечкам были привязаны лодки — деревянные или резиновые. Вся эта картина так резко отличалась от городского пейзажа с многоэтажными домами, машинами, пробками на дорогах, что ребятам казалось, они и вправду очутились в каком-то другом государстве, и не в сухопутной, а в морской державе.

— Просто ужасно красиво и хорошо, — осмотревшись, сказала Валя. Улыбка не сходила с её лица и была похожа на узкую лодочку с задранными носом и кормой.

Шлёп-шлёп по мостам-мостикам, мокрые доски громко вибрировали под ногами. Местные жители, пенсионного в основном возраста с интересом смотрели на случайных туристов. Даже собаки, казалось, не прочь были узнать, кто они такие и зачем пожаловали. Пробегая мимо Игоря и Вали по своим делам, псы оглядывались, а некоторые останавливались и обнюхивали горожан, дружелюбно помахивая хвостами. Агрессия в зареченских пёсиках напрочь отсутствовала.

— Выпрашивают угощение! — догадалась Валя. — Гошка, у тебя есть конфеты?

— Про конфеты надо спрашивать у девушек, — засмеялся Игорь. — У тебя есть конфеты?

— У меня бы обязательно были, если б один молодой человек меня угостил, — отпаривала Валя.

— Понял, — сказал Игорь, — обещаю исправиться. Шоколадка за мной.

— И мороженое.

— И мороженое.

— И цветы.

— Ну как же, цветы — обязательно!

Игорь пошарил в кармане. Деньги у него всегда были при себе, но расходовал он их экономно. Жили на одну мамину зарплату. Он как-то не подумал, что на девушек нужно тратиться. Знал, конечно, об этом, но — отдельно от себя и от Вали. Не привык ещё, что рядом с ним — его девушка.

В одном месте деревянный настил мостика оказался подтопленным. У Игоря кроссовки на толстой подошве. Он глянул на Валины туфельки — хоть они и назывались лодочками, такие «не переплывут». Оба поглядели вперёд, а там такие симпатичные домики, просто теремочки, так

и манили посмотреть на себя поближе. Теремки стояли уже не в воде — разлив до них не добрался.

— Подожди! — скомандовал Игорь. — Стой!

Валя остановилась, глядела на него с улыбкой.

Обмирая от страха, Игорь подхватил девушку на руки.

Она засмеялась и обвила руками его шею.

— А ты смелый, Гошка!

— Крепче держись, а то уроню, — он держал ее, теплую, родную, и сердце у него замирало.

Длилось это секунд пять, но бывает, что секунды растягиваются в часы, вот и эти растянулись, и уже дома Игорь вспоминал о том, как он держал на руках свою любимую, и сердце учащённо билось.

Он опустил Валью на землю и сразу же отстранился. Но хотелось продолжения этой удивительной близости, хотелось подержать её за руки, потереться щекой о щёку, Бог знает что сделать.

— Валь, — сказал он в следующую минуту, и голос его прозвучал глухо, —

...пошли потом ко мне, у меня дома борщ. Сам варил.

— Ух ты! Какой молодец! Научишь меня готовить?

— Научу. Могу прямо сегодня научить.

— Что ж ты, вторую кастрюлю сварганишь?

— Ага. Сварю специально для тебя. И отнесу к тебе домой. И твоих родителей угощу.

— Вот ещё! Чтобы они меня упрекали: вот смотри, парень умеет готовить, а ты...

— А я им скажу, что тебе совсем не обязательно будет готовить, это буду делать я.

— Так и будешь приходить к нам и готовить? — удивилась Валя, — ты, что, соц-помощь?

— Я имею в виду то время, когда ты выйдешь замуж.

— За тебя, что ли? — Валя остановилась и несколько секунд насмешливо смотрела на Игоря.

— Ага. А ты разве против? — Игорь говорил, и ему было страшно. Можно сказать, это была разведка боем.

— Ты, Агафонов, обалдел, что ли?

— А что? Что тут такого?

— Замуж... я ещё не скоро соберусь замуж...

— Почему? А если ты в меня влюбишься?

— Ты, Агафонов, сумасшедший.

— Может быть... пусть. Но я буду варить борщ, а ты будешь делать всё, что захочешь.

— Вот это да! Ненормальный, точно! — Валя глядела на него удивлённо и долго крутила головой. Потом сказала:

— Да-а... завидую твоей девчонке, твоей будущей жене.

— Не завидуй сама себе.

— Ладно, Гошка, я понимаю, это игра, но ты не заигрывайся. Это скучно.

— Почему скучно?

— Потому что это неправда. Это игра. Потому что ничего у нас не известно. Впереди огромный год в школе, потом... — Валя мечтательно зажмурилась, — бурная жизнь. Да, надо будет влюбиться, но при этом обязательно закончить институт.

Со всех сторон сверкала на солнце синяя вода, исчерченная высокими деревянными мостиками. Странно было видеть это рядом с большим городом,

закованным в асфальт. Игорь озирался вокруг, восторгался увиденным и не мог решить, вода ли блестит, отражаясь от блестящих Валькиных глаз, или её глаза блестят, отражаясь от воды... Он смотрел на Валю, на воду, снова на Валю и любовался девушкой. Неровная чёлка, тёмно-синие глаза, чуть лукавая улыбка — всё это сейчас так близко — только руку протяни, а хотелось, чтобы было ещё ближе.

Человек в болоньевой куртке, с багром в руках посторонился, пропуская пару, подошёл к перилам моста, вонзил острёе багра в бултыхающееся в воде бревно и потащил добычу к своему домику, как пойманного крокодила.

Каждый год во время разлива Зареченск затапливало и люди переезжали в город, к родственникам, или перебирались на вторые этажи, если они были. Зато кто не зевал — заготовливал дрова. Всегда у зареченцев был запас дров на зиму — брёвна, деревья, подмытые рекой, какие-то доски сами плыли в хозяйские сараи — не ленись только, направляй.

Наконец ребята добрались до суши. На грядках уже всходил лук, цвели на

клумбах нарциссы и тюльпаны. Столбики мышиного гиацинта цветом были похожи на Валькины глаза. Игорь раньше никогда не замечал такой красоты в обычных, казалось бы, вещах, а сейчас словно впервые увидел пробуждение земли: мокрые доски мостов, пар, поднимающийся над ними, когда мостики подсыхали, серебристые блики на воде, чёрные огороды, яркие весенние цветы. Вот так бы бродить с Валькой и никогда не расставаться. И видеть всё вокруг в радужных красках. Почему он ещё маленький, почему скоро ему домой и ей — домой, но дома у них разные? И к чему все эти условности? Были бы они первобытными людьми, жили бы в пещере и уже с четырнадцати лет были бы вместе, потому что Валька нравилась ему давным-давно, лет с десяти, с того момента, когда она предложила ему райские яблочки... Как маленькая Ева... Или жили бы они в наше время, но в деревне, где нравы свободнее. Нет, и там тоже школа... Выходит, надо ждать совершеннолетия, а уж потом делать Вальке предложение руки и сердца. Но ведь и раньше, в прошлые века,

ждали, — утешал себя Игорь. Ожидание, видимо, необходимо в человеческом обществе. Что ж, он подождёт, сколько надо подождёт, а потом обязательно женится на своей синеглазой королеве.

Они повернули назад, к берегу, потому что посёлок кончился и дорогу преградил лес. И снова гулко затопали по мосткам.

У дома с высоким крыльцом стояла, покачиваясь, привязанная к забору деревянная лодочка.

— Хочу в лодку! Просто посидеть хочу, — сказала Валька тоном капризного ребёнка, которому ни за что нельзя отказать — заплачет.

— Хозяева выйдут, будут ругаться. Это частный транспорт, Валюха! Сейчас серьёзно с частной собственностью.

— Мы немножко посидим. Никогда не сидела в лодке. Представляешь? Никогда в жизни!

Как отказать этим лучистым синим глазам?

Игорь шагнул с мостика прямо на крыльцо, подал девушке руку. Перебрались в лодку, утлую, старенькую, неустойчивую. Валя села на корме, он на носу.

— Ну как? Чай теперь твоя душенька довольна? — вспомнил он Пушкина.

— Хорошо... сегодня ужасно хорошо, Агафонов! Даже не верится, что на другом берегу — дом и школа. Кажется, что мы так далеко сейчас от всего обычного, обязательного.

— Мне тоже так кажется. Я в другом государстве. Рядом с его королевой.

— Молодец, что привёз меня сюда. Просто герой.

Валя развеселилась. Улыбается, глаза блестят, волосы треплет ветер — красавица!

Красавице хотелось дурачиться. Стала раскачивать лодку, держась за борта, да не слабо раскачивать — волны пошли от утлой посудыны.

— Валька, смотри, перевернёмся! Полегче!

— Что, струсил? Струсил, да?

— Ничего я не струсил!

Лодка кренится — нет-нет да и черпанёт воду.

Ладно, подумал Игорь, если что — здесь неглубоко, пусть пошалит. Он привстал, чтобы достать консервную банку,

лежавшую тут же — будет чем вычерпывать воду. В это время Валя сильно качнула лодку. Секунда — и оба очутились в воде.

— Ну вот, ты этого и хотела, да? — Игорь одним прыжком вскочил на крыльцо и подал девочке руку.

— Точно, этого! — Валька хохотала, забираясь на крыльцо и отжимая промокшие насквозь джинсы. Вода стекала ручьями. Хорошо, что глубина здесь была чуть выше колена.

— Что будем делать, а? — строго спросил Игорь.

— Стучаться в дом. Просить о помощи! — Валька скорчила уморительную рожицу. — Мы маленькие котятки, пустите обогреться... Или в МЧС звони: сто двенадцать по мобильному!

Игорь дёрнул входную дверь. Она неожиданно легко открылась.

В коридоре полумрак. Обо что-то ударились, что-то загремело — засмеялись оба. Нашупали вторую дверь, обитую дерматиновой шубой, из которой лезла неопрятная вата.

На постели в комнате лежала старая женщина, укрытая одеялом в несвежем пододеяльнике, сверху был наброшен тулуп. На табурете, рядом с кроватью, — чайник с чёрным закопчённым носиком. Всюду следы запустения и ушедшей воды. Пахло мелом — высыхала русская печь, занимающая полкомнаты.

— Ой, здравствуйте, — смутилась сразу притихшая Валька, — вы знаете, мы тут промокли немного, в воду упали... Хотели у вас об...сушиться...

Последнее слово девушка произнесла неуверенно. Поняла: негде тут сушиться и греться негде, единственный способ — забраться под одеяло к этой страшной на вид женщине. Её бледное лицо, глубокие морщины резко контрастировали с синей водой и ярким солнцем за стенами домика.

Старушка неопределённо кивнула и слабым, чуть хрипловатым голосом произнесла:

— На чердаке есть сухие вещи, поищите там, переоденьтесь...

— На чердаке? — девушка пожала плечами. — Зачем нам старье? Нам можно

что-нибудь из обычного, нормального. Мы же вернём всё! Честное слово!

Игорь тоже подумал, что на чердаке рухлядь.

— А вода, — тихо ответила женщина. — Потому всё туда подняли.

— А-а, спасибо, мы посмотрим и, если что — возьмём, да? Потом мы вам всё принесём, да? — тараторила Валя.

— Принесёте — хорошо, не принесёте — ничего.

— Принесём, принесём... Да, Гошка?

— А вы что, болеете? — спросил Игорь.

— Больна — не больна, а слаба — да, сильно. Голодаю...

— Как это — голодаете? — Игорь опешил. Он ни разу в жизни не голодал и даже не думал, что в наше время такое возможно.

— Сын, наверное, в город уехал, он мне всё приносил, а сейчас — не хочет, видать... Запил в городе, видать...

— Слушайте, так же нельзя... Сейчас я сбегая в магазин, что-нибудь вам куплю, сготовлю, — забеспокоился Игорь.

— Печку не растопишь. Электричество нельзя включать: мокро всё.

— А как же вы... ладно, можно не готовить. Скажите, как до ближайшего магазина добраться? На лодке?

— Зачем на лодке? Вода спала, можно по мостикам. Десять минут до магазина по мостикам. Прямо, — женщина выпростила из-под одеяла руку, показала направление, — потом вправо и опять прямо... спросишь. Да деньги-то возьми, там, в тумбочке... сходи... сходи, дорогой.

— С деньгами потом. Валь, — обратился Игорь к девушке, — ты пока прибери тут немного, я быстро.

— Гошка, я мокрая, мне переодеться надо, не могу я такая, — и Валька указала на мокрые джинсы.

— Хорошо, сначала на чердак, посмотрим, что там из одежды, а потом я сгоняю.

— Не лень тебе с чужой старухой возиться? — спросила Валя, когда они по приставной деревянной лестнице лезли на чердак. Она оглянулась на него и презрительно скривила губы.

— Валь, она же человек.

— Мне кажется, она алкашка.

— Пусть даже так, но, когда человек голоден — надо накормить.

— Ты такой правильный, Гоша, да?

Игорь не сумел ответить. Не считал себя ни правильным, ни неправильным. Он считал себя нормальным. Промолчал.

На чердаке куча старых газет — ими устлан пол, мешки какие-то валяются всюду, а на перекладинах вещи висят, видно, что их наскоро набросали, спасая. Не на плечиках, а так просто перекинули через балки платья, халаты, брюки... Игорю нашлись старые джинсы — похоже, у него был тот же размер, что у сына хозяйки. А для Вали Игорь обнаружил спортивный костюм, но девушка, отбросила обноски в сторону.

— Не хочу. Воняет.

— А я сменю штаны, отвернись, а?

— Пожалуйста! Вот тебе и кроссовки, а где носки — вряд ли мы разберёмся. Ой, Гоша, всё тут для тебя приготовлено, вот и носочки, и даже, кажется, не дырявые. А я, пожалуй, домой отправлюсь.

— Валь, не уходи, надо купить еды, давай я быстро сгоняю в магазин, это полчаса, не больше.

— А я буду простужаться в этих мокрых джинсах, да? Нет уж, спасибо, это меня не устраивает.

— Валь... ну пожалуйста... ну переоденься. Давай мы друг над другом посмеёмся в этих глупых одежках. И вообще, кто попросился в лодку? А кто её раскачивал? — Игорь шутливо нахмурился.

— Пока!

Валя спустилась с лестницы и исчезла, громко хлопнув входной дверью. А он, пока снял джинсы (попробуй сделай это, если они мокрые и в обтяжку) да надел сухие, с прелым запахом... Кинулся догонять девушку. Догнал у самого перевоза.

— Ну ты что, Валюх? — он за плечо повернул её к себе. — Что случилось? Что за бегство?

— Иди ты знаешь куда? — Валя смотрела на него зло. — Старуху выбрал, вот и будь с ней! Санта-Клаус!

Игорь ничего не мог понять. Что с ней произошло? В какие-то десять минут так изменилась. Глаза уже не лучатся — колючие какие-то, губы отвердели: ни следа прежней озорной лукавой улыбки, даже ямочки на щеках исчезли. Из мягкой, весенней, искрящейся весельем девушки Валя превратилась в молодую Бабу Ягу.

— Валька, она же человек!

— Вот и будь с этим человеком, — Валька нервно засмеялась, потрещала пальцами, сцепив руки замком. — Человек, ага. Напилась, вот и не держится на ногах.

— Да от неё даже не пахнет спиртным!

— А ты что, нюхал?

Игорь поднялся на борт, помог Вале взойти по трапу и спуститься на железную палубу катера, которая была ниже уровня воды.

Молча переехали речку, молча вышли на высокий городской берег. Да что там — молча! Они даже не смотрели друг на друга! Нет, Игорь взглядывал на Валю время от времени, надеясь, что она смягчится, повеселеет. Поймёт, что не права. Напрасно ждал: лицо её по-прежнему было каменным.

— Не провожай меня, — жёстко приказала девушка. — Дорогу знаю. Гудбай, филантроп!

— До завтра, Валь.

Игорь кинулся домой. Он даже обрадовался, что не надо провожать Валю. Шутка ли — человек голодает! В наше время! Может, уже не первый день! Согрел борщ.

Хотел накормить свою Вальку, а будет кормить старуху. Ну и что? Пусть старуха, но человек же. Человек! Игорь упрямо сжал губы. Чего-то Валька не понимает... Ничего, повзрослеет — поймёт. Наверное, она ещё маленькая. Может, девчонки взрослеют позже.

Пока борщ грелся на плите — микроволновкой они так и не обзавелись, Игорь снял неудобную чужую одежду, в которой было неловко именно потому, что она — чужая, побросал в рюкзак. Перелил борщ в термос, хлеб нарезал неровными кусками, не нарезал — накромсал: торопился. Сам наскоро похлебал того же борща, в другой термос налил кипятка, всё — в тот же вместительный рюкзак, и бегом — обратно, на перевоз. По пути купил пакет молока, две банки фасоли с кольцами на крышках. «Женщина, — подумал он и мысленно поправил себя, — старуха, — нет, слово «старуха» ему не понравилось, снова поправился, — бабушка сама сможет их открыть». Он же не будет каждый день к ней прибегать, в конце концов, у неё есть сын. «Надо найти её сына или зайти к соседям, — размышлял Игорь. —

Вот паразит, как же можно про мать забывать?»

Был уже вечер, когда он, пробежав по гулким мосткам, добрался до избушки с привязанной к забору лодчонкой. Вечер выдался тёплый, с мягким небесным тоном, но теперь парень не замечал ни красоты, ни экзотики — не было Вали, присутствие которой так чудесно преображало весь мир вокруг. Наоборот, в душе Игоря росло какое-то беспокойство, словно он делал что-то неправильно, не так.

Пожилая женщина, как и прежде, неподвижно лежала под тряпьем.

На скрип двери она приоткрыла глаза и безразличным взглядом посмотрела на Игоря.

— Бабушка, это я, — сказал он, — поесть вам принёс. Где у вас тарелки?

Нашёл кухню, налил в первую попавшуюся тарелку дымящегося борща из термоса, поставил на табуретку у кровати.

— Поднимайтесь, поешьте. А то с ложечки вас кормить буду! — шутливо пригрозил он.

Бабушка откинула одеяло. Приподняла голову и снова рухнула на подушку.

— Что? — встревожился парень. — Не можете встать?

— Не могу, сынок. Голова кружится. Дай руку.

Он с трудом усадил старушку на постели. Как-то неловко было кормить взрослого человека, даже немного стыдно. И... неприятно. Женщина жадно глотала горячий борщ, почти не прожёвывая овощей. «А как же в больницах? — подумал Игорь. — Там пациентов и кормят, и судно за ними выносят. И... памперсы меняют». Если он выберет альтернативную службу в армии и будет проходить её медбратом, ему так же придется за больными ухаживать... Мысли об альтернативной службе посещали его не раз. Однажды в военкомате, когда они с ребятами проходили очередной медосмотр, он поинтересовался о такой возможности у какого-то офицера. Тот окинул его презрительным взглядом и спросил: «А ты что, не мужик?»

Вдруг Игорь увидел, что по лицу женщины ползут слёзы.

— Что вы? Почему плачете? — испугался он и попробовал пошутить: — Ну вот, супчик пересолили.

Она махнула рукой и продолжала есть, даже не вытирая слёз.

Игорь налил из другого термоса чаю.

— Держите кружку. Сможете? И хлебушек вот. Кушайте.

Она выпила чай, отдала кружку Игорю и легла.

— Вам врача надо вызвать.

— Нет, не надо. Не приедут сюда, да и не помогает мне ничего.

— Уколы нужно поделать. Не может быть, чтобы ничего не помогало. Так не бывает.

— Не помогает. И ходить не могу, только до туалета и обратно ползаю по стенке. Голова, сыночек, очень кружится.

— А сын где? Он знает об этом?

— Знает, — и она снова махнула рукой. — Пропавший он у меня. Пьёт.

— А телефон у него есть?

— У меня записан. На столе бумажка...

Игорь переписал номер в свой мобильник.

— Вам надо тоже телефон купить. Простенький, они сейчас дешёвые очень.

— Не надо, всё равно позвонить не сумею. Спасибо, сынок. Да ты с какого неба

упал, такой хороший? Ведь нет сейчас хороших-то людей, нет.

— Как нет, есть, — засмеялся Игорь. — Я позвоню вашему сыну. Как его зовут?

— Павел.

— А отчество?

— Сергеевич.

— Павел Сергеевич. Хорошо. Он придёт!

Бабушка снова тихо заплакала.

— Придёт, придёт, не сомневайтесь. А то и я вас ещё проведу. Вещи я сложил на диване, спасибо. Вот это — фасоль, видите, в банках, — он выставил банки на табуретку и показал, как открыть. — Она вкусная, я пробовал, и легко открывается. Проголодаетесь — поешьте, вот ложка. До свиданья.

— Деньги-то хоть возьми за продукты!

Игорь подумал, что и правда надо бы взять столько, сколько потратил. Окинул взглядом бедную обстановку комнаты, вспомнил, как люди жалуются на маленькую пенсию, и раздумал. Хозяйка-то, конечно, пенсионерка. Ничего, они с мамой не обеднеют. Им вообще не много нужно.

— В другой раз возьму, а вы поправляйтесь!

Он смылся. Честно говоря, ему всё-таки стыдно было возиться со старушкой. «Вот если бы с Валею вдвоём, тогда хорошо было бы, а так... как будто я псих какой-то...»

Выйдя, Игорь позвонил Гротовой.

— Приветик, Валь! Как добралась?

— А что такое? — голос надменный.

— Ничего. Просто хочу узнать.

— Урагана не было, меня в Калифорнию не сдуло. А как твои октябрюта?

— Какие октябрюта?

— Ну ты же шефство над кем-то взял.

— А... ты всё об этом... хорошо. Я сыну бабушки позвонил, он приедет, и врача он обещал вызвать.

— Бабушки! Старухи, скажи! Никогда бы не подумала, что ты такой.

— Какой — такой? — Игорь опешил.

— Жалостливый. Старушку пожалел, о-ох-ох-ох, шпинка болит, ножки не ходят, — зашепелявила девушка. — Ты сегодня мне всё настроение испортил.

— Извини, Валь, так получилось.

— Да ладно. Так и быть — прощаю. Тоже уникум — ради каких-то старух девушек бросать на произвол судьбы.

— Валь, я тебя ни за что не брошу. Никогда, — Игорь стоял на мосту, барабанил пальцами по перилам и улыбался. Он успокоился. Его королева, кажется, больше не сердится. Да разве может она долго сердиться?

— Ладно, ладно, разговорился...

Голубой мотылёк сел на перила рядом с рукой Игоря. Крылья в синих точках, по краям — белая каёмка. Наверное, прилетел на тепло: на сердце у парня потеплело.

— Пока, Валь. До завтра!

Он сразу почувствовал прелесть весеннего вечера. От воды тянуло прохладой. На светлом майском небе завиднелась ближайшая к Земле звёздочка. Самая любопытная. Остальные растворились в белой ночи.

Все хорошо. И бабушку он накормил. И Валька не сердится.

Через неделю закончился учебный год и класс отправился в традиционный летний поход. В этот раз не стали пилить

до дальнего леса на автобусе через весь город. Игорь посоветовал одноклассникам исследовать зареченский лес. Разве не интересно на острове побывать? И ближе намного. С одной стороны — Зареченск, с другой — хвойная чаща и заливные луга, уже свободные от полной воды.

Солнце выпило всю воду в Зареченске. Остались только маленькие лужи, похожие на плевки, да островки растрескавшейся грязи. Мосты больше не нужны — до наводнения следующего года. Их не разбирали, конечно, но люди по ним уже не ходили. Разве что мальчишки бегали, играя в шумные игры, да какая-нибудь собака пробегала. По земле проложены деревянные дощатые тротуары. Класс грохотал по ним кроссовками, кедами, резиновыми сапогами.

Дойдя до знакомого дома с высоким крыльцом, Игорь кивнул Вале: «Зайдём?»

— Иди, — скривилась она, — тимуровец. Будь готов!

— Я на секунду, ладно? — Игорь передал Вале свой рюкзак.

Валя, не ответив, закинула его за спину и пошла дальше вместе с подругами. Даже не оглянулась.

Во дворе отцветала черёмуха. Измятые гусеницы цветов валялись на крыльце, на дне лодки, которая на земле выглядела особенно бесприютной и заброшенной. Всюду ещё чувствовался сладкий черёмуховый запах. Под старым деревом стоял небольшой, наскоро сколоченный стол из неструганых досок. За столом сидели двое — мужчина лет сорока в линялой растянутой майке и парень в бейсболке с большим козырьком. Перед ними возвышалась тёмная пластиковая бутылка пива.

— Здравствуйте, — поздоровался Игорь, войдя в калитку. — Как мама ваша?

Он не знал, кто из этих двоих сын старой женщины, но обращался к парню. И, конечно, ошибся.

— А... это ты, наш пионер, — человек в линялой майке пододвинул к себе ополовиненный стакан, доверху долил в него пива. — Иди выпей за свою доброту, — он протянул стакан Игорю.

— Нет, я не пью, я тут с ребятами в поход...

— В больнице мать, — не дослушал мужчина, — в кардиологии. Увёз её, там уход лучше, дома только смердит...

И откинувшись назад, залпом выпил.

— А ты, пацан... того, заходи когда захочешь... На обратном пути заходи, выпьем. Как так — пива не пить? Я же тебе не водку предлагаю.

Игорь повернулся и побежал догонять одноклассников. Слово «смердит» его сильно задело. Как так можно о матери? Этот тип сам смердит — пивом своим.

Он догнал ребят, пристроился к Вале. Она ничего не спросила о больной женщине, и он ничего не сказал. Теперь он точно знал: Вале неприятно о ней слушать, тем более — разговаривать. И не мог понять — почему. Ну не хочет, и ладно. У каждого свои тараканы в голове.

На границе леса и луга остановились лагерь.

Вода в реке падала. Она была ещё не очень чистой — весенней, беспокойной.

По ней плыли коряги и бурая пузыристая пена. На противоположном берегу ивы до сих пор стояли в воде. Игорь знал, что в это время хорошо брал лещ. Он любил рыбачить. Они с мамой и её подругами, у которых были мужья, часто выезжали на природу. В таких поездках Игорь старался держаться ближе к мужчинам, у них и научился премудростям рыбалки. А ещё научился разводить костёр, добывать дрова, вырубать рогульки, чтобы вскипятить чай в котелке, подвесив его на перекладину.

Игорь взял наживку, удочки, и они с Виталиком Серебряковым спустились на берег, поросший сухой травой, сквозь которую кое-где пробивались редкие стрелы новых стеблей, трав, цветов. Край берега был грязен, как всегда после половодья, ноги на нём разъезжались. Ничего, ребята в резиновых сапогах.

Друзья обещали одноклассникам уху, нужно было постараться наловить рыбки. Главное, Игорь Вале пообещал: «Сварю для тебя уху, пальчики оближешь». Наловили не лещей, правда, но подлещиков да ещё плотвы-сорожек — ухи должно было хватить на всю честную компанию.

Девчонки рыбу почистили, а варить уху Игорь взялся сам. Одноклассниц в лес отправил — нарвать светло-зелёных кончиков с еловых лапок. Молодые побеги ели — нежные, кисленькие на вкус и очень полезные, витамина С в них много, как в апельсинах. На весенних пикниках мама с подругами всегда собирала эти еловые «рукавички», как называл их Игорь. А другие девчонки сейчас искали на лугу молодой хвощ — их тоже Игорь направил, но терпения у этих девчат хватило на пять минут. Накрошили «лесные витамины» к купленным и нарезанным огурцам, заправили майонезом — салат получился не только экзотическим, но и очень вкусным. То, что парни пиво открыли, — это их дело, каждый сам себе хозяин. Игорь в распитии не участвовал. Салат да уха — еда самая здоровая, уминали все за обе щеки. Игорь девчонкам ухи подливал, а парням сказал: «Сами себе добавляйте». А потом пили чай с костра — с дымком, с булками, конфетами, печеньем. Что хорошо в походе — так это разнообразное угощение из общего котла.

После обеда разбрелись кто куда. Кто в палатке валялся, кто в бадминтон играл, кто по лесу шастал. Музыку врубили. Несколько пар в лесу скрылись, подальше от любопытных глаз.

Игорь подошёл к Вале, взял её за руку. Без страха взял: уже знал, что девушки не кусаются.

— Пойдём погуляем?

Она пожала плечами, улыбнулась, так что появились ямочки на щеках, — до чего же милая и родная.

— Давай!

И пошли по-над берегом, по лугам с невысокой ещё травой, в которой прятались крохотные листики щавеля.

— Сейчас щавеля тебе нарву.

Ползал на коленях. Собрал пучок маленьких нежных листочков. Так в горсти и поднёс к её губам.

— Ешь, мой зайчонок.

Губы мягкие, тёплые. Все съела, прямо с руки.

— Гош, ты такой хороший.

— Ты тоже хорошая.

Он прикоснулся губами к её щеке. А потом обнял Валу. Она не отстранилась, так

и стояли, обнявшись, под ивами, распустившими бледно-зелёные африканские косички. Игорь чувствовал её всю: тонкую податливую фигурку, завитки на шее, загадочную грудь под чёрным вязаным свитером. Вчерашнее её непонимание забылось, сегодня она опять добрая, нежная, глаза снова светятся синим огнём.

Внизу под обрывом шелестела река, тенькали какие-то птички. К счастью, ещё не было комаров и эти кровопийцы не нарушали ни тишины, ни уединения.

И вдруг загремело в небе. С утра солнце светило в полную силу, казалось, его запала хватит на весь день. Ни Игорь, ни Валя не заметили, как небо оккупировали лохматые тучи и полил дождь, холодный и хмурый.

Но возвращаться к классу не хотелось.

Ещё по дороге к реке Игорь увидел шалаш. Новый, со свежей хвоей. Видать, недавно здесь были рыбаки, они и соорудили для ночлега.

— Валь, ура, у нас есть убежище! Бежим!

И снизу шалаш выстлан еловыми лапами. Смеясь, отряхивались от дождя, Игорь

лёг, раскинув руки, и Валя положила голову на его плечо. Блаженство и счастье.

Лежать в низком шалаше удобнее всего. Лежать и обниматься. И можно её целовать. Она не возражает, а он-то боялся... И чего он девчонок боялся? Вся податливая, мягкая, вся, как её узкая гуттаперчевая ладонь... Ещё немного — и случится чудо, о котором говорила мама и о котором она никогда, по её словам, не жалела.

И вдруг Игоря как будто ударило.

А вдруг через девять месяцев последует ещё одно чудо? Нет, Игорь не против рождения человека, они с Валею поженятся, и он будет отцом... Такое счастье быть чьим-то отцом, ходить со своим ребёнком на рыбалку, на лыжах, учить его складывать буквы, читать ему книжки перед сном.

Но мама же называла это чудо ошибкой.

Впереди у них выпускной класс. И он не имеет права портить жизнь любимой девушке.

— Валь, нам надо успокоиться. Валь...

Его руки замерли, он сел у входа.

— Что с тобой? — спросила Валя. — Гош, что случилось?

— Ничего.

Он улыбнулся беспомощно.

Он должен быть ответственным — вот что случилось.

— Прости, распустил руки.

— Я тоже распустила. Ну и что, Гошка? Тебе со мной плохо?

— Мне чудесно с тобой, Валюха. Но нельзя. Нельзя, нельзя, Валька!

Он выдернул из-под себя еловую ветку и переломил. И ещё раз. И ещё.

— Да? А я думала, ты взрослый, — Валя тоже села, поправила волосы.

Дождь перестал так же резко, как начался.

Перед ними река несла свое сильное тело, на листьях и в невысокой траве сияли самоцветами капли, освещённые пробившимся сквозь сиреневые тучи солнцем.

Валя выбралась из шалаша. Одёрнула свитер, вытащила сухой стебелёк, застрявший в шнуровке кроссовок.

— Пока, мальчик! — помахала рукой и быстро направилась в сторону лагеря.

— Валь! Подожди! — он кинулся следом, перегнал, повернулся к ней лицом. — Валь, ты же знаешь, что могло случиться, Валь...

— И что же? — Валька смотрела на него насмешливо.

— Будто не знаешь!

— Дурак ты, Агафонов, — сказала Валька. — Дремучий, как валенок.

— Валь, мы поженимся, обязательно — сразу после школы, да?

— С тобой? — она усмехнулась, а скорее, даже ухмыльнулась. — И не мечтай. Я выйду замуж только после института. А до этого я не собираюсь оставаться старой девой. Понял? Но это будет не с тобой, не волнуйся! Ты... ты какой-то скучный, Гошка.

— Валька, извини! Я не мог.

— У тебя какие-то непонятные правила, ты всё так неожиданно портишь. Всё хорошо, а ты раз — и всё насмарку!

— Извини...

Он хотел обнять её, но она увернулась.

— Подожди, Валь, я должен тебе что-то объяснить, ну послушай.

Он хотел рассказать мамину историю, тогда она, конечно, всё поняла бы. Но Валя не стала слушать и, оттолкнув Игоря, побежала к палаткам, которые уже виднелись на поляне. Оттуда слышалась музыка.

Снова накрапывал дождь. Прямо при солнце, подглядывавшем сквозь голубенькое оконце в тучах.

Горько стало на сердце у Игоря. Был бы девчонкой — заревел бы.

И всё же он знал, что прав.

Им ещё целый год учиться. Ещё рано... Он объяснит Вале. Она поймёт, она умная, она почти отличница.

По траве тихо шелестел дождь — помогал ей расти.

А Игорь поможет вырасти Вальке.

Потому что вечно будет её любить.

Содержание

Москва слезам верит	5
В ожидании алых парусов	113
Дождь из прошлого века	197

По вопросам приобретения книг издательства
«Аквилегия-М» обращайтесь по телефонам:
(495) 661-28-24, 589-80-15
akvil@mail.ru
Мы рады вам!

Приглашаем на сайт издательства
www.akvil.net

Елена Габова
Дождь
из прошлого
века

*Литературно-художественное издание
для читателей старше 14 лет*

Художник Кирилл Прокофьев

Редактор М.Семёнова
Верстальщик А.Ванин
Корректор М.Семёнова

Подписано в печать 28.05.13.
Гарнитура «NewtonС». Формат 84х108/32.
Бумага офсетная. Тираж 3000 экз. Зак. №

Сертификат соответствия
№ РОСС RU.AГ23.H05363 от 27.06.2012 г.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2, 953000 - книги, брошюры

Издательство «Аквилегия-М»

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14